

ПОСЛАН
ЭТОМУ
ТАН

Tyulemissov Madi مدي ابو اصل

tmadi1@gmail.com

БИБЛИОТЕКА КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГОЦ Г. С.
ДЕЛЮСИН Л. П.
МАМЛIEEВ Д. Ф.
РЕДЬКО Т. П.
РИФТИН Б. Л.
СЕРЕБРЯКОВ Е. А.
СОРОКИН В. Ф.
ТИТАРЕНКО М. Л.
ФЕДОРЕНКО Н. Т.
ЧЕРКАССКИЙ Л. Е.

Москва

«Художественная литература»

1987

ПОЭЗИЯ
ЭПОХИ
ТАН

VII-X вв.

Перевод с китайского

Москва

«Художественная литература»

1987

ББК 84.5Кит
П67

Составление и вступительная статья

Л. ЭЙДЛИНА

Оформление художника

Ю. КОПЫЛОВА

П $\frac{4703000000-198}{028(01)-87}$ 208-87

© Состав, художественное оформление, вступительная статья. Издательство «Художественная литература», 1987 г.

ТАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

С 618 г. в Китае начинается правление династии Тан, продолжавшееся почти триста лет. Династия пришла к власти, подавив крестьянские восстания. Танские императоры узрели силу народа в самом начале становления нового государства. Император Тай-цзун, сын основателя династии, мог с полным правом предостеречь своего наследника: «Лодку сравню с правителем народа, реку сравню с простым народом: река способна нести на себе лодку, способна и перевернуть лодку».

В результате объединения отдельных враждовавших между собою княжеств было создано могучее Танское государство. Власть сосредоточивалась в руках императора. Его резиденцией была столица Чанъань — город с миллионным населением, в который стекались люди из разных мест. Первые правители Танского государства проявили немалую заботу о благосостоянии страны, раздали казенные и безнадзорные земли крестьянам, ограничили власть крупных помещиков, всемерно поощряли ремесла и торговлю. Полтора столетия страна жила мирной, сравнительно спокойной жизнью.

Конечно, страна богатела на тяжком крестьянском труде, но это все же было не «мрачное» средневековье, а время, просвещенность которого поддерживалась, в частности, системой экзаменов на чиновничьи должности. По-видимому, система эта, дававшая довольно широкую возможность привлечения талантов и допускавшая к политической деятельности не только высшие, но и средние и низшие слои землевладельцев, нарушалась подкупам, но все же она существовала, и обойти ее было нелегко.

Дотоле невиданная широта общения с внешним миром способствовала знакомству с самыми различными и среди них ранее неизвестными Китаю религиозными воззрениями. Широта эта склоняла к религиозной терпимости, а вместе с нею и к свободе в выражении мнений, которая постепенно, однако, все больше ограничивалась.

Традиционное уважение к литературе приобрело практический характер: одним из главных предметов на экзаменах являлась поэзия.

В политику и в литературу пришли выходцы из семей средних и малопоместных землевладельцев, выросшие в деревнях и связанные многими нитями с крестьянством, люди более близкие к народу, чем старая аристократическая верхушка. Это не могло не оказать влияния на литературу.

Кругозор танского литератора намного расширился. Жизненный опыт поэта уже не ограничивался родным селением и ближним городком, а включал в себя обширнейшую страну с неодинаковыми условиями жизни в различных ее областях, с большими городами и далекими окраинами. Поэт, будучи чаще всего государственным чиновником, и своей службой, и творчеством принимал участие в жизни страны.

Когда мы обращаемся к танской литературе, мы прежде всего говорим о лирической поэзии. Она продолжила и развила великие достижения прошлого, сама же поднялась до невиданно высоких вершин. Она развивалась исподволь, потому что ей нужно было освободиться от чертополоха «красивости», заполнявшего поля литературы на протяжении предшествующего века, и выделить те живые традиции, которые могли послужить вдохновению танского времени. Кроме доханьских и ханьских поэтов, это были Жуань Цзи, Тао Юаньмин, Се Линъюнь, Се Тяо, Бао Чжао, Юй Синь... Чтобы сбросить путы того, что мы теперь назвали бы формализмом, танским поэтам надо было, воспользуемся словами Ду Фу, «не пренебрегая современниками, любить древних». И если каждый из перечисленных выше поэтов прошлого внес свой вклад в рождение великой танской поэзии, то главное место принадлежит все же творчеству Тао Юаньмина.

Продолевая внутреннюю пустоту и внешнюю цветистость стихов V—VI вв., первые танские поэты отчасти были сами еще носителями этих пороков, но на их творчество уже легла печать нового: будущей простоты формы и глубины поэтической мысли.

В танское время переживали свой расцвет пятисловные и семисловные стихи — по пять и по семь иероглифов в строке, с определенным чередованием тонов, с цезурой перед последними тремя знаками в строке, с неизменной и чаще всего единой рифмой (для современного читателя в значительной степени утерянной вследствие перемен в звучании иероглифов). Семисловные стихи появились позже пятисловных и представили большую возможность применению в поэзии разговорного языка.

Новаторство танской поэзии сочеталось с традиционностью изобразительных средств и выражалось не только в открытии новой, но — часто — и в углублении привычной темы. Горы и реки, застава и луна, странник, ива и весна — все это жило и развивалось в китайской поэзии с далеких времен «Шицзина», и все это приобретало на протяжении веков новую окраску, облекалось более близкой к жизни художественной плотью. В движении поэзии от возвышенности и всеобщности к повседневности и конкретности выразилось то генеральное направление поэзии танского времени, на котором были достигнуты наибольшие ее победы.

Конфуцианство, развиваясь и видоизменяясь, всегда было главной мировоззренческой основой китайской литературы. Художник — не философ, и нельзя того или иного китайского поэта просто определять как конфуцианца, буддиста или даоса. Верны слова акад. В. М. Алексеева о том, что стихи танских поэтов «представляют нам старинную, строгую, классическую поэзию, чисто конфуцианскую по типу и идеологии, хотя не без постоянных эклектических прорывов в фантастику даосов и мистику буддистов». Даже при тех обстоятельствах, когда стихи принадлежат буддийскому монаху, как, например, Цзяожаню, мы прежде всего замечаем в них человеческую непосредственность во взгляде на мир и очаровывающее нас чувство слияния с природой.

В нравственности сила литературы, и китайская поэзия танского времени в полной мере подтверждает это. В качестве общих черт танской поэзии может быть отмечено усложнение взгляда поэзии на жизнь и развитие формальных достижений, теснейшим образом связанных с углублением и расширением ее содержания.

В поэзии VI в., в пору недолгого существования Суйского государства, уже появились новые по своей направленности произведения. Поэт и сановник Сюэ Даохэн (540—609) писал традиционные, обремененные украшениями стихи, но среди них мы вдруг замечаем и простоту, и открытость чувств, ставшие затем знаменем поэзии эпохи Тан.

В начале танской поэзии стоят «четверо выдающихся», среди которых заметное место занимают Ван Бо (649—676) и Лу Чжаолинь (637—689). Знаменитое сочинение Ван Бо «Во дворце тэнского князя» сохраняет еще и отвлеченность, и цветистость, и лад предшествующей поэзии, но уже полно чувствами и пейзажами, предвещающими грядущую силу и простоту. У Ван Бо — и самообличение, в дальнейшем обычное для танской поэзии («Не развожу шелкопрядов, а одеваюсь, не обрабатываю землю, а ем. За какие же мои добродетели все это?»), и сочувствие людям, а не просто любование природой, и воспевание дружбы. В коротких стихотворениях поэт достигает лишнего вычурностей изящества, чем так прославилась впоследствии танская поэзия. А Лу Чжаолинь написал стихи «Чанъань — подражание древнему», в которых блестящая столица представлена без восхищения в противовес привычной манере «дворцовых» стихов. Так «четверо выдающихся» — кроме упомянутых, еще Ло Биньван (640?—684?) и Ян Цзюнь (650—692?), — продолжая традицию, преодолевали ее, что заметил в дальнейшем Ду Фу.

Подлинное же новаторство начинается с Чэнь Цзыана (661—702). Живший почти одновременно с «четырьмя выдающимися», он опередил их. Чэнь Цзыан был государственным чиновником, заботившимся о благе народа. Он докладывал императрице: «В правлении государя нет ничего дороже успокоения людей». Служения людям требовал он и от поэзии. Он не мог, да и не желал рвать с традицией и, осуждая красоты прежних времен, одобрял стихи Цао Пи, восторгался поэзией Жуань Цзи и Цзо Сы. Этим возвращением к древнему он отвечал на требования своего

времени. Чэнь Цзыан явил пример поэта, личность и стихи которого гармонировали между собою, пример государственного деятеля, стремившегося отдать свой дар стихотворца делу, которому служил. В приближении к подобной гармонии в жизни и творчестве был идеал последующей поэзии, и не удивительно, что позднейшие современники — среди них Ду Фу, Хань Юй, Бо Цзюйи — произнесли немало хвалебных слов о Чэнь Цзыане, после трудов которого открывается самое славное время расцвета танской поэзии.

В литературе оно начинается поэзией Мэн Хаожаня (689—740), жившего в памятные для страны годы Кайюань и оставившего более двухсот шестидесяти стихотворений, по большей части пятисловных. Известные нам волнения в жизни Мэн Хаожаня были вызваны неудачами, связанными с государственной службой. До сорока лет он занимался науками, а когда захотел служить, то сначала получил отказ, потом был взят на место чиновника, но служил очень недолго и окончил свои дни в бедности: «В Северный зал больше бумаг не ношу. К Южной горе вновь я в лачугу пришел. Я не умен,— мной пренебрег государь. Болен всегда,— и позабыли друзья».

В творчестве Мэн Хаожаня есть благородство отрешенности от чиновничьей суеты, есть грустная радость слияния с природой, доброта нелицемерного человеческого чувства. Творчество Мэн Хаожаня тематически не выходит за границы узкого мирка, в котором он жил (он называл себя лумэньским отшельником). Великий сунский поэт Су Ши отмечал высоту содержания поэзии Мэн Хаожаня и ограниченность отраженной в ней жизни. Но этот, казалось бы, узкий мирок был неотделимой составной частью большого и широкого мира, лежавшего перед танской поэзией, и стихи Мэн Хаожаня ценны и заключенной в них судьбою поэта. Они удивительно чисты и свободны от лишних слов, они как бы скульптурны, так ясно вырисовываются в них и человек и природа, и все это вместе создает картину жизни, окружавшей поэта и друзей его, к которым он обращается в своих стихах. Мирный отшельник Мэн Хаожань был смелым пролагателем новых путей в поэзии: лишь решительно отвергнув живучее наследие дворцовых стихотворцев и обратившись ко вновь возрожденным творениям Тао Юаньмина с его утверждением человеческой личности и Се Линьюня с его проникновением в природу, можно было так просто и ясно выразить себя, как это сделал Мэн Хаожань.

«Я люблю учителя Мэна», — писал Ли Бо. Но, пожалуй, ближе всех к Мэн Хаожаню оказался Ван Вэй (701—761). Жизнь Ван Вэя была более схожей с жизнью остальных танских поэтов. Он служил, в двадцать один год имел уже высокую ученую степень, вращался в кругу именитых людей и был увлечен своими успехами и блеском страны. Поэтому в юности так часты у него чуждые Мэн Хаожаню стихи о воинских подвигах. Он создал, в частности, повторяющуюся затем не раз в китайской поэзии трогательную и героическую историю старого полководца не у дел,

которого страна призвала к оружию, когда ей стало угрожать чужеземное нашествие.

Ван Вэй ненамного пережил Мэн Хаожаня, но на судьбе его успел сказаться мятеж Ань Лушаня, сыгравший трагическую роль в жизни почти всех самых больших танских поэтов. Ван Вэй не покинул столицу, и Ань Лушань заставил его служить мятежникам. После подавления мятежа поэт на некоторое время был подвергнут опале.

С годами в стихах Ван Вэя все большее место занимает природа. Он обращается к буддизму. Вначале он примиряет службу с уединением и даже в одном из дошедших до нас писем порицает Тао Юаньмина, предпочевшего стыд милостыни стыду службы, в дальнейшем же стихи его говорят о полном отказе от чиновничьей карьеры.

По словам ученого XVIII в. Шэнь Дэцяня, Мэн Хаожань воспринял у Тао Юаньмина «безмятежность и отрешенность», Ван Вэй же — «чистоту и сочность». Ван Вэй был не только поэтом, но и каллиграфом и живописцем. Су Ши сказал о нем: «Возьмешь его стихи, в стихах — картина, взглянешь на его картины, в картинах — стихи». Стихи Ван Вэя объемны — в них звуки, ощущения, запахи... «Сосны вобрали в себя звук, содержащийся в ветре,— писал он.— Цветы стоят над изображениями в озере... В тонких ветвях ветер беспорядочно шумит. Среди редких теней холоден свет луны».

Буддийские воззрения Ван Вэя, весьма «модные» в его время, заставляли поэта искать уединения и как можно меньше говорить о самом себе. Но природа Ван Вэя уже более связана с людьми, чем у Мэн Хаожаня. Сравним со стихами Ван Вэя знаменитое стихотворение Мэн Хаожаня «Весеннее утро»:

Меня весной
не утро пробудило:

Я отовсюду
слышу крики птиц.

Ночь напролет
шумели дождь и ветер.

Цветов опавших
сколько — посмотри!
(Перевод Л. Эйлина)

Если «пейзажные» стихи Мэн Хаожаня — это всегда прежде всего способ выражения чувств самого поэта, то в творчестве Ван Вэя даже там, где, казалось бы, речь идет только о природе, всегда незримо присутствует человек, любующийся ею. В этом — пришедшее в китайскую литературу с Ван Вэем усиление внимания и интереса к человеку.

Горы пустынно.
Не видно души ни одной.
Лишь вдалеке
голоса людские слышны.

Вечерний луч
протянулся в сумрак лесной,
Зеленые мхи
озарил, сверкнув с вышины.

(Перевод Арк. Штейнберга)

Поэзия Гао Ши (702—765) и близких к нему поэтов говорит о широких просторах родины, о судьбе людей и о тяготах их жизни. Еще не умея в них особенно проникнуть, поэты задумывались над тем, как страдает народ. Их еще ослеплял блеск победных походов, но видели они и муки покинутых семей, и смерть кормильцев; уже рождалось сомнение в том, насколько оправданны эти жертвы.

Неудачи в карьере, годы странствий и, наконец, желанная служба, очень скоро ставшая постылой, — вот внешняя канва жизни Гао Ши. Поэт дважды побывал на границе в походах. Так появился знаменитый его «Яньский напев».

Гао Ши собственными глазами видел и бои, и походы, и тоскующих жен, и оставленные поля. Из непосредственных наблюдений над крестьянской жизнью рождаются у Гао Ши стихи «Написанное в дороге» — о труде и бедах народа.

Уже в который раз в истории китайской литературы служба ужаснула поэта. В стихотворении «Уезд Фэнцю» Гао Ши пишет, как он тяготится жизнью чиновника: он кланяется высшим и разбивает свое сердце, он неволит народ и наполняет печалью. Он знает, что жить надо обрабатывая «южное поле» и пустив все мирские тревоги по воле волн на восток. Он мечтал бы о спокойной жизни на старой горе, если бы не приказ государя. Он думает о Тао Юаньмине и о его сочинении «Домой, к себе!». Собственно говоря, и «южное поле» тоже из Тао Юаньмина («Целину распахал я на далекой окраине южной»), но как много значит время: Гао Ши, для которого талант и судьба Тао Юаньмина — предел стремлений, уже печалится не только своим унижением, но и болью, причиняемой им народу. Фигура крестьянина как главного человека обретает более конкретные очертания. Это происходит наряду с общим вниманием к доброму началу в человеческой личности. Недаром же говорит Гао Ши, расставаясь с другом: «Ты не печалься, что в дальний путь не едет с тобою друг://Есть ли под нашим небом такой, кто бы не знал тебя!»

Здесь, в творчестве одного поэта, переплелись «пейзажная» и «пограничная» темы, на которые разделяют (очень условно) китайские историки литературы танскую поэзию эпохи ее расцвета. Больше того, именно искусство пейзажа помогло китайской поэзии создать столь выразительные описания боев и походов, занимавших большое место в нелегкой жизни народа. Поэт Цэнь Шэнь (715—770) — автор многих «пейзажных» стихов — рисует яркие картины военной страды, в которых природа и люди составляют единое целое. Мужественность, порожденная суровой природой, жестокими силами преодолеваемой стихии, в стихах поэта

уживается с лиризмом, с нежным чувством к встречаемому или провожаемому другу — образ, непрменный для танской поэзии.

В стихах Цэнь Шэня поражает и чуть ли не этнографическая точность, и в то же время любовь к необыкновенному, особенно в явлениях природы. Он пишет о горе в огненных тучах, закрывших все небо и никогда не рассеивающихся, о птицах, которые не смеют долетать сюда ближе, чем на тысячу ли. Он пересказывает легенду о кипящем море, над которым не проносятся птицы.

Как и Гао Ши, как и прочие его современники, Цэнь Шэнь избрал четверостишие для выражения чувств, владевших им: пока они еще ограничиваются тоской по дому, любовью к другу, но уже обретена та благородная сдержанность их проявления, которая сильнее, чем громкая жалоба.

Поверхностному читателю «военных» стихов Цэнь Шэня может показаться, что, в отличие от большинства танских поэтов, он увлечен походами и воспеваает их. Но это не совсем так, потому что и Цэнь Шэнь замечает контраст между вольготной жизнью знати в походе и трудами простого воина. Вообще становится все яснее, что стихи о походах — также одно из проявлений жадного влечения к общественной жизни, столь характерного для китайской поэзии первой половины существования Танского государства.

И все-таки, несмотря на сочувствие стихотворцев страданиям воинов, несмотря на понимание того, что главные тяготы войн ложатся на плечи народа, даже несмотря на слова поэта Лю Ваня, что смерть в бою — удел воина, заслуги же достаются полководцу, время резкого осуждения войны еще не пришло.

Выше было сказано о том, что принятое деление танской поэзии на «пейзажную» и «пограничную» весьма условно. И Гао Ши, и Цэнь Шэнь, и Ван Чаплин (698—757) создали много прекрасных лирических стихотворений, развивая традиции творчества поэтов-пейзажистов» и обогащая поэзию более широким общественным содержанием. Вместе с тем каждый из этих разных поэтов так или иначе предварил творчество своих гениальных современников — Ли Бо и Ду Фу.

Ли Бо принадлежит к тем немногим поэтам, чье творчество вобрало в себя всю жизнь народа и выразило дух его. Такие поэты всегда тесно связаны со своим временем, но они и вечны; они с наибольшей силой выражают свою народность, но они и всемирны.

Ли Бо родился в 701 г. С юности мечтая о помощи людям, он избрал путь, странный для молодого человека его поколения: не держал экзаменов, ушел из дому, жил в стороне от жилищ, странствовал, увлекался даосским уединением. Ему было больше сорока лет, когда император вызвал его ко двору и наградил званием хапльинь, что мы посчитали бы теперь академической степенью. «Бессмертный, низвергнутый с небес», — сказал о нем старший его современник — поэт Хэ Чжичжан. Ли Бо оставался поэтом, независимым в убеждениях и поступках, а они не со-

гласовывались с чинопочитанием и придворными правилами: через три года Ли Бо покинул столицу для новых странствий и встреч с поэтами Ду Фу, Гао Ши и другими, оставшимися для нас неизвестными. Мятеж Ань Лушаня трагическим образом повлиял на судьбу Ли Бо. Через Лишань, где остановился на время поэт, проходили войска Ли Линя, младшего брата императора Су-цзуна, и Ли Бо согласился пойти к нему на службу. Ли Линь же посягнул на престол, и поэт, как его сторонник, был брошен в тюрьму, а затем сослан в далекий Елан. Но он был прощен. Его вернули с середины пути. Через несколько лет после этих событий, в 762 г., Ли Бо умер в доме своего родственника Ли Янбина, которому мы обязаны собранием сочинений поэта. Сохранилось свыше девятисот его стихотворений.

Ли Бо выделялся своей необычностью среди современников. Он чувствовал собственную незаурядность и верил в свое предназначение: «Огромная птица пэн однажды поднимется с ветром...» Восхваляя странствующих храбрецов, он думал о себе; защищая гонимых, он чувствовал себя победителем, не знающим преград. Другие поэты огорчались неудачами, сетовали на будничные неприятности каждодневного существования — Ли Бо с юности отбросил от себя мелочные тревоги и жил в непрерывном поэтическом горении, ощущая в самом себе целый мир и потому не страшась одиночества.

Ли Бо печален, даже традиционно печален. Но и в печали он мужествен, и недаром он восхваляет древнего поэта Се Тяо за его могучий дух, «достигающий до темного неба и взирающий на светлую луну». И уединение Ли Бо не похоже на тихое уединение его предшественников — Мэн Хаожаня или Ван Вэя: и радости и печали его безмерны — седым волосом длиною в три тысячи чжанов протянулась грусть поэта! Все, что видит Ли Бо, огромно («На Яньшани хлопья снега величиною с циновку...»), и ведомы ему такие трудности, какие ни один человек и представить себе не может. Ему нужны не укромные уголки, чуть освещенные вечерним солнцем, а крутые вершины, летучие водопады, бурные реки. Он сам равен им на своем вечном пути странника, и, больше того, он — некто, живущий среди неба и земли, пребывающий с бессмертными среди звезд. Через тысячу лет после Цюй Юаня (поэта IV—III вв. до н. э.) китайский поэт снова встает рядом с бушующей стихией и безбоязненно распаивает ворота в небо («Прогулка во сне на горе Тяньму» и другие стихотворения).

Сила образов Ли Бо поражала современников. «Опустит кисть — и устрашает ветры и ливни. А напишет стих — и вызовет слезы у злых и у добрых духов», — сказал о нем Ду Фу.

Таков Ли Бо — не отшельник, но и не человек, затерявшийся в суетной толпе. Он стоит в самой гуще, в самом тесном скоплении людей, и виден отовсюду, и сам видит весь современный ему мир — ничто не способно скрыться от его взгляда.

Ли Бо писал обо всем, что входило в круг тем танской поэзии. В «пограничных» его стихах — мужество, суровость и пленительный лиризм.

Он не был чужд романтики походов, но и здесь он впереди многих других поэтов и пишет смелые стихи против войн, которыми изобиловали 40—50-е годы VIII в.

...С тех пор как китайцы пошли на Бодэн,
Враг рыщет у бухты Цинхай,
И с этого поля сраженья никто
Домой не вернулся живым.
И воины мрачно глядят за рубеж —
Возврата на родину ждут,
А в женских покоях как раз в эту ночь
Бессонница, вздохи и грусть.

(«Луна над пограничными горами».)
Перевод А. Ахматовой)

Суровый и сложный Ли Бо — автор пятидесяти девяти стихотворений «Древнего», в которых сравнивает себя с Конфуцием и обличает неправду.

В его творчестве прослеживается связь со старой народной поэзией. Свой стих он строил, умело расширяя рамки правил, подсказывая стихотворцам способы движения вперед, обновляя китайское стихосложение, приближая словарь поэзии к словарю жизни. Независимость Ли Бо была логическим развитием идеала свободы, провозглашенного почитаемым им Тао Юаньмином. Но Ли Бо хотел большего: он уверен в своей миссии поэта-пророка, поэта-учителя, требующей от него полной и, если угодно, безжалостной самоотдачи.

Ли Бо величествен, но в отношении его к людям нет и тени высокомерия или даже покровительства: он поглощен людскими тревогами, он доставляет радость людям, и знает об этом, и хочет этого. Но он и просвещает людей, учит их состраданию. Часто исследователи Ли Бо бывают так увлечены его стихами о космических далях и тонкой его лирикой, что не задерживаются на очень важных для полного понимания поэта стихах о трудовом народе. Этих стихов немного, в них — лишь общая картина, написанная несколькими сильными мазками, но преисполненная гневом и болью за человека.

Если бы из всей танской литературы до нас дошли только стихи Ли Бо, этого было бы вполне достаточно, чтобы говорить о времени высокогуманной поэзии. Отличительной чертой всей этой поэзии было знание народной жизни. На протяжении каких-нибудь ста лет мы можем наблюдать все большее наполнение поэзии каждодневными тревогами крестьянина.

Обличение несправедливости, сострадание к человеку — все это в классической китайской поэзии прежде всего связано с именем Ду Фу (712—770). Он сумел быть своеобразным и великим даже рядом с удивительным Ли Бо.

В творчестве Ду Фу обычно различают четыре периода. До тридцати пяти лет — это годы учения и скитаний, познания своей страны, дружбы

и совместных странствий с Ли Бо, Гао Ши. Судя по немногим дошедшим до нас стихотворениям молодого Ду Фу, он полон мечтаний, веры в свои силы, в возможность приложения их. Затем — десять томительных лет в столице Чанъани, которую он покидает в сорок четыре года, когда бежит от мятежа Ань Лушаня. В столице Ду Фу бедствует, ему так и не удается устроиться на службу. Но собственные несчастья отступают перед нищетой и страданиями народа. Где-то вдаль видит он уже и грядущую гибель Танского государства. И тогда появляется «Песня о боевых колесницах» — укор тому, кто рад войне. Небывалые стихи, открывающиеся проводами на войну и завершающиеся плачем и жалобами душ погибших. Ду Фу требует ограничения завоевательных войн, удовлетворения существующими размерами государства.

Незадолго до мятежа Ань Лушаня поэт написал большое стихотворение «Из столицы в Фэнсян». Это в нем знаменитые строки: «Вина и мяса слышен запах сытый, а на дороге — кости мертвецов». Это в нем новое для китайского общества чувство — стыд поэта за свое благополучие.

Не хватало лишь бедствий, принесенных мятежом Ань Лушаня, чтобы созревшая мысль поэта повела его дальше. Третий период творчества Ду Фу начинается со времени бегства из плена у мятежников. В плену он печалился о гибели страны. После бегства он пишет такие замечательные произведения, как «Деревня Цянцунь», шесть стихотворений — «Три чиновника» и «Три расставанья». Это сюжетные стихи, дающие достоверное изображение семьи поэта и людей из народа. В «Чиновнике в Синьани» он описывает, как гонят на войну почти детей, говорит матерям о бесполезности слез: «Вы только исчахнете, целыми днями горюя, а небо не сжалится, Небо — оно безучастно». Его «расставанья» — трагические монологи. В этих стихах боль за народ и боль за страну. В них и бытовые подробности, и масса «прозаизмов», и все вместе создает ту насыщенную поэзией картину действительности, за которую творениям Ду Фу дано название «поэтической истории».

Можно считать, что последний период творчества Ду Фу начался в 759 г., когда он бросил службу, к концу года приехал в Чэнду, и на западной окраине города построил свою «хижину». Однако жизнь его не стала умиротворенной и здесь, и кончил он ее в скитаниях. За последние одиннадцать лет им было написано больше тысячи стихотворений. Одно из них — «Стихи о том, как осенний востер разломал камышовую крышу моей хижины». Собственное несчастье приводит поэта к мечте об огромном доме, в котором нашли бы спасение от дождя и ветра бедняки всей Поднебесной.

О, если бы
такой построить дом,
Под крышею
громадною одной,
Чтоб миллионы комнат
были в нем

Для бедняков,
                   обиженных судьбой!
 Чтоб не боялся
                   ветра и дождя
 И, как гора,
                   был прочен и высок,
 И если бы,
                   по жизни проходя,
 Его я наяву
                   увидеть мог,
 Тогда —
                   пусть мой развалится очаг,
 Пусть я замерзну —
                   лишь бы было так.

(Перевод А. Гитовича)

Здесь уже не просто сострадание, не стыд благополучного перед страждущими, а прямое желание пожертвовать собою, если это нужно для блага бедняков. В этом — не только эволюция чувства Ду Фу, но и путь развития китайской поэзии в ее отношении к человеку. Стремление к самопожертвованию пока еще довольно абстрактно: поэт не ведал настоящих путей к облегчению жизни народа, и естественна его вера в добрые намерения государя: «Кто найдется, способный в государеву дверь постучаться, // Чтоб указ государя дал вздохнуть от войны и налогов?» Впрочем, как увидим дальше, вера в верховного правителя сохраняется даже у такого поэта, как Бо Цзюйи, который в своих обличениях был уже более конкретен, чем Ду Фу.

Думы о крестьянине, мечты о его довольстве, связанные с пренебрежением собственным благополучием, не оставляют Ду Фу и тогда, когда он пишет стихи о природе. В «Ливне» он равнодушен к тому, что протечет его хижина, только бы дождь поднял хлеба. Когда же ливень превращается в бедствие, он думает только о несчастьях хлебопашца и в стихотворении «В девятый день посылаю Цэнь Шэню» горюет о простом человеке, о том, что не спасти посевов, и взывает к тому, кто мог бы усмирить тучи и затянуть прореху в небе.

Ду Фу создавал также традиционные стихи о друзьях, о природе. Этим стихам присуща ясность, простота и предметность.

Творчество Ду Фу оказывало большое влияние на китайскую поэзию в течение очень долгого времени. «Стихи Ли Бо и Ду Фу живут, и сияние их распространяется на десять тысяч чжанов», — писал танский поэт Хань Юй. Знаменитый сунский поэт Лу Ю черпал вдохновение в поэзии Ду Фу. Полководец и поэт Вэнь Тяньсян (казненный монгольской династией в конце XIII в), находясь в тюрьме, читал Ду Фу и даже составил сборник из двухсот его пятисловных четверостиший. Он писал: «Я ощущал их как собственные стихи, забыв, что они принадлежат Ду Фу». Мы склонны думать, что влияние Ду Фу оказалось большим, чем влияние Ли Бо, потому что Ли Бо был, при поражающей самобытности своей индивидуальности, все же традиционен; Ду Фу же; будучи менее разносторонним

и менее ярким, благодаря целеустремленности своего могучего таланта, впервые по-настоящему ввел в китайскую поэзию мир обездоленных, внимание к которому, существовавшее, конечно, и раньше, никогда не бывало столь пристальным и глубоким.

В одно время с Ду Фу жил Лю Чанцин (709—780), автор углубленно-созерцательных стихов о себе, о природе, о друзьях. В стихах Лю Чанцина закрепляется установившееся доброе отношение к человеку. Поэту близки люди нелегкой судьбы — крестьяне, рыбаки.

Социальная окраска выступает ярче в поэзии Вэй Инью (737—790). Поэт знает крестьянскую нужду, говорит о ней и стыдится того, что он не обрабатывает землю, а деньги и еда ему идут из деревень. Мы видим, как чувство неловкости за свое обеспеченное существование, замеченное нами в стихах Ду Фу, а еще ранее у Ван Бо, охватывает всю танскую поэзию.

Во второй половине VIII в. раскрывается дарование третьего (после Ли Бо и Ду Фу) великого поэта танского времени — Бо Цзюйи. Свободный жанр его «Новых народных песен» был формой, вместившей в себя гнев нового поколения поэтов против господства несправедливости, в защиту крестьянина.

Бо Цзюйи (772—846) вступил на путь стихотворца еще в юности. Он учился искусству поэзии на тонком восприятии природы у Мэн Хаожаня и Ван Вэя, на широте взгляда Ли Бо, на отчаянии Ду Фу. И как всех танских поэтов, его манила к себе чистотою помыслов и ясностью слова древняя поэзия Тао Юаньмина.

Ли Бо и Ду Фу самой жизнью своей определили свой разлад с обществом. Оба они были вне официального чиновничьего круга, в отличие от Бо Цзюйи, делавшего государственную карьеру и при каждом независимом слове рисковавшего ею. Бо Цзюйи всю карьеру свою сознательно поставил на службу поэзии, поэзию же — на службу современности. Он говорил, что «сочинение должно быть связано со временем, стихи должны быть связаны с действительностью».

Одно из первых его обличительных стихотворений — «Я смотрю, как убирают пшеницу». В нем нашел наиболее точное и четкое выражение зревший в стихах его предшественников мотив стыда перед тружеником-крестьянином:

А я за собою
какие знаю заслуги?
Ведь в жизни ни разу
я сам не пахал, не сеял.
А все ж получаю
казенные триста даней,
До нового года
зерно у меня в избытке.
Задумаюсь только,
и мне становится стыдно,
И после весь день я
не в силах забыть об этом.

(Перевод Л. Эйдлина)

Стихи Ду Фу помогли Бо Цзюйи осмыслить свои жизненные впечатления. После мятежа Ань Лушаня был окончательно нарушен старый порядок землепользования, а с 80-х годов VIII в. установлена система «двойных налогов» — летом и осенью. Крестьяне разорялись. Большая часть земли оказалась в руках крупных землевладельцев.

Женщина, весь урожай отдавшая в уплату налога и подбирающая зерна на чужом поле, может быть, у таких же бедняков, как она сама; крестьянин, собирающий траву дихуан, чтобы обменять ее на зерно, оставшееся от конского корма; раздетые и босые деревенские жители, дрожащие от холода ночью в своих лачугах; старик, во дворе у которого для императорского дворца срубили дерево, посаженное им тридцать лет назад, — вот кого увидел поэт и рассказал о них так, как до него не удавалось никому, даже Ду Фу.

Среди обличительных стихов Бо Цзюйи главное место занимают пятьдесят «Новых народных песен» и десять стихотворений цикла «Циньские напевы». Достаточно назвать подзаголовки «Новых народных песен», чтобы стала ясна их направленность: «Страдания крестьянина», «Против лихоимцев-чиновников»... Это стихотворения-рассказы с сюжетом, с монологом героя повествования. В них поэт позволял себе нарушить иной раз строгий размер официальной уставной строки или добавить одну строку вне строфы. Подобных вольностей нет в «Циньских напевах».

Стихи Бо Цзюйи представляют собою новую ступень в развитии китайской поэзии, как и в развитии китайской общественной мысли. В них отразилось и ухудшение условий жизни крестьянина, и изменение места поэта-мыслителя в Танском государстве. Как и Ду Фу, Бо Цзюйи на себе самом испытал бедность и злоключения лихолетья. Но Бо Цзюйи был еще и сановником, который своими глазами наблюдал механизм давления на народ, и разврат, и продажность, и грызню между придворными кликами. Он сам был тем чиновником, которому надлежало осуществлять давление на крестьянина, входя при этом в непосредственное с ним общение. Он знал историю Танского государства, понимал, к чему пришло оно, и, может быть, догадывался о приближении его конца. Он знал историю и владел мастерством поэзии всех былых веков. В последнем нет преувеличения: такова особенность старой китайской традиции. Бо Цзюйи преклонялся перед Ли Бо и Ду Фу, но его не удовлетворяла их поэзия; их путь вел его дальше.

В сюжетных стихах Бо Цзюйи появляются уже типизированные образы с обилием жизненных деталей. Еще нет индивидуализации героя, как не было ее и у Ду Фу, но от общих очертаний поэт приходит к более определенному рисунку. Человек рассматривается внимательнее, вплоть до некоторых особенностей его характера, что видно хотя бы на примере хрестоматийного «Старика со сломанной рукой» из «Новых народных песен». Новыми чертами были контрастные противопоставления в конце стихов, аллегории, резкий до грубости язык обличительных стихотворе-

ний. Во всем этом сложная простота, потребовавшая неусыпных трудов. И у Бо Цзюйи остается вера в государя. Но вполне вероятно, что она была вынужденной: и без того много крамолы содержалось в стихах поэта. И все же вера в монарха поколеблена безусловно: это видно по некоему ироническому оттенку, иногда проглядывающему в строках поэта о государе.

Взросшее углубление во внутренний мир человека можно проследить по двум поэмам Бо Цзюйи, знаменующим вместе с тем достижения сюжетной поэзии. В «Вечной печали» под весьма прозрачным прикрытием описана любовь танского государя Сюань-цзуна к его наложнице Ян-гуйфэй. Поэт пишет о великом человеческом чувстве, о тоскующем по убитой возлюбленной несчастном императоре, как о простом смертном, достойном сожаления. Это единственный случай, когда поэта заинтересовали душевные страдания власть имущих. Через несколько лет он напишет стихи, в которых так скажет об обуревающих правителей чувствах: «Надменные, едут они на военный праздник.. Они наедятся — сердца их будут спокойны. Они охмелеют — сильней распалится дух...»

Через десять лет, уже после «Новых народных песен» и «Циньских напевов», Бо Цзюйи создал поэму «Пипá». В ней в общем обыденная по тому времени жизнь описана без ярких красок, какими блещет «Вечная печаль». Ян-гуйфэй — олицетворение неумирающей любви, да и живет героиня среди бессмертных. Героиня же поэмы «Пипá» важна читателю сама по себе: нелегкую долю ее разделила не одна женщина в Танском государстве.

Бо Цзюйи был не только великим поэтом, но и идеологом, обосновавшим направление литературы, вождем которого он являлся. Злободневность завладела стихами. Даже лирические стихи Бо Цзюйи, «пейзажные» и «философские», а их было множество, те, в которых он ищет успокоения, устав на склоне дней от непрерывной борьбы, хранят на себе следы уловленных поэтом мгновений современной ему жизни.

На лоянских дорогах, полях и межах
постоянна и вечна весна.

С ней когда-то простился я, нынче пришел.
Двадцать лет промелькнуло с тех пор.

Только годы мои молодые найти
мне уже не удастся никак,

Остальное же все — десять тысяч вещей —
неизменно, как было тогда.

(Перевод Л. Эйлина)

Ближайшим сподвижником Бо Цзюйи был Юань Чжэнь (779—831). В отличие от своего великого друга, он внешне смирился с жестокостью и несправедливостью века и возвысился до первого сановника двора — цзайсяна. Компромисс Юань Чжэня подчеркивает силу и идейность Бо Цзюйи, который не только пренебрег блестящей придворной карьерой, но и рисковал жизнью. Юань Чжэнь писал о жанре «Новых народных песен»: «Слова их прямы и справедливы, дух груб и отважен; навлечь на себя кару — вот чего я боюсь и поэтому не осмеливаюсь обнародовать их». Тем не менее, как и Бо Цзюйи, Юань Чжэнь выдвигал и теоретические обоснования прогрессивного направления. Кроме «Новых народных песен» Юань Чжэнь написал много лирических стихотворений, а в прозе — знаменитую «Повесть об Ин-ин». Его лирика проста, избавлена от излишних реминисценций (за это ратовала группа Бо Цзюйи), всегда содержательна и значительна.

Чжан Цзи, Ван Цзянь, Ли Шэнь — наиболее видные поэты, составлявшие группу единомышленников Бо Цзюйи, авторов «Новых народных песен» и других гражданских и лирических стихотворений. Ли Шэнь писал:

Весною посадит
    он зернышки по одному,
А осень вернет их
    обильнее в тысячи раз...
Где Моря Четыре,
    земли невозделанной нет,
А все к земледельцу
    приходит голодная смерть!

(Перевод Л. Эйлина)

В IX в. поэты не просто «печалились» о крестьянине и даже не просто противопоставляли роскошь нищете, а задумывались сами и заставляли размышлять читателей над природой неравенства. «Почему же?» — спрашивали они всем своим творчеством. Все названные поэты были близкими друзьями, и сохранившаяся переписка некоторых из них заставляет предполагать не только поэтические, но и жаркие политические беседы и смелые замыслы.

Бо Цзюйи говорил в стихах о Чжан Цзи (768—830), что тот «никогда в своей жизни не писал пустых сочинений». Борьба с «пустыми сочинениями» входила в боевую программу группы Бо Цзюйи. Их поэзия не терпела «милых пустяков». Танские поэты сумели запечатлеть духовный облик человека тех времен.

От направления, возглавляемого Бо Цзюйи, нельзя оторвать и других танских поэтов, не столь близко к нему стоявших, поэзия которых была проникнута возмущением социальной несправедливостью. Мэн Цзяо (751—814), старший современник Бо Цзюйи, поэт необычайно своеобразной индивидуальности, пишет стихотворение «Ткачиха» — о крестьянской девушке, спрашивающей почему ткет она белый тонкий

шелк, сама же носит грубое рваное платье. Сам поэт тоже был беден, хотя и принадлежал к чиновному сословию. Только к сорока шести годам Мэн Цзяо удалось наконец выдержать экзамен на ученую степень, но до конца дней своих он оставался бедняком. Вот картина в его «Осенних думках»: приходит осень, а тяготы старости усугубляются бедностью, и в разрушенном доме нет дверей, и луна опускается прямо в постель, и среди четырех стен ветер проникает в одежду... Так пишет он о себе, выражая вместе с тем и общее настроение бедной служилой «интеллигенции». Может быть, поэтому он всю жизнь и почти во всех стихах своих мечтал о необычном, об удивительном, что несколько отдаляет его от Бо Цзюйи и ставит рядом с Хань Юем (768—824).

Хань Юй славен «возвратом к древности» в ритмической прозе, которую он стремился обновить и приблизить к требованиям реальной жизни. Опыт Хань Юя — прозаика отразился на поэтическом его творчестве; следы прозы, как уверяют китайские знатоки (и что, вслед за ними, можем заметить и мы), видны и в его стихах. Они сложны, но сквозь нагромождение традиционных намеков проглядывается жизнь и ее тревоги. Как и другие поэты, он озабочен бедами народа. Написанное в 799 г. стихотворение «Возвращаюсь в Пэнчен» начинается с того, что войска Поднебесной снова двинулись в поход. Когда же наступит мир? Поэт сетует на плохих советников государя и напоминает о засухе в Гуаньчжуне, о погибших от голода людях, о наводнении на востоке страны, о потоках, уносивших трупы... Он готов разрезать собственную печень, из нее приготовить бумагу и на ней своею кровью обо всем написать государю. Здесь, так же как и у Ду Фу, — готовность поэта к самопожертвованию. Во второй части стихотворение теряет поэтическую силу. Но в целом оно показательно для атмосферы танского времени: гражданская тенденция пронизывала творчество самых разных поэтов на протяжении двух, если не более, веков. Гражданская тенденция смыкается с общим гуманистическим направлением танской поэзии, выражающимся в размышлениях о законах человеческой природы, о добре и зле в человеческих отношениях. Одно из лучших стихотворений Хань Юя — «Камни горы». Помимо поэтических, живописных достоинств, оно замечательно широтой взглядов поэта. Непримирымый враг и гонитель буддизма, Хань Юй способен найти успокоение духа в чуждом ему буддийском храме... Среди нагромождения скал затерялась тропа. К вечеру добирается он до храма... Монах рассказывает о прекрасной буддийской росписи на древних стенах, стелет постель, чистит циновку, ставит еду. Посветлело небо, поэт пускается в путь. Горы краснеют, и вода голубеет от рассеянных повсюду лучей солнца... Если жизнь человеческая может быть столь радостной, то так ли уж необходимо обвивать себя путами человеческих отношений?.. «В одном желанье признаюсь немногим моим друзьям, — восклицает поэт, — //Хочу до старости жить здесь, отсюда не уходить».

О том же просил некогда Тао Юаньмин, придя к ученому, живущему

на востоке: «Я хотел бы остаться пожить у тебя, государь мой, // Прямо с этого дня до холодного времени года!» По-своему и в применении к своей эпохе Хань Юй повторяет с детства впитанные великие образцы. С другой стороны, очевидно отличие «Камней горы» от как будто похожего стихотворения Ли Бо «Прогулка во сне на горе Тяньму». В одном случае романтический пейзаж и человек, поставленный наравне с независимой, гордой стихией, что исключает самую мысль о жалком прислуживании тем слабым, кто правит в мире. В другом случае, через полстолетия после смерти Ли Бо, пейзаж успокоения, представленный с массой реалистических подробностей, которых не было в пейзажах Мэн Хаожаня и Ван Вэя. В поэзии Хань Юя человек ищет не полного уединения, а гармонии с природой и общения с друзьями. Само время, в которое писал Хань Юй, не благоприятствовало отстранению поэзии от действительности, чему примером — жизнь и творчество многих поэтов, в первую очередь его самого.

Соратником Хань Юя по «возврату к древности» в прозе был Лю Цзунъюань (773—819), прославившийся также своими стихами. Различия в воззрении на мир двух этих выдающихся поэтов не помешали им встать рядом в борьбе за очищение китайской ритмической прозы. Из проникновенной эпитафии, сочиненной Хань Юем, «Надпись на могильном камне Лю Цзыхоу» мы узнаем о прекрасных человеческих качествах Лю Цзунъюаня, о готовности его пожертвовать собственным благополучием для друга. В этой надписи есть примечательные слова о том, что поэт сам отказался от спокойного продвижения по службе и, прожив трудную жизнь, сумел достигнуть высот в творчестве.

И в прозе и в стихах Лю Цзунъюань был обличителем. В стихах о крестьянах и «пейзажных» звучат сострадание и любовь к человеку. Не совсем справедливо называемые «пейзажными», стихи танских поэтов в совокупности создали пленительную картину родины и имели глубокое воздействие на души соотечественников. К ним примыкают и известные стихи о расставании и о тоске по далекому родному краю. Все вместе они составляют могучую симфонию любви к родине.

Прошло два века высокого напряжения литературы, появления одного за другим незаурядных талантов, каждый из которых внес в поэзию и свои индивидуальные особенности. Для поэтов последнего столетия Танского государства пора его расцвета была историей, как историей для них был мятеж Ань Лушаня, после которого наступило время распада страны, обострения противоречий между двором и местными правителями, вражды придворных групп и назревания крестьянских восстаний.

Последний большой танский поэт — Ду Му (803—853) — мечтает в своих стихах о восстановлении былого могущества страны и тоскует по прежним далеким временам. Но, следуя традиции обличения, Ду Му в стихах на темы китайской истории пишет о былых пороках не без того, чтобы не намекнуть на нынешние. Примером могут служить, в частности,

стихи о красавице Ян-гуйфэй — тема, ставшая привычной после «Вечной печали» Бо Цзюйи. В стихах Ду Му есть внутренняя полемика с романтическим образом «Вечной печали», в них Ян-гуйфэй предстает как зло для страны.

В стихах Ду Му меньше конкретности в изображении народных бед и больше размышлений над общим состоянием страны, часто в аллегорической форме, как, например, в стихотворении «Ранние гуси».

Неумирающей остается лирическая традиция — природа и человек. Простота и непосредственность чувств, пафос активного созерцания присущи и поэзии Ду Му. Его «Поездка в горы» пленяла сердца читателей. Казалось бы, в стихах его отмечен случайный эпизод, а в нем — и жизнь, и поэзия, и природа, и человек в своих внутренних переживаниях и внешних обстоятельствах.

Обличение социальных пороков современности приобретает в эту более позднюю эпоху завуалированный историческим сюжетом характер не только в стихах Ду Му. Эта манера отличает и Ли Шанъиня (813—853). Причины иносказаний, способа не нового для китайской поэзии, связаны, очевидно, с невозможностью открытого вызова, со сложностью общественной обстановки, созданной утерей двором центральной власти и постоянными распрями враждующих между собою групп, в которые попадали и поэты, так или иначе примыкавшие к господствующим слоям общества. Во всяком случае, поэзия, пусть даже прикрываясь уходом в прошлое и утерев присущую Бо Цзюйи конкретность, волновалась вопросами жизни страны, искала (в пределах кругозора своего времени, наивно обращаясь, скажем, к несчастьям, приносимым фаворитками) истоки переживаемых народом несчастий. Когда Ли Шанъинь пишет, например, о ханьском государе Вэнь-ди, который пригласил к себе ученого поэта Цзя И, но беседовал с ним не о бедах народа, а о злых и добрых духах, то, по существу, речь идет не о Вэнь-ди, а о современных Ли Шанъиню правителях, проявлявших интерес к сверхъестественным силам в ущерб заботам о народе. В одном из стихотворений поэт утверждает, что умиротворение страны во власти людей, а не неба.

Ли Шанъинь прожил трудную жизнь незадачливого чиновника, метавшегося между двумя враждовавшими придворными группами. У него много стихов, в которых осмысление судеб страны смыкается с размышлениями о собственной его горестной участи. Так, в одном из стихотворений говорится о душевном беспокойстве поэта, которое перерастает в предчувствие общественных бедствий: он гонит коней, поднимается на древнюю равнину; закатное солнце беспредельно прекрасно, но оно приближает темные сумерки...

Ли Шанъинь — единственный известный нам танский поэт, писавший любовные стихи. Они для него были и мечтою о несбывшемся счастье. Тема любви заняла большое место в послетанских стихах жанра цы.

Уходил последний век Танской династии. Не прекращались раздоры двора с фаньчжэнями — властителями провинций, войны фаньчжэней между собой; бесчинствовали евнухи, захватившие власть при дворе, все бóльшие тяготы ложились на плечи крестьян, притеснялись ремесленники в городах. И все это разрешилось крестьянским восстанием, в ходе которого повстанцы на некоторое время захватили Чанъань. Танское государство приближалось к своему концу.

Поэты второй половины IX столетия во многом повторяли темы и следовали за формальными достижениями танской поэзии. Среди них были продолжатели обличительного направления, были и такие, которых тревожное время заставило от него отстраниться. Сыкун Ту (837—908) попытался во всем повторить такого идеального, с его точки зрения, поэта, как Тао Юаньмин. Он отказывался от должностей, предлагаемых ему; как любимые великим поэтом герои древности Бои и Шуци, он обрек себя на голодную смерть, не желая жить при новой династии. В мировоззрении Сыкун Ту, что не было редкостью тогда, смешались конфуцианство и даосизм. «Оба противоречащих друг другу элемента уживаются в одной и той же личности Сыкун Ту, точно так же, как мы замечаем это и в личности Тао Цяня», — говорит В. М. Алексеев в «Китайской поэме о поэте», посвященной «Поэтическим категориям» Сыкун Ту. Правда, у Сыкун Ту даосизм начинает принимать уже религиозные формы, чего нет у Тао Юаньмина, а кроме того, танский поэт склонен и к буддизму. Стихи Сыкун Ту теряют предметность, так отличающую танскую поэзию. Они рисуют некий условный мир, отражающийся в душе поэта. Тонкий и изысканный лирик, Сыкун Ту, по существу, далек от общественных проблем. Природа, птицы, вино, цветы — вечный арсенал традиционной поэзии, которому он старался не изменять. Даже когда поэт говорит о бедствиях страны, на первом плане оказываются его собственные восприятия и чувства.

В истории китайской литературы Сыкун Ту больше всего известен как автор «Поэтических категорий» — «Поэмы о поэте», состоящей из двадцати четырех стихотворений о вдохновении поэта. Вся поэма представляет собою мечтание о подлинном поэте. Она наполнена отвлеченными образами, дающими расплывчатые, с трудом уловимые определения задач поэзии. Этим произведением как бы завершился танский период китайской поэзии. «Поэтические категории» Сыкун Ту при всей их «темноте» синтезируют представления танской поэзии в восприятии талантливого ученого поэта, воспитанного на многовековых традициях, которые и составляли ее основу.

Танская поэзия принадлежит времени, когда литература выполняла также роль философской и даже исторической науки. Развиваясь на протяжении трехсот лет существования Танского государства, она была поэзией новых открытий в познании мира, в художественном его осознании, в понимании возможностей и задач человека в обществе. И она не перестала быть живым организмом, с веками не превратилась

в литературный памятник, пригодный только для почитания и изучения.

Почему через тысячу двести лет из дали времен и пространств в наш полный собственных забот XX век все еще тянется рука китайского человека эпохи Тан, почему продолжают свою жизнь для нас его встречи и расставания, его повседневные радости и печали, почему сочувствие вызывает в нас поэт, который никак не может поправить, казалось бы, давно ушедшие в небытие дела? Далекie люди в далекой стране приблизились к нам силой не для нас предназначавшегося ими слова, подтвердившего единство человечества, неразрывность вечной связи народов и поколений на земле.

Л. Эйдли

ПОЭЗИЯ
ЭПОХИ
ТАН

VII-X_{BB.}

ВАН БО

(649—676)

ВО ДВОРЦЕ ТЭНСКОГО КНЯЗЯ

Палаты высокие тэнского князя
подходят к острову Цзяна,
Брелоки из яшмы звенели и пели;
им — и песням и танцам — конец.
На балках узорных — там утром летят
облака над южным затоном;
Завесы алеют — под вечер свернутся,
как дождь, среди западных гор.
Беспечные тучи — их блики в затоне
там целыми днями гуляют.
И все изменилось, и звезды сместились:
который раз осень здесь?
Здесь живший в палатах царевич, куда он
девался и где же теперь он?
Далёко река за решеткой дворцовой
стихийно, бесцельно течет.

**ПРОВОЖАЮ ДУ, УЕЗЖАЮЩЕГО В ШУЧЖОУ
НА ДОЛЖНОСТЬ ШАОФУ —
ПОМОЩНИКА ПРАВИТЕЛЯ УЕЗДА**

Чанъаньские башни —
Тройного Циня начало.
Сквозь ветер с туманом
те Пять Переправ я вижу.

Мой друг, нам с тобою
расстаться настало время:
Мы оба по службе
скитальцы, в странствиях частых.

Когда Меж Морями
нам кто-то душевно близок,
У края ли неба,
и то он как будто рядом.

И значит, не будем,
прощаясь у поворота,
Как малые дети,
платки поливать слезами!

ЛУ ЧЖАОЛИНЬ

(637?—680?)

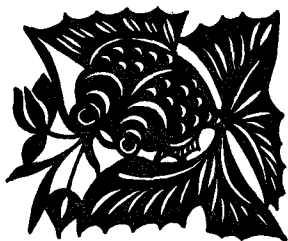
ПРОВОЖАЮ ВТОРОГО СТАРШЕГО БРАТА, УЕЗЖАЮЩЕГО В ШУ

С заставами горы
ждут путника на дорогах.

В веселых забавах
цветет государев город...

На проводах этих,
как только разняли руки,

Глядим, расставаясь,—
друг друга жалеем молча!

ЛО БИНЬВАН

(640?—684?)

ПРОВОЖАЮ НА РЕКЕ ИШУЙ

На этом же месте
прощался он с Яньским Данем.

У храброго мужа
ударили волосы в шапку...

Времен тех прошедших
людей на земле не осталось.

Речная сегодня
вода холодна, как прежде!

В ТЮРЬМЕ ВОСПЕВАЮ ЦИКАДУ

Когда я в осеннее утро,
Узник с далекого юга,

Слушаю пенье цикады,—
Думы меня терзают.

Цикада, скажи, зачем ты
Ко мне под окно прилетела?

Зачем ты напевом грустным
Тревожишь меня, седого?

Роса твои крылья смочила,
Они тяжелы для полета,

И сильный, пронзительный ветер
Твой голос легко заглушает.

Никто в этом мире грязном
В твою чистоту не поверит,

Хоть ты и поешь свои песни
От самого чистого сердца!

ЯН ЦЗЮН

(650—692?)

В ПОХОДЕ

Пламя сигналов
над западную столицей.
Сразу на сердце,
конечно, от них тревога.

Знак полководца
выносим из Врат Дворцовых.
Латников конных
ставим вокруг Стен Дракона.

В темени вьюжной
узоры знамен поблекли.
В ветре все время
слышен бой барабанов...

Все же в походе
командовать просто сотней
Лучше, чем дома
сидеть одному за книгой!

ЧЭНЬ ЦЗЫАН

(661—702)

ВЕЧЕРОМ ОСТАНАВЛИВАЮСЬ В ЛЭСЯНЕ

Родимый мой край не виден нигде вдали,
и к вечеру солнце, а я одиноко иду.
Рекою, долиною застлана старая родина,
путями-дорогами в город иду к рубежу.
На дикой границе рвутся поляны тумана,
в глубоких горах — в линию встали деревья.
Вот такова тоска в эти черные дни!
«Ау-ау» да «ау-ау» кричит в ночи обезьяна.

ПОТЯСЕН ВСТРЕЧЕЙ

I

Чуть видная луна
меркнет в западном море,
А солнца тусклый круг,
быстро светлея, всходит.
Миг один — и восток
круглым светом заполнен,
А темная душа
утром уже застыла.

Да, великий предел
твердь и землю рождает.
О, вероятно, в том
сокрыта высшая тонкость...
Присущи началам трем
расцвет и увяданье —
Ценность Трех и Пяти
кто доказать сумеет?

II

Когда б и летом и зимой
орхидеи всходили,
Едва ль бы нам их красота
столь чаровала взоры.
Цветенье пышных орхидей
все в лесу затмевает,
На фиолетовых стеблях
красные листья никнут.
Медленно-медленно ползет
в сумрак бледное солнце,
Гибко, едва коснувшись земли,
взвился осенний ветер.
В расцвете лет — уже конец
трепета, опаданья...
Прекрасным замыслам когда ж
можно осуществиться?

III

Гордятся люди рынка
ловкостью и смекалкой,
Но жизни путь проходят,
словно в неведение детском:
К мошенничеству склонны
и мотовством кичатся,
Ни разу не помыслят,
чем жизнь их завершится.
Им бы Трактат постигнуть
об истине сокровенной,
Им бытие узреть бы
в яшмовом чайнике Дао

И, в разочарованье
оставив небо и землю,
По правилам превращений
в беспредельности кануть!

**ПЕСНЯ О ВОСХОЖДЕНИИ
НА ЮЙЧЖОУСКУЮ БАШНЮ**

Не вижу былого
достойных мужей.
Не вижу в грядущем
наследников им;
Постиг я безбрежность
небес и земли,
Скорблю одиноко,
и слезы текут.

ХАНЬШАНЬ

(VIII в.)

* * *

Старушка живет
на восток от лачуги моей,
Три года назад
у нее поприбавилось благ.
Недавно была
и меня самого-то бедней,
А ныне она
потешается: ты, мол, бедняк...
Все судит меня,
что совсем я лишился лица,
Ее барышам
я такой же упрямый судья.
Один над другим
потешаемся мы без конца:
Она на востоке,
напротив, на западе,— я.

* * *

В полях урожай
не поспел еще в этом году,
Из старых запасов
в амбаре ни зернышка нет.
И вот позаимствовать
горсточку проса иду,
В смущенье надеясь:
авось не откажет сосед.
Выходит хозяин,
меня отсылая к жене.
Выходит хозяйка,
к супругу спровадить спеша.
От жалкой нужды моей
каждый из них в стороне:
Чем больше скопил человек,
тем черствее душа.

* * *

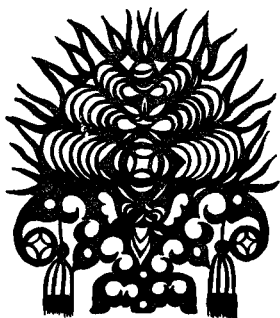
Когда-то старик
жил у северных стен городка,
Был дом его доверху полон
едой и вином.
Однажды скончалась
жена у того старика,
И сотня гостей
помянуть ее съехались в дом.
Но вот очень скоро
почтенный преставился сам,
О нем ни один не заплакал —
не все ли равно?!
Во славу его
набивавшим желудки гостям
Холодное сердце,
наверное, было дано...

* * *

Обманщик, который
морочит достойных людей,
Похож на глупца,
что с корзиной идет за водой.
Спешит он, бедняга,
домой обернуться скорей,
Да только у дома
увидит корзину пустой.
Того ж человека,
который обманут лжецом,
Я с луком сравню,
что пророс в деревенском саду:
Его, что ни утро,
под корень срезают ножом,
А он, как и прежде,
заполнит пустую гряду...

* * *

Мои стихи
ругал один знаток:
Мол, у Ханьшаня
слишком бедный слог.
Но ты на древних
мудрецов взгляни,
Ведь не стыдились
бедности они!
Знаток почтенный
хмыкнул мне в ответ:
«В твоих словах
и капли смысла нет!»
Пускай он остается
при своем,
Когда одна корысть
и жадность в нем.

ХЭ ЧЖИЧЖАН

(659—744)

ПИШУ НА ДАЧЕ

С хозяином дачи я лично совсем не знаком,
но рядом сижу с ним ради деревьев с потоком.
Вам не к чему, право, скорбеть, как купить вино:
в мошне у меня всегда были деньги на это.

ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

Молодым я из отчего дома ушел,
воротился в него стариком.

Неизменным остался лишь говор родной,—
счет годов у меня на висках.

И на улице дети глядят на меня,—
все они не знакомы со мной,—

И смеются и просят, чтоб гость рассказал,
из каких он приехал краев.

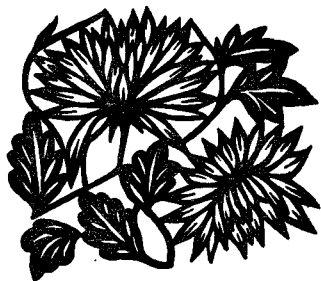

ВОСПЕВАЮ ИВУ

Украшенья из яшмы лазоревой
стали деревом,
И свисают зеленые полосы
шелка тонкого;
Эти узкие листья кто вырезал,
мне неведомо —
Или ветер весенний, что ножницы,
выстригает их?

ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПУТЬ НА ЗАРЕ

Я слышу колокол рассветный
на берегу,
Я вижу: маленькая лодка
домой спешит.
Размеренно прошедшей ночью
гремел прибой,
Роса речная на рассвете
блестит везде.
Внезапно на песке прибрежном
я вижу птиц,
Подобных тучами сокрытым
вершинам гор.
О, как далек ты бесконечно,
мой край родной!
Наутро с мыслями о друге
сбираюсь в путь.

ЧЖАН ЮЭ

(667—730)

ОПАЗДЫВАЮ НА ШУСКОЙ ДОРОГЕ

Гость в своем сердце
и дням знал и лунам счет,

До Шу и обратно
заранее вычислив путь.

Осенний же ветер
гостя не подождал

И первым ворваться
успел в столицу Лоян!

ЧЖАН ЦЗЮЛИН

(673—740)

ОТВЕЧАЮ ЛУ ЛИ

На хвое сосновой
настоянного вина

Весною прошедшей
ты много ль себе припас?

Ссылаться не стану
на горной дороги даль:

Я даже по снегу
пешком до тебя дойду!

ЦУЙ ГОФУ

(687—755)

В ПОХОДЕ

Наш северный враг першел рубеж.
Словно иней на землю китайскую пал!
Инчжоу в беде! Спешим по ночам...
Все — без сил, даже конь вождя.
Рубеж под луной. Как блещут мечи!
Рать блестит, будто солнце взошло...
Тьма разбойничьих орд, говорят, в горах,—
Впереди уже бой кипит.

ВАН ЧЖИХУАНЬ

(688—742)

ПОДНИМАЮСЬ НА БАШНЮ ХУАНЬЦЯО

Солнце ушло за хребты, на запад,
Течет Хуанхэ на восток — к морю...
Тысячи ли охватить бы взором!
Выше! Вот башни последний ярус.

МЭН ХАОЖАНЬ

(689—740)

**ПРОВОЖУ НОЧЬ
В ГОРНОЙ КЕЛЬЕ УЧИТЕЛЯ Е.
ЖДУ ДИНА. ОН НЕ ПРИХОДИТ**

Вечернее солнце
ушло на запад за гору.
Повсюду ущелья
внезапно укрылись тьмой.

Над соснами месяц
рождает ночную свежесть.
Под ветром источник
наполнил свободный слух.

Уже дровосеки
все скоро уйдут из леса,
И в сумраке птицы
находят себе приют.

А он, этот друг мой,
прийти обещался к ночи,
И цинь одиноко
все ждет на тропе в плющах.

**ОСЕНЬЮ ПОДНИМАЮСЬ НА ЛАНЬШАНЬ.
ПОСЫЛАЮ ЧЖАНУ ПЯТОМУ**

На Бэйшане
    среди облаков белых
Старый отшельник
    рад своему покою...

Высмотреть друга
    я всхожу на вершину.
Сердце летит,
    вслед за птицами исчезает.

Как-то грустно:
    склонилось к закату солнце.
Но и радость:
    возникли чистые дали.

Вот я вижу —
    идущие в села люди
К берегу вышли,
    у пристани отдыхают.

Близко от неба
    деревья как мелкий кустарник.
На причале
    лодка совсем как месяц.

Ты когда же
    с вином ко мне прибудешь?
Нам напиться
    надо в осенний праздник!

**ЛЕТОМ В ЮЖНОЙ БЕСЕДКЕ
ДУМАЮ О СИНЕ СТАРШЕМ**

Вот свет над горою
    внезапно упал на запад.
И в озере месяц
    неспешно поплыл к востоку.

Без шапки, свободно
    дышу вечерней прохладой,

Окно растворяю,
лежу, откинув заботы.

От лотосов ветер
приносит душистый запах.
Роса на бамбуках
стекает с чистым звучаньем.

Невольно захочешь
по струнам циня ударить,
Но жаль, не услышит
знаток, кому это в радость...

При чувствах подобных
о друге старинном думы,
А полночь приходит —
и он в моих сновиденьях!

НОЧЬЮ ВОЗВРАЩАЮСЬ В ЛУМЭНЬ

В горном храме колокол звонкий —
померк уходящий день.
У переправы перед затоном
за лодки горячий спор.

Люди идут песчаной дорогой
в селения за рекой.
С ними и я в лодку уселся,
чтоб ехать к себе в Лумэнь...

А в Лумэне месяц сияньем
деревья открыл во мгле.
Я незаметно дошел до места,
где жил в тишине Пан Гун.

В скалах проходы, меж сосен тропы
в веках берегут покой.
Только один лумэньский отшельник
придет и опять уйдет.

НА ГОРЕ СИШАНЬ НАВЕЩАЮ СИНЬ Э

Колышется лодка —
я в путь по реке отправляюсь:
Мне надо проведать
обитель старинного друга.

Закатное солнце
хоть чисто сияет в глубинах,
Но в этой прогулке
не рыбы меня приманили...

Залив каменистый...
Гляжу сквозь прозрачную воду.
Песчаная отмель...
Ее я легко огибаю.

Бамбуковый остров...
Я вижу — на нем рыболовы.
Дом, крытый травой...
Я слышу — в нем книгу читают...

За славной беседой
забыли мы оба о ночи.
Всё в радости чистой
встречаем и утренний холод...

Как тот человек он,
что пил из единственной тыквы,
Но, праведник мудрый,
всегда был спокоен и весел!

К ВЕЧЕРУ ГОДА ВОЗВРАЩАЮСЬ НА ГОРУ НАНЬШАНЬ

В Северный зал
больше бумаг не ношу.
К Южной горе
вновь я в лачугу пришел:

Я не умен,—
мною пренебрег государь;
Болен всегда,—
и позабыли друзья.

Лет седина
к старости гонит меня.
Зелень весны
году приносит конец.

Полон я дум,
грусть не дает мне уснуть:
В соснах луна,
пусто ночное окно...

НА ПРОЩАНИЕ С ВАН ВЪЕМ

В тоскливом безмолвье
чего ожидать мне осталось?
И утро за утром
теперь понапрасну проходят...

Я если отправлюсь
искать благовонные травы,
Со мной, к сожаленью,
не будет любимого друга,

И в этой дороге
кто станет мне доброй опорой?
Ценители чувства
встречаются в мире так редко...

Я только и должен
хранить тишины нерушимость,—
Замкнуть за собою
ворота родимого сада!

ПИШУ НА СТЕНЕ КЕЛЬИ УЧИТЕЛЯ И

Учитель там,
где занят созерцаньем,
Поставил дом
с пустынной рощей рядом.

Вдаль от ворот —
прекрасен холм высокий.
У лестницы —
глубоко дно оврага...

Вечерний луч
с дождем соединился.
Лазурь пустот
на тени дома пала...

Ты посмотри,
как чист и светел лотос,
И ты поймешь,
как сердце не грязнится!

**ВОЗВРАЩАЮСЬ ИЗ ДАОССКОГО ХРАМА ЦЗИНСЫГУАНЬ,
А ВАН БАЙЮНЬ — СЛЕДОМ ЗА МНОЙ**

Я долину покинул
с утра еще до полудня,
А вернулся домой,
когда солнце уже померкло.

Обернувшись, гляжу
на ведущую вниз дорогу,
Только вижу на ней,
как бредут коровы и овцы.

На горе дровосеки
теряют во тьме друг друга.
Насекомые в травах
с вечерним холодом стихли.

Но убогую дверь
оставляю все же открытой:
На пороге стою,
чтобы встретить приход Байюня.

**НОЧУЮ В ТУНЛУ НА РЕКЕ.
ПОСЫЛАЮ ДРУЗЬЯМ В ГУАНЛИН**

Во мраке горы
слышу горький плач обезьян.
Синея, река
убыстряет ночной свой бег.

А ветер шумит
меж деревьев на двух берегах.

И светит луна
над одним сиротливым челном...

Но местность Цзяньдэ
не родная моя земля.
Вэйянских моих
вспоминаю старых друзей.

И я соберу
два потока пролитых слез
И вдаль отошлю
к ним на западный берег морской.

НОЧЬЮ ПЕРЕПРАВЛЯЮСЬ ЧЕРЕЗ РЕКУ СЯН

Путешествуя, гость
к переправе спешит скорей.
Невзирая на ночь,
я плыву через реку Сян.

В испареньях росы
слышу запах душистых трав,
И звучащий напев
угадал я — «Лотосы рвут»...

Перевозчик уже
правит к свету на берегу.
В лодке старый рыбак,
скрытый дымкой тумана, спит.

И на пристани все
лишь один задают вопрос:
Как проехать в Сюньян,
он в какой лежит стороне?

НА ПУТИ В СТОЛИЦУ ЗАСТИГНУТ СНЕГОМ

Здесь вдаль протянулась
дорога к Циньской столице.
Бескрайнее мрачно
здесь к вечеру года небо.

И в сумраке зимнем
конец луны и начало.
Нападавшим снегом
закрыты горы и реки.

Усталые гуси
пропавшую ищут отмель.
Без пищи вороны
кричат на пустынном поле.

И гость опечален —
напрасно он ждал приюта:
Нигде не увидел
он дыма людских селений!

В ДЕРЕВНЕ У ДРУГА

Мой старый друг
на курицу с пшеном
Позвал меня
в крестьянское жилище...

Зеленый лес
деревню обступил,
Цепь синих гор
за ней уходит косо.

Сидим, глядим
на ток и огород.
Пьем, говорим
о конопле и тутах...

Когда придет
«двойной девятки» день,
Сюда вернусь
к цветению хризантемы!

В РАННИЕ ХОЛОДА НА РЕКЕ. МОИ ЧУВСТВА

Листья опали,
и гуси на юг пролетели.
Северный ветер
студен на осенней реке.

В крае родимом
крутые излучины Сяна.
В высях далеких
над Чу полоса облаков.

Слезы по дому
в чужой стороне иссякают.
Парус обратный
слежу у небесной черты.

Где переправа?
Кого бы спросить мне об этом?
Ровное море
безбрежно вечерней порой...

МОИ ЧУВСТВА В ПОСЛЕДНЮЮ НОЧЬ ГОДА

И тяжел и далек
путь за три горных края Ба
По опасным тропам,
где идти десять тысяч ли.

Средь неравных вершин
на проталине снежной в ночь
С одинокой свечой
из иной страны человек.

Отдвигается вдаль
кость от кости, от плоти плоть,
И на месте родных
верный спутник — мальчик-слуга.

Где же силы терпеть
эту, в вечных скитаньях, жизнь?
С наступлением дня
начинается новый год.

ПОДНЯЛСЯ НА ВАНЬСУЙЛОУ — БАШНЮ ВЕЧНЫХ ЛЕТ

На башню Ваньсуй — Вечных Лет — взошел я,
чтоб родину увидеть.

И сразу меня о родине думы
охватывают сильней.

Гусей перелет под холодным небом
тревожит теперь до слез.
И крик обезьян при закатном солнце
мое оборвет нутро...

Приводят изгибы древней плотины
к студеной речной воде.
Поделены косо берег поодаль
и тополь сухой вблизи.

Сегодня нежданно мне повстречался
соратник мой, добрый друг,—
И радостно также домой отправить
письмом эти восемь строк!

НОЧУЮ НА РЕКЕ ЦЗЯНДЭ

Направили лодку
на остров, укрытый туманом.

Уже вечереет,—
чужбиною гость опечален...

Просторы бескрайни —
и снизилось небо к деревьям.

А воды прозрачны —
и месяц приблизился к людям.

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Меня весной
не утро пробудило:

Я отовсюду
слышу крики птиц.

Ночь напролет
шумели дождь и ветер.

Цветов опавших
сколько — посмотри!

**ПРОВОЖАЮ ЧЖУ СТАРШЕГО,
УЕЗЖАЮЩЕГО В ЦИНЬ**

Нынешний путник
в Улин — Пять Холмов — уедет,

Меч драгоценный
всю тысячу золотом стоит.

Руки разняли,
его я дарю на память —

Дней миновавших
одно неизменное чувство!

**ПРОВОЖАЮ ДРУГА,
НАПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ В СТОЛИЦУ**

Ты, поднимаясь,
к синей уходишь туче.

Я на дорогу
к синей горе вернулся.

Туче с горою,
видно, пора расстаться.

Залил слезами
платье свое отшельник.

ВАНУ ДЕВЯТОМУ

Солнце к закату,
а сельский твой дом далек.

С горным приютом
не медля все же простись.

Помни, что надо
пораньше в путь выходить:

«Милые детки
домой Тао Цяня ждут».

**ПЕРЕПРАВЛЯЮСЬ ЧЕРЕЗ РЕКУ,
СПРАШИВАЮ У ЛОДОЧНИКА**

Волна легла, река ровна —
нет ветра над водой.

Мы в легкой лодке по реке
с моим гребцом плывем.

Все время в нетерпенье я
смотрю на край небес:

«Которая из синих гор
вершина Юэчжун?»

НАЧАЛО ОСЕНИ

Еще незаметна осень в начале,
а ночи уже длинней.

Порывами ветер прохладный веет
и свежесть с собой несет.

И жаром пылавший зной отступает,
и в доме тишь и покой.

И листья осоки внизу у ступеней
от капель росы блестят.

ПРИХОДИЛ В ОБИТЕЛЬ ПРАВЕДНОГО ЖУНА

На горной вершине в келье монаха
одежды его висят.

А перед окошком в полном безлюдье
летают птицы с озер.

Пока еще сумерки не сгустились,
тропинкою вниз иду.

В пути я внимаю шороху сосен,
любуюсь гор бирюзой.

**ПРОВОЖАЮ ДУ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО,
УЕЗЖАЮЩЕГО В ЦЗЯННАНЬ**

Там, на границе меж Цзином и У,
повсюду господство вод.

Ты уезжаешь,— весенней реки
безбрежно широк разлив...

Солнце заходит, а парус вдали
где обретет причал?

Только взгляну я на край небес —
и оборвется жизнь!

ЧЖАН СЮЙ

(VIII в.)

ПЛЫВУ В ЛОДКЕ ПО ЦИНСИ — ЧИСТОЙ РЕКЕ

Путник, в лодке плывущий,
направляется далеко.

Вот приблизился вечер,
затянули песню гребцы...

Я, смеясь, обнимаю
в водах Чистой Реки луну:

Мне сиянием чистым
любоваться не надоест!

ПЕРСИКОВЫЙ ПОТОК

Неотчетлив, неясен летящий мостик,
застилаем туманом с поля...

Где скалистого острова западный берег,
я окликну рыбачью лодку:

Целый день осыпался отцветший персик,
лепестки плывут по течению,

И осталось мне только спросить: пещера
на какой стороне потока?

В ГОРАХ НЕ ОТПУСКАЮ ГОСТЯ

Свет гор и очарованье вещей
создают сиянье весны.

Зачем же при легкой тени уже
торопиться скорей домой?

Ведь даже и в самый погожий день,
без единой капли дождя,

Когда в облака глубоко войдешь,
все равно промокнешь насквозь.

ВЕСЕННЯЯ ПРОГУЛКА. В ОЖИДАНИИ ДОЖДЯ

Пора мне к беседке пойти и в ней
расставить чары с вином...

Над самой рекой облаков гряда —
и день в предвечерней мгле...

Восточный бы ветер я попросил
подуть и развеять дождь:

Хотя бы до завтра пусть погодит
врываться в расцветший сад!

ВЕСЕННЯЯ ТРАВА

Весенней травы там зелень и зелень
на тысячи ли вокруг,

Где в дальнем краю на закате солнца
я вижу странника дом

И знаю: за долгий, в морских скитаньях,
трехлетней разлуки срок

Не послан среди облаков ни разу
листочек один письма!

ИВА

Эти светлые, светлые в дымке ветви,
подметая землю, свисают...

У стены, рядом с домом высоким, ива
вся полна весеннею грустью.

Я хочу, чтобы вы взгляделись получше
в благородство ее и прелесть:

Их не меньше, чем в тех прославленных ивах,
Линхэдянь собой украшавших!

ВАН ВАНЬ

(693—751?)

ДОЕЗЖАЮ ДО ПОДНОЖИЯ ГОРЫ БЭЙГУШАНЬ

Страннику путь
за зеленой горой пролег.
Лодка его
бирюзовой рекой плывет.

Ровен разлив —
и два берега далеки.
Ветер прямой —
и на глади парус один...

Солнце в морях
на исходе ночи взошло.
В водах весна
вдруг вторгается в старый год...

Письма родных
где в дороге меня найдут?
Стаи гусей,
возвращаясь, летят в Лоян!

ЦУЙ ХАО

(?—754)

НА БАШНЕ ЖЕЛТОГО АИСТА

Тот, что жил прежде, уже, взгромоздившись на белую тучу,
исчез...
В этой земле бесплодно осталась Желтого Аиста башня.
Желтый тот аист однажды исчез и более не возвратится;
белые тучи уж тысячу лет напрасно идут да идут.
Чистые струи одна за другою в ханьянских деревьях
видны;
травы пахучие густо растут здесь среди островка Попугая.
Солнце уж к вечеру... Стены родные — где они, где,
скажи?..
Волны в тумане на этой реке в грусть меня повергают.

ВАН ЧАНЛИН

(698—757?)

В ВОЕННОМ ПОХОДЕ

I

На западную башню поднимаюсь,
Стою один в печальной тишине.

Смеркается. Осенний ветер с моря
Приносит песню к городской стене.

«Луна над пограничными горами»
Напоминает о разлуке мне,

И я тоскую по жене любимой
В осенний вечер в дальней стороне.

II

Над озером Цинхай сгустились тучи
И мглой на горы снежные легли.

Из башни одинокого кордона
Юймыньгуань виднеется вдали.

Там путь на родину. Я дрался храбро,
Прошел песками много тысяч ли,

Но враг не сдался. До победы полной
Не видеть мне родной моей земли.

III

В степи огромной, закрывая солнце,
Клубится пыль от ветра, словно дым.

Отряды воинов из лагеря выходят
За знаменем развернутым своим.

Узнали мы, что ночью дать сраженье
У Таохэ пришлось передовым

И князя Тугухуня в этой схватке
Им удалось взять в плен живым.

IV

Застава пограничная Минюэ
Стоит здесь с незапамятных времен.

Конца нет войнам. Шлют сюда, как прежде,
Людей навечно из родных сторон.

Вот если б появился полководец,
Как Ли Гуан, бесстрашен и силен,

Тогда через Иньшань не перешли бы
Лихие орды кочевых племен.

ИЗ «ПОГРАНИЧНЫХ НАПЕВОВ»

Коня напоив,
я осенней проехал водой.
Вода холодна,
да и ветер как острый нож.

Над ровным песком
еще свет не совсем померк,

И в сумерках бледных
Линьтао легко угадать.

Когда-то давно
здесь в боях у Великой стены,
Согласно молве,
был высокий проявлен дух...

Но в желтой пыли —
все, что древле, и все, что теперь.
Лишь белые кости
разбросаны по траве.

ВАН ВЭЙ

(701—761)

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

ОТВЕЧАЮ ПЭЙ ДИ

Безбрежно широк
Разлив холодной воды.
Сумрак зеленый —
Осенний дождь проливной.
Ты вопрошаешь:
Где горы Чжуннаньской гряды?
Ведаю сердцем:
За облачной, белой стеной.

**ИЗ СТИХОВ «ДОМ ХУАНФУ ЮЭ
В ДОЛИНЕ ОБЛАКОВ»**

1. ПОТОК, ГДЕ ПОЮТ ПТИЦЫ

Вкушаю покой.
Отцветает корица вокруг.
Затишная ночь.
Горы пустынно весной.

Явилась луна,
Всполошила дремных пичуг:
Поют — не смолкают
Над вешней влагой речной.

2. ЗАВОДЬ, ГДЕ ЦВЕТУТ ЛОТОСЫ

Плыву что ни день
По лотосы в утлом челне.
Остров велик.
Допоздна замедляю возврат.
Толкаюсь шестом,
Не плещу, скользя по волне:
Боюсь увлажнить
Цветов червлёный наряд.

3. ЗАТОН, ГДЕ ОХОТИТСЯ БАКЛАН

Юрко нырнул
Под красные лотосы вмиг.
Вынырнул, взмыл,
Над затоном набрал высоту.
Перья топорща,
Вновь одиноко возник.
В клюве рыбешка.
Замер на старом плоту.

4. ПРУД, ЗАРОСШИЙ РЯСКОЙ

Пруд обширен.
Челн веслом кормовым
Вот-вот причалит,
Колеблет влажную гладь.
Лениво-лениво
Сомкнется ряска за ним.
Плакучая ива
Разгонит ряску опять.

РЕКА ВАНЧУАНЬ

1. МЭНЧЭНСКАЯ ПАДЬ

Новый мой дом
У входа в Мэнчэнскую падь.
Дряхлые ивы —
Сада истлевшего след.
После меня
Кто станет впредь вспоминать
С немощной скорбью
О людях минувших лет?

2. ХОЛМ ХУАЦЗЫ

Не сосчитать
Улетающих птиц.
Осень опять
Расцветила хребты.
Гляну с холма,
Сойду с высоты —
Сызнова в сердце
Тоска без границ.

3. БЕСЕДКА ИЗ УЗОРНОГО АБРИКОСА

Древо на балки —
Узорный дал абрикос,
Из камыша
Душистую кровлю сплели.
Пряди тумана,
Что ветер в стропила занес,
Наверно, уйдут
И дождем прольются вдали.

4. БАМБУКОВЫЙ ПЕРЕВАЛ

Рослый бамбук
Отражен в пустынной реке,
Яхонт и яшму
Рябью колышет вода.

Взойди на Шаншань
От мирской тщеты вдалеке,
Дровосеки в лесу
Тебя не увидят тогда.

5. ОЛЕНЬЯ ЗАСЕКА

Горы пустынные.
Не видно души ни одной.
Лишь вдалеке
Голоса людские слышны.
Вечерний луч
Протянулся в сумрак лесной,
Зеленые мхи
Озарил, сверкнув с вышины.

6. ИЗГОРОДЬ ИЗ МАГНОЛИЙ

В закатных лучах
Осенние склоны хребта.
Птицы чредой
Летят над лесистой горой.
Вечерний туман
Кочует, меняет места.
Пестрая зелень
Становится ярче порой.

7. БЕРЕГ, ГДЕ РАСТЕТ КИЗИЛ

Всюду полно
Зеленых и красных плодов,—
Будто цветы
Опять расцвели в тишине.
Чарку вина
Поднести любому готов,
Кто погостить
Пожалует в горы ко мне.

8. ТРОПИНКА МЕЖДУ СОФОР

Между софор
Тропа шириной в полшага.
Заросли моха —
В плотных, длинных тенях.
Только для гостя
Тропу расчищает слуга:
Вдруг забредет
Какой-нибудь здешний монах!

9. БЕСЕДКА У ОЗЕРА

Гостя встречаю;
Почтенный в легком челне,
К берегу близясь,
Неспешно скользит по воде.
Два кубка вина
В беседке — и другу и мне,
И лотос окружный
Уже распустился везде.

10. ЮЖНЫЙ ХОЛМ

Лодка легка —
Южный холм за спиной,
Северный холм
Впереди, за гладью речной.
Вижу людей —
Стоят на том берегу,
Так далеко —
Лиц различить не могу.

11. ОЗЕРО И

На позднем закате
Другу молвил: «Прости».
На флейте играю,
Правлю на дальний брег.
Глянул назад,
Проплыв половину пути:
Зеленые горы
В облаке белом, как снег.

12. ВОЛНЫ ПОД ИВАМИ

Пышнолистые ивы
Склонились чредою двойной;
Ниспадают их тени,
Ныряют, играют с волной.
Здесь не то что в столице,
На Дворцовом канале весной,
Где тоску расставанья
Растравляет ветер озорной.

13. БЫСТРИНА У ДОМА В ДЕРЕВЬЯХ

Дождь осенний
Рождает докучливый звук.
Бурно вода
Бежит по камням напрямик.
Волны плещут,
Мечут брызги вокруг.
Белая цапля
В страхе взлетает на миг.

14. РУЧЕЙ С ЗОЛОТЫМИ ПЕСЧИНКАМИ

Золотинки в ручье,
Где я черпаю воду чуть свет. —
С лишком тысячу лет
Проживу, сомнения нет!
Там, где пестрый дракон
И зеленый феникс над ним,
К властелину из яшмы
Приду с бунчуком перяным.

15. ОТМЕЛЬ У БЕЛЫХ КАМНЕЙ

Отмель у белых камней
Прозрачна, мелка.
Заросли тростника —
Рядом со мной.
На запад и на восток —
Река и река:
Волны моют песок
Под ясной луной.

16. СЕВЕРНЫЙ ХОЛМ

Северный холм
За озером спину взбугрил.
Зелень деревьев.
Киноварь ярких перил.
Блещет, петляет
Южной реки полоса
И пропадает,
В темные прячась леса.

17. БЕСЕДКА В БАМБУКОВОЙ РОЩЕ

В пустынной чаще бамбука
Свищу, пою.
На цине играю, тешу
Ночную тьму.
Безвестен людям отшельник
В лесном краю,
И только луна приходит
Светить ему.

18. ПРИГОРОК В МАГНОЛИЯХ

Мнится — лотос расцвел
В кронах густых.
Красным накрапом пестрят
Склоны хребтов.
Горный дом над ручьем,
Безлюден, притих.
Реют, опав, лепестки
Алых цветов.

19. САД ЛАКОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Не был честолюбив
Мыслитель древних времен;
От службы сам отошел,
Тщету мирскую презрев.
Но должности небольшой
Все ж удостоился он:
Жалкий досматривать сад
В несколько чахлах дерев.

20. САД ПЕРЕЧНЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Детей государя
Привечу корицей в вине,
Травой благовонной —
Красавиц, его дочерей.
Настойку из перцев
Подам на циновке быстрее,
Дабы низошел
Облаков Повелитель ко мне.

У ВЫСОКОЙ БАШНИ ПРОВОДИЛ ЧИНОВНИКА ЛИ

Простились у башни.
Пойма безбрежна на взгляд.
Закат изгорает,
Меркнет медленно свет.
В укромные гнезда
Птицы на ночь летят,
А путник шагает,—
Скитальцу отдыха нет.

ПРОЩАНИЕ

С другом простился.
Пустынные горы вокруг.
Солнце зашло.
Закрыта калитка моя.
В новом году
Травой покроется луг —
Встречу ли вас,
Вернетесь ли в наши края?

ПРОЩАЮСЬ С ВАНЧУАНЬСКИМ ДОМОМ

Нехотя, медленно
Тащит повозку гнедой.
Горько грустя,
Выезжаю из чащи лиан.
Так трудно расстаться
С этой синей грядой!

А что же мне делать
С этой зеленой водой?

**КОГДА ЦУЙ ДЕВЯТЫЙ
ОТПРАВЛЯЛСЯ В ЮЖНЫЕ ГОРЫ,
Я СОЧИНИЛ СТИХИ И ПОДАРИЛ ЕМУ
НА ПРОЩАНИЕ**

За предместьем расстались,
В душе и надежда и страх:
Мы сойдемся ли снова,
Или это разлука навек?
На коричных деревьях
Цветы распустились в горах —
Так не ждите, чтоб землю
Лепестки устлали, как снег.

ВДОВА КНЯЗЯ СИ

Не приневолить
Милостью нынешних дней
К пренебреженью
Любовью минувших лет.
Глядит на цветы —
На ресницах слезы у ней.
Чускому князю
Слова не молвит в ответ.

ИЗ СТИХОВ «НАЛОЖНИЦА БАНЬ»

I

Жучки-светляки
Снуют в проеме окна.
В безлюдных покоях
Теперь царит тишина.
За пологом ждет.
Осенняя полночь темна.
Печально-печально
Мигает лампада одна.

У терема сникли
 Метелки травы негустой.
 Любовь государя
 Отныне призрак пустой.
 Терпения нет
 Свирелям и флейтам внимать,
 Коль мимо ворот
 Несут паланкин золотой.

ПИШУ НА СЛЮДЯНОЙ ШИРМЕ ДРУГА

У ваших дверей
 В проеме ширма-слюда;
 Поставлена прямо,
 Чиста, прозрачна насквозь.
 Горный ручей
 Сам забежал сюда:
 На ширме он въявь,
 Его рисовать не пришлось.

КРАСНЫЙ ПИОН

Мирно-спокоен
 убор зеленый цветка.
 Разных оттенков
 Алого платья шелка.
 Венчик в тоске
 Вот-вот разорваться готов...
 Разве душа
 Есть у вешних цветов?

**ЛЕПЕСТКИ ГРУШЕВЫХ ЦВЕТОВ У ЛЕВЫХ
 ДВОРЦОВЫХ ВОРОТ**

Нехотя слетают
 На траву у крыльца,
 Ветерок относит
 Их легко от дверей.
 Желтой иволге любо
 Шалить без конца —

С лепестком впорхнула
В палаты дворца.

СОЧИНИЛ СТИХИ И ПОКАЗАЛ ИХ ПЭЙ ДИ

Как разорвать
С мирскими тенетами связь,
Прах отряхнуть,
Отречься житейских забот?
Посох возьми
И возвратно, не торопясь,
Путь предприми
К роднику, где персик цветет.

ИЗ «СТИХОВ О РАЗНОМ»

I

Вы побывали
В моем селенье родном,
Знаете, верно,
Все события в нем.
Очень прошу,
Поведайте мне об одном:
Слива тогда
Цвела под узорным окном?

II

Видела я —
Слива цвела предо мной.
Слышала я —
Стонала кукушка вдали.
С грустью гляжу:
Проклюнулись травы весной,
Робкие стебли
К нефриту крыльца поползли.

ПОРТРЕТ ЦУЙ СИНЦЗУНА

Вас написал
В молодые ваши года,
Старость пришла,
Голова сегоднѣ седа.
Пусть на портрете
Новые ваши друзья
Нынче увидят,
Каким вы были тогда.

ГОРНЫЙ КИЗИЛ

У подножья горы
Рдеют ягоды, нынче созрев,
Чистый их аромат
Лишь сильнее в ночи ледяной.
Мнится — это цветы
Благовонных коричных дерев
Расцвели у окна
Под холодной, осенней луной.

ОПЛАКИВАЮ МЭН ХАОЖАНЯ

Мне старого друга
Не встретить уже наяву,
А воды Ханьшуя
Текут и текут на восток.
О старце сяньянском
Поведать кого призову?
Пустынный Цайчжоу,
Горы и пенный поток.

В СНЕГОПАД ВСПОМИНАЮ О ЛИ И

Все стежки-дорожки
Застлал-завалил снегопад,
И нечего ждать,
Что друг прибѣдет сюда.
Десять тысяч дверей
В Чанъани и тысяча врат.
Где шагает-бредет
Ваш конь — золотая узда?

I

Душиста и сочна весной
Густая трава.
В тени могучей сосны
Сбывает жара.
По улочкам сельским стада
Шагают в хлева.
Не видела знати вовек
У нас детвора.

II

Персик в цвету
Ночным окроплен дождем.
Вешний туман
Ивы обвил опять.
Летят лепестки —
Слуга подметет потом.
Иволга плачет,
А гость мой изволит спать.

III

Выпить вина пожелав,
Сидим над ручьем.
С цином стою под сосной,
Опираюсь плечом.
В южном саду поутру
Подсолнухи рвем,
Ночью в восточном логу
Просо толчем.

**В ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ
ВСПОМИНАЮ О БРАТЬЯХ, ОСТАВШИХСЯ К ВОСТОКУ
ОТ ГОРЫ**

Один, томлюсь на чужбине,
Чужак-старожил.

В осенний праздник на память
Приходит родня.
Чудится, братья в горах
Ломают кизил,
Дабы в волосы ветки воткнуть,
Но среди них нет меня.

В ШУТКУ ПИШУ НА ГЛАДКОМ КАМНЕ

Досадно, что камень лежит
Столь близко к ручью:
Ветвями ива смахнула
Чарку мою.
Скажут, досада моя
Ветру чужда,—
Зачем же горсть лепестков
Он привеял сюда?

ВМЕСТЕ С ЧИНОВНИКОМ ЛУ СЯНОМ ПОСЕТИЛ ЛЕСНУЮ ОБИТЕЛЬ ОТШЕЛЬНИКА ЦУЙ СИНЦЗУНА

Деревья поляну укрыли
Тенью сплошной.
Темные мхи загустели,
Травы чисты.
Простоволосый, ноги поджав,
Сидит под сосной,
Белками глядит на пришельцев
Из мира тщеты.

ПРОВОЖАЮ ЮАНЯ ВТОРОГО, ОТПРАВИВШЕГОСЯ В АНСИ

Утренний дождь.
Пыль стала сырой.
Двор постоялый.
Ивы ярче, свежей.
Очень прошу:
Выпьем по чарке второй.
Пройдя Янгуань,
Вам не встретить друзей.

**ПРОВОЖАЮ ШЭНЬ ЦЫФУ,
ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ В ЦЗЯНДУН**

Малолюдная переправа.
Ивы и тополя.
Гонит лодку гребец, кормилом
Влагу деля.
Как весна — пойдет вслед за вами
Боль моей тоски
По дорогам — на юг и на север
От Янцзы-реки.

**ПИШУ В ДНИ «ХОЛОДНОЙ ПИЩИ»
НА РЕКЕ СЫШУЙ**

Под Гуанъучэном
Встретил исход весны.
Из Вэньяна вернулся,
Влажен платок от слез.
Лепестки опадают.
Птичьи стоны слышны.
В ивах и тополях
Люди и перевоз.

**МЕНЯ, ПРЕБЫВАВШЕГО В ЗАКЛЮЧЕНИИ В ХРАМЕ
ПУТИСЫ, НАВЕСТИЛ ПЭЙ ДИ И ПОВЕДАЛ, ЧТО
БУНТОВЩИКИ УСТРОИЛИ ПИРШЕСТВО С МУЗЫКОЙ
НА БЕРЕГУ ПРУДА ЗАСТЫВШЕЙ ЛАЗУРИ; АКТЕРЫ,
ПРЕРВАВ ПЕНИЕ, РАЗРАЗИЛИСЬ РЫДАНЬЯМИ.
Я СЛОЖИЛ СТИХИ И ПРОЧЕЛ ИХ ДРУГУ**

В скорби десять тысяч домов, —
Пожарище, дым и чад.
Когда же узрит сотни вельмож
Владыки царственный взгляд?
Осенних акаций сухая листва
Шуршит среди пустынных палат,
А рядом с прудом Застывшей Лазури
Флейты и лютни звучат.

ОПЛАКИВАЮ ИНЬ ЯО

Мы вас погребли на высокой горе
Средь облаков.

Кипарисы и сосны густо-темны.
Пора по домам.

Кости закрыты в тучах седых
На веки веков,

И только этот живой ручей
Вы оставили нам.

ВЗДЫХАЮ О СЕДЫХ ВОЛОСАХ

Увял, обескровлен
Твой давний лик молодой.

Редют седины,
Вот-вот их лишишься ты.

Изранено сердце
Мирской, жестокой тщетой.

И есть ли спасенье,
Помимо Врат Пустоты?

В ГОРАХ

Белые камни
В речке устлали дно.

Небо застыло.
Мало красной листвы.

На горной дороге
Дождь не падал давно.

Влажное платье
Небесной полно синевы.

ВЕСЕННИЕ ПРОГУЛКИ

I

Вея всю ночь,
На рассвете ветер притих,
И расцвели
Абрикосовые сады.

Деревья, деревья
В бледных оттенках, в густых,
Отразились в волнах
Речной зеленой воды.

II

Деревьев бесчисленных
Полон дворцовый сад,
Цветы распускаются
Неторопливо на них.
Коляски душистые,
Щеголи в платьях цветных, —
Даже в безветрие
Пыль облаками клубят.

КРАСНЫЕ БОБЫ, ИЛИ ПАМЯТЬ О ДРУГЕ

Красных бобов
Много в южном краю.
Осень придет —
Новых побегов не счесть.
Очень прошу:
Рвите их в память мою,
Ибо они
О друге — лучшая весть.

ПРОВОЖАЯ ВЕСНУ

Мы дряхлей, что ни день,
Седина все ярче видна.
Возвращается вновь
С каждым новым годом весна.
Наша радость теперь:
В дружеских чашах — вино.
Так не будем грустить,
Что цветам облететь суждено.

ПИШУ С НАТУРЫ

Дождь моросит
На хмурой заре.
Вяло забрезжил
День на дворе.
Вижу лишайник
На старой стене:
Хочет вползти
На платье ко мне.

ПОХОД

За спиною колчаны —
В край порубежный пришли.
Дудки свищут на марше —
Идут средь Ганьсуской земли.
Значит, рядом граница,
Если желты облака.
И трава поседела —
Стало быть, осень близка.

ИЗ СТИХОВ

«ЖЕНА ТОСКУЕТ О ДАЛЕКОМ МУЖЕ»

I

Наступила весна.
Сады поспешили расцвести.
Водоемы дворца
Отражают ивы опять.
Хочу передать
Ляоянскому страннику весть:
Облака ароматов
Не станут нас ожидать!

II

Славословья герою
С далеких границ не слышны,
А зеркало ранит
В пустынных покоях дворца.

Украсясь, глядит
На сады, на цветенье весны.
Немотствует. Слезы
Ручьями бегут, без конца.

III

Тело и тень,—
На заре расстались они,
Пар и волна,—
Меж ними тысячи ли.
В сторону ту,
Где я поджидаю, взгляни:
Лишь облака
Плывут неспешно вдали.

IV

В темной спальне блестит,
Словно иней, луна.
Светла, как шелка,
Ее белизна.
Озаряя жену,
Что тоскует одна,
До рассвета струит
Сиянье она.

ОСЕННЕЕ

I

Стоит на террасе. Холодный ветер
Платье колышет едва.
Стражу вновь возвестил барабан,
Водяные каплют часы.
Небесную Реку луна перешла,
Свет — словно россыпь росы.
Сороки в осенних деревьях шуршат,
Ливнем летит листва.

Пруд дворцовый Тайи
 Синей плещет волной.
 Днями спадает зной.
 Близкой осени жду.
 До рассвета играл
 Ряской ветер ночной.
 Сплошь в жемчужной росе
 Лотосы на пруду.

НАПЕВЫ ОСЕННЕЙ НОЧИ

I

Мерна капель водяных часов,
 А ночи исхода нет.
 Меж легких туч, устилающих твердь,
 Пробивается лунный свет.
 Осень торопит ночных цикад,
 Звенят всю ночь напролет.
 Еще не послала теплых одежд,—
 Там снег, быть может, идет.

II

Луна едва рождена.
 Осенних росинок пыльца.
 Надо бы платье сменить,—
 Похолодает потом.
 Звенит на серебряном чжэне,—
 Ночи не видно конца.
 Боится покоев пустых,
 Не смеет вернуться в дом.

СЛОЖИЛ ВО СНЕ

Не дивись любви и вражде —
 Тщетно горе, отрада пуста.
 На награду не уповай —
 Труд не впрок, ни к чему маета.

И Конфуций и Хуанди —
Где искать их, в какой стране?
Эти древние, может быть,
Нам привиделись лишь во сне.

ВОСЬМИСТИШИЯ

ОТВЕЧАЮ ЧИНОВНИКУ ЧЖАНУ

Только покой
Ценю на закате лет.
Тысячи дел
Уже не владеют мной.
В сердце давно
Обширных замыслов нет.
Знаю одно:
Вернуться к роще родной.
Ветер сосны качнет —
Распояшусь тогда,
Буду на цине бряцать
Под горной луной.
Спросите: в чем наша радость,
Наша беда?
Песней ответит рыбак
На излучке речной.

ДОМ В ГОРАХ ЧЖУННАНЬ

К срединным годам
Возлюбил я истины суть.
Близ Южной горы
Поселился в пору седин.
Радость вкусив,
Всегда гуляю один,
К лучшим местам
Наилучший ведаю путь.
К началу ручья
Дойду дорогой прямой,
Присяду, смотрю,
Как встают облака над горой.
Старик дровосек
Навстречу выйдет порой:

Смех, болтовня, —
Забываем, что время домой.

ПОСЛЕ НЕНАСТЬЯ ГЛЯЖУ НА ПОЛЯ

Ширь небосвода
Вновь над равниной светла.
Не нагляжусь! —
Ни грязи, ни пыли нигде.
У переезда
Ворота, ограда села.
Купы деревьев
Тянутся к самой воде.
Светлое поле,
За ним белеют пруды.
Горы синеют
Из-за холмистой гряды.
Лодырей нет
В разгаре общей страды.
Пусто в домах —
Все принялись за труды.

ОТВЕЧАЮ НА СТИХИ ЧИНОВНИКА СУ, ПОСЕТИВШЕГО МОЙ ДОМ В ГОРАХ ЛАНЬТЯНЬ И НЕ ЗАСТАВШЕГО МЕНЯ

Нищая келья,
Теснина, скальный отрог.
Горстка лачуг
В кругу высоких стволов.
Зря повозку вы гнали
Средь горных дорог.
Гостя кто зазовет
Под отшельничий кров?
К мерзлому берегу
Прилип челнок рыбака.
В стылой степи —
Костер, охотничий стан.
Лишь с вышины,
Где, как снег, белы облака,
Колокол мерный,
Вопли ночных обезьян.

РАДУЮСЬ ПРИЕЗДУ ЦЗУ ТРЕТЬЕГО,
УГОВАРИВАЮ ЕГО ОСТАТЬСЯ
НОЧЕВАТЬ

Друг из Лояна
Сошел у ворот с коня.
С платья дорожного
Пыль отряхнул поскорей.
Если случайный гость
Беспокоит меня,
Чаще всего
Не отмыкаю дверей.
Солнце заходит.
Лучи ложатся на снег.
Люди редуют.
Улицы пусты вокруг.
Век под халатом одним
Мы делили ночлег,—
Что же вы на ночь
В путь пускаетесь, друг?

В ЗИМНЮЮ НОЧЬ ПИШУ О ТОМ,
ЧТО НА ДУШЕ

Зимняя ночь
Очень долга, холодна.
Глухо бубнит
Ночной барабан из дворца.
Изморозь пала,
Трава белей полотна,
Ивы дряхлеют,
Ясно сияет луна.
Пышный наряд
Оттеняет морщины лица,
Красным светильником
Озарена седина.
У государя
Молодость нынче в цене.
В зеркало глянул —
Куда уж в придворные мне!

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ СИЖУ ОДИН

Грущу одиноко.
Виски с годами седей.
Стража вторая
Вот-вот вдали прозвучит.
В горах опадают
Плоды от хлестких дождей.
Под лампой цикада
Всю ночь стрекочет-сверчит.
Чернее не станет
Волос побелевшая прядь.
Нельзя-невозможно
Золото в тигле создать.
Как исцелиться,
Старость осилить свою?
Книги же только
Учат небытию.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР В ГОРАХ

Весь день моросило
В пустынных горах дотемна.
Небесная глубь
Вечерней прохладой полна.
Средь хвои сосновой
Слепит-блистает луна.
Прозрачно бежит
По камням ручьевая волна.
Бамбук зашумел —
Возвращаются прачки с реки.
Лотос качнулся —
Рыбачьи плывут челноки.
Хоть вешний давно
Отлетел аромат травяной,
Хочу, чтобы вы
Остались на осень со мной.

НАПИСАЛ, ВОЗВРАЩАЯСЬ К ГОРЕ СУНШАНЬ

Чистый поток
Оброс ивняком и травой.

Конь и повозка
Медленны, словно скользят.
Воды текут —
Река сдается живой.
Поздние птицы
Летят в гнездовья назад.
Близ переправы —
Древний глухой городок.
Горы осенние
Солнце зажгло ввечеру.
К склонам Суншань
Труден путь и далек;
В горную келью
Вернусь — и калитку запру.

ГОРЫ ЧЖУННАНЬ

Гребень Тайи —
Небесной Столицы сосед.
К самому морю
Тянется горный хребет.
Белые тучи —
Взгляни — затмевают свет.
Сизый туман —
Вглядись — и вот его нет.
Главный отрог
Разделил уезды, края,
В каждом ущелье
Всегда погода своя.
Ежели вам
В горах потребен ночлег, —
Через поток
Голос подаст дровосек.

ПОЛЯ И САДЫ НА РЕКЕ ЦИ

Над плесом Цишуя
В благой живу тишине.
Нет гор на востоке.
Бескрайны дали полей.
За туовой рощей
Простор в закатном огне.

Меж сел побережных
Река сверкает светлей.
В деревне подпасок
Тропой бредет луговой.
Охотничий пес
Бежит за владельцем, как тень.
А чем же отшельник
Досуг заполняет свой?
Калитка из веток
С рассвета закрыта весь день.

**ПОЗДНЕЙ ВЕСНОЙ
МЕНЯ НАВЕЩАЕТ ЧИНОВНИК ЯНЬ
С ДРУЗЬЯМИ**

Три тропинки,
Астры и сосны в саду.
На пять повозок
В хижине свитков и книг.
Клубни варю,
Гостей уважаемых жду.
К дому зову —
Взглянуть на гибкий тростник.
Сорока спешит
Взрастить птенцов по весне.
Иволга плачет —
Хоть высох никлый цветник.
Близясь к закату,
Грущу о моей седине,
Время отныне
Мне драгоценно вдвойне.

**ПОСЕТИЛ ГОРНУЮ ОБИТЕЛЬ
ПОЧТЕННОГО ТАНЬ СИНА
В ХРАМЕ ГАНЬХУА**

Тигровый ручей, —
Здесь, на закате дня,
С тростью в руках
Вы ожидали меня.
Гость торопливый
Услышал тигра вдали.

По дороге домой
Вы за течением шли.
Диких цветов
Заросли так хороши.
Голос птицы в теснине
Столь одинок и чист.
Вам ночью не спится.
В тихом лесу — ни души.
Лишь в сосняке
Ветра осеннего свист.

ПОСЕЩАЮ ОБИТЕЛЬ СЯНЦЗИ

Бреду наудачу
К святому храму Сянцзи.
В глушь углубился, —
Гряда вершин, облака.
Древни деревья,
Безлюдны крутые стези.
Где-то в ущелье
Колокол издалика.
Меж скальных уступов
Клокочет пена реки.
Солнце на хвое
К закату все золотей.
Под вечер монахи
У дикой, глубокой луки,
Уйдя в созерцанье,
Смиряют дракона страстей.

ПИШУ, ПОДНЯВШИСЬ НА БАШЕНКУ, В ДОМЕ СЮЦАЯ ПЭЙ ДИ

Можно здесь жить,
Не выходя из ворот,
Видеть вседневно
Гряды облаков над горой.
Птицы к полям
На закате снижают полет,
Люди плетутся
Осенней равниной сырой.
Знаю: оттуда,

С опушки дальних лесов,
Горенки этой
Окна совсем не видны.
Люблю здесь гостить,
Нередко сажу до луны...
Двери, привратник,
Не запирай на засов!

**ПИШУ
В ДЕРЕВНЕ У РЕКИ ВАНЧУАНЬ
В ПОРУ ДОЛГИХ ДОЖДЕЙ**

В чаще глухой, в пору дождей,
Вяло дымит костер.
Просо вареное и гаолян
К восточной делянке несу.
Белые цапли летят над водой,—
Залит полей простор,
Иволги желтые свищут в листве
Рослых деревьев в лесу.
Живу среди гор, вкушаю покой,
Люблю на цветы смотреть,
Пощусь под сосной, подсолнухи рву,
От мирской тщеты в стороне,
Веду простую крестьянскую жизнь,
С людьми не тягаюсь впредь,
Но птицы,— не ведаю почему,—
Нисколько не верят мне.

В ГОРАХ ПОПАЛ ПОД ДОЖДЬ

Ливень стеной.
Сумраком день объят.
Чистых небес
Не разглядеть ни клочка.
В темных горах
Молнии взор слепят,
До шири морской
Только одни облака.
К ручью нисхожу,
Скольжу: обрыв, крутизна.
Брода ищу,
Не медлю,— ведь ночь близка.

Вот, наступила...
Светла над рекой луна.
Где-то вдали
Песня гребцов слышна.

**ПРОВОЖАЮ
ЧЖАНА ПЯТОГО, ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ В ГОРЫ**

Вас провожая,
Замер в горе своем:
Встречу ли вас,
Дождусь ли желанного дня?
Долгие годы
Мы служили вдвоем,
Вы отряхнули
Одежды прежде меня.
В горах на востоке
Скромная хижина есть.
Был бы я счастлив
Для вас у калитки подмесь.
Надо бы тоже
Мне выйти в отставку теперь,—
Разве откажешь
Сердцу, что подало весть?

**ПРОВОЖАЮ
ЧИНОВНИКА ЦЯНЯ, ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ
В ГОРЫ ЛАНЬТЯНЬ**

Все краше трава,
Но к Персиковому ключу
Мало кто едет —
Пребыть в благой тишине.
В оде Чжан Хэна
Напутственных мыслей ищу,
Наряд Лао Лая
Все время видится мне.
С Южного взморья
Ласточки к дому спешат,
Горные вишни
Цветут в разгаре весны.
Вешним постом

Пора устремиться назад.
К дверце из веток
И вы вернуться должны.

ДАРИЮ ЦЮ ВЭЮ НА ПРОЩАНИЕ

Возвратной тропой,
За предел седых облаков,
Петляя, плетусь
Верхом на горный подъем.
И ныне и завтра —
Знаю — мой жребий таков:
Тревогу таить
В тоскливом сердце моем.
«Пояс и шпильки»
За проводы благодарю.
Как бы весной
Вам снова встретить меня!
На каждом шагу
Назад понуро смотрю,
К ближней заставе
Нехотя правлю коня.

В ЦИЧЖОУ ПРОВОЖАЮ ЦЗУ ТРЕТЬЕГО

При встрече — улыбка,
В разлуке — слез не уйму.
В прощальном шатре,
Еще на отвальном пиру,
Уврачеванья
Горю нет моему;
Город безлюдный
Пуще наводит хандру.
Стылое небо,
Чистый гребень хребта.
Солнце заходит.
Стремнина большой реки.
Отвязан канат —
И вы уже далеки.
Щурясь гляжу:
Все стоите вы у борта.

ПО ЖЕЛТОЙ РЕКЕ ПЛЫВУ В ЦИНХЭ

Наша лодка плывет
По великой Желтой реке.
До границы небес
Простерлось обилие вод.
Прерываются вдруг
И волны и небосвод:
В десять тысяч домов
Город возник вдалеке.
Продолжаем путь —
Возникают вновь города,—
Как в тумане, видны
Шелковицы и конопля.
Обернешься, глядишь
Туда, где родная земля:
Вплоть до самых туч
Без края — вода и вода.

НОЧЬЮ ПРОПЛЫВАЮ ЦЗИНКОУДАЙ

Сирий мой парус
В зеленом тумане плывет.
Тлеет красный закат
Над разливом холодных вод.
Ивы речные
С рассветом явятся мне,
Песни из У
Звучали в ночной тишине.
Южные воды
Расплылись в приливной волне,
Северный Ковш
Ближе к родной стороне.
К службе спешу,
На чужбине странствую сам,
Мысли о доме
Вверяю пролетным гусям.

ХОЗЯИН ТЫСЯЧИ ПАГОД

Праздник встречаю
На постоялом дворе —
Не надобно ставить
Парус на ранней заре.

Под самым окном
Воды Бяньхэ-реки,
У врат перевоз,
Чуских гребцов челноки.
Куры и псы
По всему селенью бредут,
Дальше поля
Под сенью вязов и тут...
Вовеки никто
Не узрит жилья старика:
Над ложем его —
Туманы и облака.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ В БАМБУКОВОЙ БЕСЕДКЕ ПРЕПОДНОШУ ЧИНОВНИКУ ЦЯНЮ, КОТОРЫЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЛАНЬТЯНЬ

Тихая ночь.
Мир живых — покоем объят.
Лишь за рощей порой
Собаки лают, не спят.
Вспоминаю опять
Пребыванье в горном краю,
От ручья на закат —
Убогую келью мою.
Завидую вам:
На заре вы уехать должны,
Травы собирать,
Богатство презрев и чины.

ПРОВОДЫ

Сударь, спешьтесь,
Прошу, испейте вина.
Вы в дороге —
Куда ведет вас она?
Всадник ответил:
Мечты развеяны в прах.
Я обрету
Забвенье в Южных горах.

Что вопрошать?
Решимость ваша тверда:
Но седым облакам
Не будет конца никогда.

ВЭЙЧУАНЬСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

Косыми лучами
Селенье озарено.
В хлева возвращаясь,
Проулками тянется скот.
Старик у калитки
Оперся на посох давно,
Замыслясь глубоко,
Подпaska-мальчика ждет.
В созревшей пшенице
Фазаны подняли крик.
Окуклились черви —
Листвы на шелковицах нет.
Шагают крестьяне,—
Торчат рукояти мотыг,—
Толкуют, встречаясь,
Никак не окончат бесед.

Грустная зависть
Душу печалит мою.
«Скоро стемнеет...» —
Я потихоньку пою.

ЗЕЛЕНый РУЧЕЙ

Когда отправляюсь
На реку Желтых Цветов,
Всегда берегами
Иду Зеленым ручьем.
Тысячи раз
Меж гор он извиться готов,
Хотя по прямой
Сотню ли не счесть нипочем.

Звуки рокочут
В разбросанных грудах камней,

Краски тускнеют
В сосновой чаще лесной.
Плещет струя,
Колышет орех водяной,
И тростники,
Дрожа, отражаются в ней.

Сердце мое
Уже беспечно давно,
Лоно ручья
Тем же покоем полно.
Здесь, на скале,
Я бы остаться хотел,
С удочкой сесть,
Отрешиться от суетных дел...

ОБИТЕЛЬ КАМЕННЫХ ВОРОТ В ГОРАХ ЛАНЬТЯНЬ

Горы и воды
Прекрасны в закатном огне.
Ветру вверяюсь,
Плыву к верховьям в челне.
Дивные виды
Путь сократили мне.
Вот и приплыл
К истокам, в глухие места.
Взор веселит
Облаков и гор красота,
Но усомнился:
Быть может, ошибся в пути.
Как средь протоков
Единственно верный найти?
Глянь — впереди
Стезя к подножью хребта.
Срезал посох,
Оставил в затоне ладью,
Рад, что нашел
Надежную тропку свою.

Пять-шесть монахов
Гуляют в лесистой тени,
Ранним рассветом
Санскрит изучают они,

В безлюдье ночном
Созерцанию дух предают,
От сельчан-дровосеков
О мирских делах узнают,
И пастушески прост
Их блаженный мирный приют.

Здесь деревья высоки,—
Под ними ночь провожу,
Возжигаю куренья,
На чистой циновке лежу.
Благовоньем цветов
До отказа одежды полны,
Отсвет горной луны
Серебрится на камне стены...

Заблудиться боюсь
В повторной дороге сюда.
Мой челнок на заре
Унесет по теченью вода.
Прощайте, друзья
И ручей, где персик цветет!
Заалеют цветы —
Возвращусь на будущий год.

ЧЖЭН И ХО, ЖИТЕЛИ ГОР

(Из стихов «Четыре мудрых мужа, что обитают
у реки Цзихэ»)

Беззаботна, беспечна
Одетая в шелк молодежь.
В наипервых домах
Появляется часто она.
Уродилась в богатстве,
Наследной казны не сочтешь,
Благосклонностью царской
От юности одарена.
Не обучена с детства.
В достатке мясная еда.
В золоченых колясках
Разъезжает везде и всегда.
Почему ж в небреженье
Отшельники дебрей лесных?

Не представит никто
Ко двору государеву их.
Чжэн, почтенный мудрец,
Постарел средь потоков и скал,
На холме, за плетнем,
Хо-учитель жильё отыскал.
Лишь по твердой цене
Лекарства больным продают,
В десять тысяч словес
Пишут книги, не устают.
Лишь у добрых дерев
Обретают тенистый приют.
Лишь прозрачную воду
Из чистых источников пьют.
Я, ничтожный, о них
Недостойн высказать суд.
Где же те, что в грядущем
Отшельникам честь воздадут?

НОЧУЮ В ЧЖЭНЧЖОУ

На прощанье поклон
Отдал жителям Чжоу чуть свет.
Обитатели Чжэн
Ночевать пустили меня.
На чужой стороне
Ни друзей, ни товарищей нет;
Одинокому страннику
Только прислуга — родня.
Ни Наньян, ни Лоян
Отсюда уже не видны.
От осенних дождей
Небеса над равниной темны.
По меже травяной
Ковыляет крестьянин с трудом.
Мальчуган деревенский
Стадо пасет под дождем.
Мой хозяин в отлучке —
На восточный отправился луг.
Худую лачугу
Хлеба обступили вокруг.
Ткацкий стан тарахтит,
Сверчки тянут песни свои.
Зреют просо и рис.

На полях галдят воробьи.
Через реку Цзиншуй
Переправиться завтра смогу,
А вчера вечером
Пребывал в долине Цзиньгу.
И зачем и куда
Я стремлюсь, назначенью не рад?
В пограничную глушь,
Польстившись на скудный оклад.

УТРОМ ПРИПЛЫЛ В СИНЪЯН

На лодке в Синъян
Плыву меж речных берегов.
Этот уезд —
Могучий заслон от врагов.
Селений не счесть
У луки, где крутой поворот.
Куда ни взгляни,
Кишит-толпится народ.
Отличны от наших
Обычаи здешней земли.
Говор иной,
Совсем на наш не похож.
Поздняя осень,
Полно зерна, конопли.
Утром на рынке
Давка, гомон, галдеж.
Тьма людей на воде —
Покупщиков, рыбаков,
Петухи и собаки —
В поселках на берегу.
Ждет неблизкий путь
За грядой седых облаков;
Разве ветрилом моим
Его одолеть смогу?

**ВТОРЮ СТИХАМ ШИ ПЯТОГО:
«С ЗАПАДНОЙ БАШНИ ГЛЯЖУ ВДАЛЬ,
МЕЧТАЮ О ВОЗВРАЩЕНИИ»**

С башни смотрю
Туда, где в мыслях давно.
Взор — у предела,
Чувствам — предела нет.
Тысячи ли
Отсель узреть мне дано,
Тысячи кровель
Вижу, глядя в окно.
Люди бредут
По дороге друг другу вослед,
Солнце заходит
За дальний край городка.
Дальний залив,
За ним — печаль и тоска,
Далеко-далеко
Сирая струйка дымка...

Слагатель стихов
Ши Пятый весьма одарен,
Но, как я, мелюзга,
Мечтает о родине он.
А родной стороны
Нельзя увидеть все равно:
За грядой облаков
Пусто, мглисто, темно.

ПРЕПОДНОШУ ГУБЕРНАТОРУ ВЭЙ ЧЖИ

Глухой городок.
Тишина, запустенье вокруг.
Реки и горы
Безлюдны на тысячи ли.
В небе высоком
Осеннее солнце вдали.
Лебеди — слышишь? —
Ячат, улетаю на юг.
Стебли сохлой травы
Отражаются в глуби пруда,
Тунг, склоняясь у корчмы,
Листву осыпает свою.

Это в сумерки года
Исконно бывает всегда.
Созерцаю природу,
«Старика-горемыку» пою.
Никто из родных
Вовек не пребудет со мной.
Беззвучно, безлюдно
К востоку от кромки лесной.

НА ГРАНИЦЕ

Что ни десять ли —
Гонят вскачь коня.
Что ни пять —
Свистящий размах ремня.
Донесенье наместнику
Прибыло в срок:
Цзюцюань осадила
Хуннская рать.
Снегопад на заставе
Все заволок,
Даже дыма сигнальных костров
Не видать.

ЖЕНА ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ

Месяц осенний
Встает над высокой стеной,
Флейта и цитра
Плачут за ней без конца.
В пышных покоях
Женщине горько одной.
Дети играют
Возле ступеней крыльца.
Снова и снова
Выходит к воротам она:
В сбруе зеленой,
Нет, не видать скакуна!
Мало прохожих,
Пусто и глухо вокруг.
Ночь наступила —
Нейдет непутевый супруг.

Смолкли служанки,
Им слова сказать не вольно,
Глядят на хозяйку,
Плачут с ней заодно.

ИЗ СТИХОВ НА СЛУЧАЙ

I

Солнце заходит.
Гляжу на Тайханский хребет.
Тяжко вздыхаю —
В горы уйти не могу.
Спросите вы:
Почему вызволения нет? —
Сетью мирской
Опутан в семейном кругу.
День ото дня
Сестра взрослеет моя,
Младший мой брат
До сих пор еще не женат,
Скудный оклад,
Безо всяких достатков семья,
Нет сбережений,
И не было их никогда.
Сколько уж раз
Взлететь не давала нужда!
На месте одном
Топчусь, озираясь назад.
На холме, где Сунь Дэн
Свистал в былые года,
Есть укромный приют,—
Там растут бамбук и сосна;
Путь не так уж далек,
Нетрудно добраться туда,—
Мешает семья,
Стоит поперек, как стена.
С каждым днем все слабей
Любовь и привычка к родне.
С каждым днем все сильней
Стремленье к покою во мне.
Немного еще —
И в дорогу пуститься готов.
Неужель дожидаться
Прихода вечерних годов?

Поэт Тао Цянь,
 Простой, правдивый, прямой,
 Пристрастный к вину,
 Испивать любил допьяна.
 Оставив службу,
 Вернулся нищим домой,
 В убогой лачуге
 Не было часто вина.
 Девятый день,
 Девятая счетом луна,
 Полно хризантем,
 А вина — ни капли в дому;
 И все ж в глубине
 Таится дума одна:
 А вдруг да пришлют
 Вина доброхоты ему!

Чей-то слуга
 С кувшином и чарой большой
 Вправду принес,
 Чтоб старцу дар передать.
 Старец ковшом
 Утешался бы всею душой,
 Кувшина и чары
 Вовсе не смел ожидать!
 Взвихрив одежды,
 Бродил в полях, без дорог.
 Бремя свалилось,
 И на душе — благодать.
 Сбился с пути,
 Не поймет: где запад, восток?..
 Шапку и плащ
 Он растерял, не сберег.
 Рухнул, поднялся,
 Еле способен брести,
 К ивам пяти
 С песней вернулся хмельной.
 Он оставлял
 Без внимания каждый попрек
 И не терял
 Достоинства перед женой.

В ОТВЕТ НА ПОСЕЩЕНИЕ

Худо вдовцу
В сиротливой жизни такой!
Скорбно ропщу
На мою горевую судьбу.
В горы Ланьтянь
Давно ушел на покой,
Тощую землю
Один мотыгой скребу.
Год завершен —
Плачу налоги сполна,
В жертву богам
Приношу толику зерна,
Тихо плетусь
К восточному лугу с утра,—
Влажные злаки
Еще в пыльце росяной;
По вечерам
Гляжу на угли костра,
Ношу взвалив,
Возвращаюсь порою ночной...

Внемлю: спешат
Почетные гости сюда.
Перед калиткой
Замел сухую листву.
Чем угощу?
Непышной будет еда:
Тыкву разрежу.
Фиников сладких нарву.
Робко смущаюсь
Меж столь ученых мужей —
Нищий старик
С поникшей седой головой.
Стыдно, что нет
Циновок в лачужке моей,—
Пол застелил
Ветвями и свежей травой.

Позже неспешно
Направились к лодкам, на пруд;
Лотосы рвали,
Дивились до поздней поры,
Как серебрятся

В прозрачной воде осетры,
Как на белом песке
Их сизые тени снуют.

Горные птицы
В гнезда летят косяком,
Солнце укрылось
В легкой вечерней мгле.
Сели в коляски,
А кто примостился в седле,
Сразу умчались.
Тихо и пусто кругом...
Птахи щебечут
В селенье глухом вдалеке.
Крик петушиный
С безлюдных несется дворов.
Молча бреду
Под мой одинокий кров.
Тяжко вздыхаю.
Нет предела тоске.

ИЗНЫВАЮ ОТ ЖАРЫ

На земле и в небе
Зной нестерпимо жгуч.
Утесы и горы
Встают из огненных туч.
Травы и листья
Свернулись от лютой жары.
В озерах и реках
Вода обратилась в пары.
Кажется грузным
Легкое платье мое.
Под густыми ветвями
Тени нет никакой.
К накаленным циновкам
Не прикоснешься рукой.
Дважды и трижды
За день стираю белье.

В мечтах возношусь
За пределы небес и земли,
К далям безбрежным

Стремлюсь быстрее и быстрее,
Там ветер могучий
Пролетает тысячи ли,
Ходят мутные волны
В просторах рек и морей.
Нынче я понял:
От плоти — страданий часы.
Чувствую, знаю:
Еще не проснулась душа.
Сердцем стремлюсь
К Воротам Сладкой Росы,
Радость предвидя,
Чистой прохладой дыша.

* * *

Стихи сочинять
Ленюсь на старости лет.
В преклонных годах
Без них достаточно бед.
В рожденье ином
Едва ли был я — поэт,
В той жизни, верней,
Присуща живопись мне.
От прежних привычек
Не мог отрешиться вполне
И стал невзначай
Известен среди знатоков.
Зачем-то слышу
Творцом картин и стихов,
Но сердцем не верю,
Что я и вправду таков.

ЛИ БО

(701—762)

ДУМЫ В ТИХУЮ НОЧЬ

Перед постелью вижу сиянье луны.
Кажется — это здесь иней лежит на полу.
Голову поднял — взираю на горный я месяц;
Голову вниз — я в думе о крае родном.

ИЗ ЦИКЛА «ОСЕННЯЯ ЗАВОДЬ»

*

Вода — словно одна полоса шелка,
Земля эта — то же ровное небо.
Что, если бы, пользуясь светлой луною,
Взор — в цветы, сесть в ладью, где вино?

*

Холм Персиков — один лишь шаг земли...
Там четко-четко слышны речь и голос.
Безмолвно с горным я монахом здесь прощаюсь.
Склоняю голову; привет вам в белых тучах!

Белых волос тысячи три сажений!
 Грусть ведь моя так бесконечно долга!
 Я не пойму: в зеркале светлом и чистом
 Где я добыл иней осенний висков?

ОСЕННИЕ ДУМЫ

У дерева Яньчжи желтые падают листья,
 Приду, погляжу — сама поднимусь на башню.
 Над морем далеким лазурные тучи прорвались,
 От хана-шаньюя осенние краски идут.
 Войска кочевые в песчаной границе скопились,
 А ханьский посол вернулся из Яшмы-Заставы.
 Ушедший в поход, не знаю, когда он вернется,
 Напрасно грущу, что цветок орхидеи завянет.

ПРОВОЖАЮ ДРУГА

Зеленые горы торчат над северной частью,
 А белые воды кружат возле восточных стен.
 На этой земле мы как только с тобою простимся,
 Пырей-сирота ты — за тысячи верст.
 Плывущие тучи — вот твои мысли бродят.
 Вечернее солнце — вот тебе друга душа.
 Махнешь мне рукою — отсюда сейчас уйдешь ты,
 И грустно, протяжно заржет разлученный конь.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРЕПРАВА В ХЭНЦЗЯН»

Морской бог прошел здесь — злой ветер кружит.
 Волны бьют по Небесным Вратам — стены скал раздались.
 Река Чжэ, в восьмой месяц зачем ты такая?
 Волны похожи на горы сплошные, снегом плюющие в нас.

Перед Хэнцзянской будкой встречает пристав паромный
меня.

Мне говорит, указав на восток, где в море родились тучи:
— Сударь, сегодня ехать хотите ради какой нужды?
Если такие волны и ветер, ехать никак нельзя.

ПЕСНЬ О КУПЦЕ

Гость заморский ловит с неба ветер
И корабль далеко в страду гонит.
Словно сказать: птица среди облаков!
Раз улетит — нет ни следа, ни вестей.

ВАН ЛУНЮ

Ли Бо уже в лодке своей сидит,
отчалить ему пора.

Вдруг слышит, как кто-то на берегу
поет, отбивая шаг.

И Озера Персиковых Цветов —
бездонной пучины глубь —

Не мера для чувства, с каким Ван Лунь
меня провожает в путь!

ПОДНОСЯ ВИНО

Неужто вы не видите, друзья,
Как воды знаменитой Хуанхэ,
С небесной низвергаясь высоты,
Стремятся бурно в море,
Чтоб не вернуться больше?
Неужто вы не видите, друзья,
Как в царственных покоях зеркала
Скорбят о волосах, — они вчера
Чернее шелка были,
А ныне стали снегом?

Достигнув в жизни счастья,
Испей его до дна,
Пусть полон будет кубок
Под молодой луной.
Мне небом дар отпущен,
Чтоб расточать его.
Истраченным богатством
Я овладею вновь.
Быка зажарим, други,
Но для веселья нам
Сейчас же надо выпить
Заздравных триста чаш.
Учитель Цэнь
И ты, Данцю,
Коль поднесут вино,
То пейте до конца,
А я вам песнь спою,
Ко мне склоните ухо:
Изысканные яства
Не следует ценить,
Хочу быть вечно пьяным,
А трезвым — не хочу.
Так повелось издревле —
Безмолвны мудрецы,
Лишь пьяницы стремятся
Прославиться в веках.
Князь Цао Чжи когда-то
Устроил пир в Пинлэ,
И десять тысяч доу
Там выпили шутя.
Напрасно наш хозяин
Сказал, что денег нет,
Вина еще мы купим,
Чтобы друзьям налить.
Вот быстрый конь,
Вот новый плащ, —
Пошлем слугу-мальчишку,
Пусть обменяет их,
И вновь, друзья, забудем
Мы о своих скорбях.

ПЕСНЯ О ВОСХОДЕ И ЗАХОДЕ СОЛНЦА

Из восточного залива солнце,
Как из недр земных, над миром всходит,
По небу пройдет и канет в море.
Где ж пещера для шести драконов?
В древности глубокой и поныне
Солнце никогда не отдыхало,
Человек без изначальной силы
Разве может вслед идти за солнцем?
Расцветая, травы полевые
Чувствуют ли к ветру благодарность?
Деревя, свою листву роняя,
На осеннее не ропщут небо.
Кто торопит, погоняя плетью,
Зиму, осень, и весну, и лето?
Угасанье и расцвет природы
Совершается своею волей.
О Сихэ, Сихэ, возница солнца,
Расскажи нам, отчего ты тонешь
В беспредельных и бездонных водах?
И какой таинственную силой
Обладал Лу Ян? Движенье солнца
Он остановил копьем воздетым.
Много их, идущих против неба,
Власть его присвоивших бесчинно.
Я хочу смешать с землею небо,
Слить всю необъятную природу
С первозданным хаосом навеки.

ЛУНА НАД ПОГРАНИЧНЫМИ ГОРАМИ

Луна над Тянь-Шанем восходит, светла,
И без облаков океан,
И ветер принесся за тысячу ли
Сюда, на заставу Юймынь.
С тех пор, как китайцы пошли на Бодэн,
Враг рыщет у бухты Цинхай,
И с этого поля сраженья никто
Домой не вернулся живым.
И воины мрачно глядят за рубеж —
Возврата на родину ждут,
А в женских покоях как раз в эту ночь
Бессонница, вздохи и грусть.

ПЕСНИ НА ГРАНИЦЕ

Быстрые кони,
Как ветер буйный,

Вынесли войско
За Вэйский мост.

С китайской луною
Бойцы простились,

Их черные стрелы
Разят гордецов.

Кончился бой.
Злые звезды померкли.

Лагерь пустеет,
Унесся туман...

Героев лики
На стенах башни —

Хо Пяояо
Прославлен там.

НА ЗАПАДНОЙ БАШНЕ В ГОРОДЕ ЦЗИНЬЛИН ЧИТАЮ СТИХИ ПОД ЛУНОЙ

В ночной тишине Цзиньлина
Проносится свежий ветер.
Один я всхожу на башню,
Смотрю на У и на Юэ.
Облака отразились в водах
И колышут город пустынный,
Роса, как зерна жемчужин,
Под осенней луной сверкает.
Под светлой луной грущу я
И долго не возвращаюсь.
Не часто дано увидеть,
Что древний поэт сказал.
О реке говорил Се Тяо:
«Прозрачней белого шелка»,—

И этой строки довольно,
Чтоб запомнить его навек.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ В ЖАНРЕ ЦЫ

* * *

Флейты печальные звуки
Сон оборвали счастливый.
Циньской деве не спится
В башне, луной озаренной.
В башне, луной озаренной...
Год за годом проходит,
Вновь распускается ива,
И расставанье в Балине
Сердце томит влюбленной.

Ясная в Лэююане
Осень теперь воцарилась.
А на дороге к Сяньяну
Пыль под конем не клубится.
Пыль под конем не клубится...
Дует западный ветер,
Только что солнце скрылось
Там, где могил и храмов
Грустная вереница.

(Мелодия «Ицинъэ»)

* * *

Словно затканый в пряди тумана,
Лес вдали, различимый едва.
Бередит в моем сердце раны
Гор холодная синева.

Я на башню поднялся высоко,
Где скопился сумрак густой.
Там стою и стою одиноко
Со своею тоской.

И на мрамор белый ступеней
Устремляю свой взгляд.
Шум внезапно возник в отдаленье —
Это птицы в гнезда спешат.

А моя где нынче дорога,
Та, что к дому родному ведет?
И беседок еще как много
По дороге путника ждет?

(Мелодия «Пусамань»)

**СМОТРЮ НА ВОДОПАД В ГОРАХ
ЛУШАНЬ**

За сизой дымкою вдали
Горит закат,

Гляжу на горные хребты,
На водопад.

Летит он с облачных высот
Сквозь горный лес —

И кажется, то Млечный Путь
Упал с небес.

**В ГОРАХ ЛУШАНЬ СМОТРЮ НА ЮГО-ВОСТОК,
НА ПИК ПЯТИ СТАРИКОВ**

Смотрю на пик Пяти Стариков,
На Лушань, на юго-восток.

Он поднимается в небеса,
Как золотой цветок.

С него я видел бы все кругом
И всем любоваться мог...

Вот тут бы жить и окончить мне
Последнюю из дорог.

СТРУЯЩИЕСЯ ВОДЫ

В струящейся воде
Осенняя луна:

На южном озере
Покой и тишина.

И лотос хочет мне
Сказать о чем-то грустном,

Чтоб грустью и моя
Душа была полна.

СОСНА У ЮЖНОЙ ВЕРАНДЫ

У южной веранды
Растет молодая сосна,

Крепки ее ветви
И хвоя густая пышна.

Вершина ее
Под летящим звенит ветерком,

Звенит непрерывно,
Как музыка, ночью и днем.

В тени, у корней,
Зеленеет, курчавится мох,

И цвет ее игл —
Словно темно-лиловый дымок.

Расти ей, красавице,
Годы расти и века,

Покамест вершиной
Она не пронзит облака.

СТИХИ О ЧИСТОЙ РЕКЕ

Очищается сердце мое
Здесь, на Чистой реке;

Цвет воды ее дивной —
Иной, чем у тысячи рек.

Разрешите спросить
Про Синьань, что течет вдалеке:

Так ли камешек каждый
Там видит на дне человек?

Отраженья людей,
Словно в зеркале светлом, видны,

Отражения птиц —
Как на ширме рисунок цветной.

И лишь крик обезьян,
Вечерами, среди тишины,

Угнетает прохожих,
Бредущих под ясной луной.

РАНО УТРОМ ВЫЕЗЖАЮ ИЗ ГОРОДА БОДИ

Я покинул Боди,
Что стоит среди цветных облаков,

Проплывем по реке мы
До вечера тысячу ли.

Не успел отзвучать еще
Крик обезьян с берегов —

А уж челн миновал
Сотни гор, что темнели вдали.

**ОСЕНЬЮ ПОДНИМАЮСЬ
НА СЕВЕРНУЮ БАШНЮ
СЕ ТЯО В СЮАНЬЧЭНЕ**

Как на картине,
Громоздятся горы

И в небо лучезарное
Глядят.

И два потока
Окружают город,

И два моста,
Как радуги, висят.

Платан застыл,
От холода тоскуя,

Листва горит
Во всей своей красе.

Кто б ни взошел
На башню городскую —

Се Тяо вспомнят
Неизбежно все.

БЕЛАЯ ЦАПЛЯ

Вижу белую цаплю
На тихой осенней реке;

Словно иней, слетела
И плавает там, вдалеке.

Загрустила душа моя,
Сердце — в глубокой тоске.

Одиноко стою
На песчаном пустом островке.

ХРАМ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

На горной вершине
Ночую в покинутом храме.

К мерцающим звездам
Могу прикоснуться рукой.

Боюсь разговаривать громко:
Земными словами

Я жителей неба
Не смею тревожить покой.

ЛЕТНИМ ДНЕМ В ГОРАХ

Так жарко мне —
Лень веером взмахнуть.

Но дотяну до ночи
Как-нибудь.

Давно я сбросил
Все свои одежды —

Сосновый ветер
Льется мне на грудь.

О ТОМ, КАК ЮАНЬ ДАНЬЦЮ ЖИЛ ОТШЕЛЬНИКОМ В ГОРАХ

В восточных горах
Он выстроил дом

Крошечный —
Среди скал.

С весны он лежал
В лесу пустом

И даже днем
Не вставал.

И ручейка
Он слышал звон

И песенки
Ветерка.

Ни дразг и ни ссор
Не ведал он —

И жить бы ему
Века.

**НАВЕЩАЮ ОТШЕЛЬНИКА НА ГОРЕ
ДАЙТЯНЬ, НО НЕ ЗАСТАЮ ЕГО**

Собаки лают,
И шумит вода,

И персики
Дождем орошены.

В лесу
Оленей встретишь иногда,

А колокол
Не слышен с вышины.

За сизой дымкой
Высится бамбук,

И водопад
Повис среди вершин.

Кто скажет мне,
Куда ушел мой друг?

У старых сосен
Я стою один.

**СЛУШАЮ, КАК МОНАХ ЦЗЮНЬ
ИЗ ШУ ИГРАЕТ НА ЛЮТНЕ**

С дивной лютней
Меня навещает мой друг,

Вот с вершины Эмэя
Спускается он.

И услышал я первый
Томительный звук —

Словно дальних деревьев
Таинственный стон.

И звенел,
По камням пробегая, ручей,

И покрытые инеем
Колокола

Мне звучали
В тумане осенних ночей...

Я, старик, не заметил,
Как ночь подошла.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

И ясному солнцу,
И светлой луне

В мире
Покоя нет.

И люди
Не могут жить в тишине,

А жить им —
Немного лет.

Гора Пэнлай
Среди вод морских

Высится,
Говорят.

Там в рощах
Нефритовых и золотых

Плоды,
Как огонь, горят.

Съешь один —
И не будешь седым,

А молодым
Навек.

Хотел бы уйти я
В небесный дым,

Измученный
Человек.

ЗА ВИНОМ

Говорю я тебе:
От вина отказаться нельзя,—

Ветерок прилетел
И смеется над трезвым тобой.

Погляди, как деревья —
Давнишние наши друзья,—

Раскрывая цветы,
Наклонились над теплой травой.

А в кустарнике иволга
Песни лепечет свои,

В золотые бокалы
Глядит золотая луна.

Тем, кто только вчера
Малолетними были детьми,

Тем сегодня, мой друг,
Побелила виски седина.

И терновник растет
В знаменитых покоях дворца,

На Великой террасе
Олени резвятся весь день.

Где цари и вельможи?
Лишь время не знает конца,

И на пыльные стены
Вечерняя падает тень.

Все мы смертны. Ужели
Тебя не прельщает вино?

Вспомни, друг мой, о предках —
Их нету на свете давно.

ПРОВОЖУ НОЧЬ С ДРУГОМ

Забыли мы
Про старые печали —

Сто чарок
Жажду утолят едва ли.

Ночь благосклонна
К дружеским беседам,

А при такой луне
И сон неведом,

Пока нам не покажутся,
Усталым,

Земля — постелью,
Небо — одеялом.

ПОД ЛУНОЙ ОДИНОКО ПЬЮ

Среди цветов поставил я
Кувшин в тиши ночной

И одиноко пью вино,
И друга нет со мной.

Но в собутыльники луну
Позвал я в добрый час,

И тень свою я пригласил —
И трое стало нас.

Но разве, спрашиваю я,
Умеет пить луна?

И тень, хотя всегда за мной
Последует она?

А тень с луной не разделить,
И я в тиши ночной

Согласен с ними пировать
Хоть до весны самой.

Я начинаю петь — и в такт
Колышется луна,

Пляшу — и пляшет тень моя,
Бесшумна и длинна.

Нам было весело, пока
Хмелели мы втроем.

А захмелели — разошлись,
Кто как — своим путем.

И снова в жизни одному
Мне предстоит брести

До встречи — той, что между звезд,
У Млечного Пути.

С ВИНОМ В РУКЕ ВОПРОШАЮ ЛУНУ

С тех пор как явилась в небе луна —
Сколько прошло лет?

Отставив кубок, спрошу ее —
Может быть, даст ответ.

Никогда не взберешься ты на луну,
Что сияет во тьме ночной.

А луна — куда бы ты ни пошел —
Последует за тобой.

Как летящее зеркало, заблестит
У дворца Бессмертных она,

И сразу тогда исчезает мгла —
Туманная пелена.

Ты увидишь, как восходит луна
На закате, в вечерний час.

А придет рассвет — не заметишь ты,
Что уже ее свет погас.

Белый заяц на ней лекарство толчет.
И сменяет зиму весна.

И Чанъэ в одиночестве там живет —
И вечно так жить должна.

Мы не можем теперь увидеть, друзья,
Луну древнейших времен.

Но предкам нашим светила она,
Выплыв на небосклон.

Умирают в мире люди всегда —
Бессмертных нет среди нас.

Но люди всегда любовались луной,
Как я люблюсь сейчас.

Я хочу, чтобы в эти часы, когда
Я слагаю стихи за вином,—

Отражался сияющий свет луны
В золоченом кубке моем.

ПРОВОЖАЮ ДРУГА, ОТПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ В УЩЕЛЬЯ

Любуемся мы,
Как цветы озаряет рассвет,

И все же грустим:
Наступает разлука опять.

Здесь вместе с тобою
Немало мы прожили лет.

Но в разные стороны
Нам суждено уезжать.

Скитаясь в ущельях,
Услышишь ты крик обезьян,

Я стану в горах
Любоваться весенней луной.

Так выпьем по чарке —
Ты молод, мой друг, и не пьян:

Не зря я сравнил тебя
С вечнозеленой сосной.

ПРОВОЖАЮ ГОСТЯ, ВОЗВРАЩАЮЩЕГОСЯ В У

Тихий дождик окончился.
Выпито наше вино.

И под парусом лодка твоя
По реке полетела.

Много будет тебе на пути
Испытаний дано,

А вернешься домой —
Там слоняться ты станешь без дела.

Здесь, на острове нашем,
Уже расцветают цветы,

И плакучие ивы
Листву над рекою склонили.

Без тебя мне осталось
Сидеть одному у воды

На речном перекате,
Где вместе мы рыбу удили.

БЕСЕДКА ЛАОЛАО

Здесь душу ранит
Самое названье

И тем, кто провожает,
И гостям.

Но ветер,
Зная горечь расставанья,

Все не дает
Зазеленеть ветвям.

ПОСВЯЩАЮ МЭН ХАОЖАНЮ

Я учителя Мэн
Почитаю навек,

Будет жить его слава
Во веки веков.

С юных лет
Он карьеру презрел и отверг —

Среди сосен он спит
И среди облаков.

Он бывает
Божественно пьян под луной,

Не желая служить —
Заблудился в цветах.

Он — гора.
Мы склоняемся перед горой,

Перед ликом его —
Мы лишь пепел и прах.

**ШУТЯ ПРЕПОДНОШУ МОЕМУ ДРУГУ
ДУ ФУ**

На вершине горы,
Где зеленые высятся ели,

В знойный солнечный полдень
Случайно я встретил Ду Фу.

Разрешите спросить:
Почему вы, мой друг, похудели, —

Неужели так трудно
Слагать за строфою строфу?

**ПРОВОЖАЮ ДУ ФУ НА ВОСТОКЕ ОКРУГА
ЛУ У ГОРЫ ШЫМЭНЬ**

Мы перед разлукой
Хмельны уже несколько дней,

Не раз поднимались
По склонам до горных вершин.

Когда же мы встретимся
Снова, по воле своей,

И снова откупорим
Наш золоченый кувшин?

Осенние волны
Печальная гонит река,

Гора бирюзовую
Кажется издалека.

Нам в разные стороны
Велено ехать судьбой —

Последние кубки
Сейчас осушаем с тобой.

ПОСЫЛАЮ ДУ ФУ ИЗ ШАЦЮ

В конце концов, для чего
Я прибыл, мой друг, сюда?

В безделье слоняюсь здесь,
И некому мне помочь.

Без друга и без семьи
Скучаю, как никогда,

А сосны скрипят, скрипят
По-зимнему, день и ночь.

Луское пью вино,
Но пей его хоть весь день —

Не опьяняет оно:
Слабое, милый друг.

И сердце полно тоской.
И, словно река Вэнь,

Безудержно, день и ночь,
Стремится к тебе — на юг.

ОПЛАКИВАЮ СЛАВНОГО СЮАНЬЧЭНСКОГО ВИНОДЕЛА, СТАРИКА ЦЗИ

Ты, старый друг,
Ушел в загробный мир,

Где, верно,
Гонишь ты вино опять.

Там — нет Ли Бо,
И кто устроит пир?

Кому вино
Ты станешь продавать?

**ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ В ЛОЯНЕ
СЛЫШУ ФЛЕЙТУ**

Слышу: яшмовой флейты музыка,
Окруженная темнотой,

Пролетая, как ветры вешние,
Наполняет Лоян ночной.

Слышу «Сломанных ив» мелодию,
Светом полную и весной...

Как я чувствую в этой песенке
Нашу родину — сад родной!

В СЮАНЬЧЭНЕ ЛЮБУЮСЬ ЦВЕТАМИ

Как часто я слушал
Кукушек лесных кукованье,

Теперь — в Сюаньчэне —
Гляжу на «кукушкин цветок».

А вскрикнет кукушка —
И рвется душа от страданья,

Я трижды вздыхаю
И молча гляжу на восток.

**НА ЗАКАТЕ СОЛНЦА
ВСПОМИНАЮ ШАНЬЧЖУН**

Дождь кончился,
И в дымке голубой

Открылось небо
Дивной чистоты.

Восточный ветер
Обнялся с весной

И раскрывает
Юные цветы.

Но опадут цветы —
Уйдет весна,

И человек
Начнет вздыхать опять.

Хотел бы я
Все испытать сполна

И философский камень
Отыскать.

ВСПОМИНАЮ ГОРЫ ВОСТОКА

В горах Востока
Не был я давно,

Там розовых цветов
Полным-полно.

Луна вдали
Плывет над облаками,

А в чье она
Опустится окно?

С ОСЕННЕГО БЕРЕГА ПОСЫЛАЮ ЖЕНЕ

Нету отдыха мне
Никогда и нигде —

Путь все дальше ведет
От родимого края.

Перебрался я в лодку,
Живу на воде,

И расстроился снова,
Письмо посылая.

Не дано нам с тобою
Скитаться вдвоем,

Ты на севере,
Я — на томительном юге.

С той поры
Как семью я покинул и дом,

Что я знаю — три года —
О милой супруге?

Побледнело лицо,
На висках седина —

Как вернуть бы
Твою молодую улыбку?

Гость однажды приехал,
Хмельной от вина,

И в руках он держал
«Пятицветную рыбку».

Прочитал я
Парчовые знаки твои,

И казалось,
Что иероглифы рыдают,

Сотни рек, сотни гор
Преградили пути,

Но желанья и мысли
У нас совпадают.

**ПОДНЯВШИСЬ НА ФЕНИКСОВУЮ ТЕРРАСУ
У ЦЗИНЬЛИНА**

Когда-то бывали фениксы здесь,
Теперь — терраса пуста,

И только река, как прежде, течет,
Стремительна и чиста.

И возле дворца, что был знаменит,
Тропинка видна едва.

И там, где гремели всю ночь пиры,—
Курганы, цветы, трава.

И речной поток у подножья гор
Проносится, полный сил,

Здесь остров Белой Цапли его
Надвое разделил.

Я знаю, что солнце могут закрыть
Плывущие облака:

Давно уж Чанъани не вижу я —
И гложет меня тоска.

ПОСВЯЩАЮ СЫМА ПЭЮ

Цвет перьев зимородка —
Цвет наряда

Красавицы,
Что в зале танцевала.

Кого по красоте
Поставлю рядом?

Одну луну —
И не смущусь нимало.

За грацию,
За красоту такую

Ее все дамы
Дружно поносили —

И государь
Изгнал ее, тоскуя,

Он, клевете поверивший
В бессилье.

И вот красавица
Живет в унынье,

Совсем изнемогая
От печали.

К соседям
Не заглядывает ныне,

Сидит за прялкой
Целыми ночами.

Но пусть она
Работает напрасно

И не следит, как прежде,
За собою,—

И все-таки
Она еще прекрасна:

Таких немного встретишь
Под луною.

Вот так и я, мой государь,
В печали —

Боюсь:
Надежды сбудутся едва ли.

СРЕДИ ЧУЖИХ

Прекрасен крепкий аромат
Ланьлинского вина.

Им чаша яшмовая вновь,
Как янтарем, полна.

И если гостя напоит
Хозяин допьяна —

Не разберу: своя ли здесь,
Чужая ль сторона.

СУ У

Десять лет он у варваров
Прожил в жестоком плену,

Но сумел сохранить
Доверительный знак государев.

Белый гусь столько раз
Пролетал, возвещая весну,

Но письма не принес —
А скрывался, крылами ударив.

Пас овец он — Су У —
В чужедальнем и диком краю,

Там, в горах и степях,
Тосковал он о родине милой.

Ел он снег, проклиная
И голод и долю свою,

Пил он воду из ям,
Если летняя жажда томила.

А когда, получивший свободу,
Он тронулся в путь,

Обернулся на север —
И вспомнил снега и морозы,

Вспомнил нищенский пир,
Где склонился он другу на грудь

И заплакали оба —
И в кровь превращались слезы.

СОЛДАТЫ СРАЖАЮТСЯ К ЮГУ ОТ СТЕНЫ

Над полем боя
Солнца диск взошел,

Опять на смертный бой
Идут солдаты.

Здесь воздух
Неподвижен и тяжел,

И травы здесь
От крови лиловаты.

И птицы
Человечину клюют,

Так обжираются —
Взлететь не в силах.

Те, кто вчера
С врагами бились тут,

Сегодня под стеной
Лежат в могилах.

Но беззаветных воинов
Семья

Еще бесчисленна
В краю туманов...

...Далеких жен
Мужья и сыновья

Сражаются
Под грохот барабанов.

БОЙ ЮЖНЕЕ ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ

Мы не забыли
Прошлогодний бой,

Бой, отгремевший
За Саньган-рекой.

А ныне снова
В бой ушли полки,

Чтоб драться
В русле высохшей реки.

Уже бойцов
Омыл морской простор,

Пасутся кони
Средь Небесных гор,

Бойцы шагали
Десять тысяч ли

И все же — полумертвые —
Дошли.

Для гуннов бой —
Как пахарю пахать:

Белеют кости
На полях опять.

Давно ушли
Эпохи циньской дни,

А все горят
Сигнальные огни.

Всю ночь
Сигнальные огни горят,

И за отрядом
В бой идет отряд.

Но, как и раньше,
Кончен ратный труд,

И кони,
Сбросив мертвецов, бегут.

И коршуны
Пируют день и ночь —

Нет никого,
Чтобы прогнать их прочь.

Степные травы
Пыльные лежат.

А полководец —
Кто он, без солдат?

Лишь в крайности
Оружье надо брать,—

Так мудрецы
Нам говорят опять.

ДУМЫ О МУЖЕ, УШЕДШЕМ ВОЕВАТЬ ДАЛЕКО НА ГРАНИЦУ

Когда, господин мой,
Прощались мы в прошлом году —

То помнишь, как бабочки
В южном порхали саду...

А ныне гляжу,
Вспоминая тебя, господин,

На горы, на снег
Подпирающих небо вершин.

А до Юйгуани,
Наверно, три тысячи ли —

И как бы мне сделать,
Чтоб письма отсюда дошли?

ТОСКА О МУЖЕ

Уехал мой муж далеко, далеко
На белом своем коне,

И тучи песка обвевают его
В холодной чужой стране.

Как вынесу тяжкие времена?..
Мысли мои о нем,

Они все печальнее, все грустней
И горестней с каждым днем.

Летят осенние светлячки
У моего окна,

И терем от инея заблестел,
И тихо плывет луна.

Последние листья роняет утун —
Совсем обнажился сад.

И ветви под резким ветром в ночи
Качаются и трещат.

А я, одинокая, только о нем
Думаю ночи и дни.

И слезы льются из глаз моих —
Напрасно льются они.

ВЕСЕННИЕ ДУМЫ

У вас еще зеленеют едва
Побеги юной травы,

А у нас уже дополь ветви склонил,
Тяжелые от листвы.

Когда ты подумаешь, государь,
О дальнем ко мне пути,

У меня, наверное, в этот день
Разорвется сердце в груди.

Весенний ветер я не зову —
Он не знаком со мной,—

Зачем же в ночи проникает он
Под газовый полог мой?

ВЕТКА ИВЫ

Смотри, как ветви ивы
Гладят воду —

Они склоняются
Под ветерком.

Они свежи, как снег,
Среди природы

И, теплые,
Дрожат перед окном.

А там красавица
Сидит тоскливо,

Глядит на север,
На простор долин,

И вот —
Она срывает ветку ивы

И посылает — мысленно —
В Лунтин.

ОСЕННИЕ МЫСЛИ

С террасы нашей на Яньчжи
Гляжу сквозь желтый листопад:

Тебя увидеть я хочу —
Но зря глаза мои глядят.

Над морем тают облака —
Они к тебе не доплывут.

Уже и осень подошла,
А мне — одной томиться тут.

Отряды варваров степных
Опять готовятся в поход,—

Ни с чем вернулся наш посол
К заставе Яшмовых ворот.

Ужели ханьские бойцы
Не возвратятся на восток?

Ужели надо мне жалеть
О том, что сорван был цветок?

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРИ СЕВЕРНОМ ВЕТРЕ

За Воротами Холода
Властвует грозный дракон;

Свечи — вместо зубов,
Пасть откроет — и светится он.

Ни луны и ни солнца
Туда не доходят лучи,

Только северный ветер
Свистит, свирепея, в ночи.

Только снежная вьюга
Бушует недели подряд,

И громадные хлопья
На древнюю башню летят.

Я тоскую о муже,
Воюющем в диком краю,—

Не смеюсь я, как прежде,
И песен теперь не пою.

Мне осталось стоять у калитки
И думать одной:

Жив ли мой господин
Далеко — за Великой стеной?

Взял он меч, чтоб дракона
Сразить — и рассеять туман.

Мне оставил на память
Обтянутый кожей колчан.

Две стрелы с опереньем
Оставил он мне заодно,

Но они паутиной и пылью
Покрылись давно.

Для чего эти стрелы,
Колчан, что висит на стене,

Если ты, господин,
Никогда не вернешься ко мне?

Не могу я смотреть
На подарок, врученный тобой.

Я сожгла твой подарок,
И пеплом он стал и золой.

Можно Желтую реку
Смирить, укрепив берега,

Но труднее брести
Сквозь туманы, пургу и снега.

ОСЕННИЕ ЧУВСТВА

Сколько дней мы в разлуке,
Мой друг дорогой,—

Дикий рис уже вырос
У наших ворот.

И цикада
Смирилась с осенней порой,

Но от холода плачет
Всю ночь напролет.

Огоньки светляков
Потушила роса,

В белом инее
Ветви ползучие лоз.

Вот и я
Рукавом закрываю глаза,

Плачу, друг дорогой,
И не выплачу слез.

ПЕСНЯ ОБИЖЕННОЙ КРАСАВИЦЫ

Узнав о том, что одна из наложниц императора в Чанъани была отпущена из дворца и выдана замуж за простого человека, один мой друг просил меня написать от лица этой женщины «Песню обиженной красавицы».

Когда я входила в ханьский дворец,
Мне было пятнадцать лет —

И молодое мое лицо
Сияло, как маков цвет.

И восхищался мной государь —
Яшмовой красотой,

Когда я прислуживала ему
За ширмою золотой.

Когда я сбрасывала в ночи
Пену одежд своих —

То обнимал меня государь,
Словно весенний вихрь.

И разве могла я думать тогда
О женщине Чжао Фэйянь?

Но ненависть вместо любви пришла
И ласку сменила брань.

И стала так глубока печаль,
Так горести велики,

Что, словно в заморозки траву,
Иней покрыл виски.

И ясное утро такое пришло,
Когда опустилась мгла,—

И стали немислимо тяжелы
Мирские мои дела.

И драгоценную шубу свою
Обменяла я на вино,

И с одежды спорола драконов я,
И было мне все равно.

О душевном холоде и тоске
Говорить невозможно мне —

Для тебя, государь, я лютню беру
И пою в ночной тишине.

Но разрывается грудь моя,
За струною рвется струна.

И душа болит, и сердце болит —
В смятенье живу одна.

ТОСКА У ЯШМОВЫХ СТУПЕНЕЙ

Ступени из яшмы
Давно от росы холодны.

Как влажен чулок мой!
Как осени ночи длинны!

Вернувшись домой,
Опускаю я полог хрустальный

И вижу — сквозь полог —
Сияние бледной луны.

ГОРЕЧЬ

Цветку подобна новая жена,
Хотя бы и достойная любви.

Я — старая — на яшму похожу
И не скрываю помыслы свои.

Цветок непостоянен. Непрочна
Его любви блистающая нить.

Но яшмовое сердце никогда
Не сможет разлюбить иль изменить.

И я была когда-то молода,
Но, постаревшая, живу одна.

А ты увидишь: время пролетит —
И станет старой новая жена.

Не забывай же о царице Чэнь,
Той, что была любимой женой,—

Ее покои в Золотом дворце
Покрыты паутиною седой.

ПЕЧАЛЬ

За яшмовою шторою
Одна

Красавица
Томится у окна.

Я вижу влажный блеск
В очах печальных —

Кто ведает,
О ком грустит она?

ЧАНГАНЬСКИЕ МОТИВЫ

I

Еще не носила прически я —
Играла я у ворот.

И рвала цветы у себя в саду,
Смотрела, как сад цветет.

На палочке мой муженек верхом
Скакал, не жалея сил,—

Он в гости ко мне приезжал тогда
И сливы мне приносил.

Мы были детьми в деревне Чангань,
Не знающими труда,

И, вместе играя по целым дням,
Не ссорились никогда.

II

Он стал моим мужем,— а было мне
Четырнадцать лет тогда,—

И я отворачивала лицо,
Пылавшее от стыда.

Я отворачивала лицо,
Пряча его во тьму,

Тысячу раз он звал меня,
Но я не пришла к нему.

Я расправила брови в пятнадцать лет,
Забыла про детский страх,

Впервые подумав: хочу делить
С тобой и пепел и прах.

Да буду я вечно хранить завет
«Обнимающего устой»,

И да не допустит меня судьба
На башне стоять одной!

Шестнадцать лет мне теперь — и ты
Уехал на долгий срок,

Далеко, туда, где в ущелье Цюйтан
Кипит между скал поток.

Тебе не подняться вверх по Янцзы
Даже к пятой луне.

И только тоскливый вой обезьян
Слышишь ты в тишине.

III

У нашего дома твоих следов
Давно уже не видать,

Они зеленым мхом поросли —
Появятся ли опять?

Густо разросся зеленый мох
И след закрывает твой.

Осенний ветер весь день в саду
Опавшей шуршит листвой.

Восьмая луна — тускнеет все,
Даже бабочек нет.

Вот они парочками летят,
И я им гляжу вослед.

Осенние бабочки! Так и я
Горюю перед зимой

О том, что стареет мое лицо
И блекнет румянец мой.

IV

Но, рано ли, поздно ли, наконец
Вернешься ты из Саньба.

Пошли мне известье, что едешь ты,
Что смилостивилась судьба.

Пошли — и я выйду тебя встречать,
Благословив небеса,

Хоть тысячу ли я пройду пешком,
До самого Чанфынса.

ДЕВУШКА ИЗ СЫЧУАНИ

Быстрее реки этой
Люди еще не нашли:

По ней не плывут,
А летят, как стрела, корабли.

К десятой луне
Проплывет он три тысячи ли —

И скоро ль вернется
К просторам родимой земли?

СТИХИ О БОЛЬШОЙ ПЛОТИНЕ

Плотина
Возле города Санъяна —

Там светлая
Проносится река.

Весна. А все ж
Глаза мои туманны,

Когда гляжу
На юг, на облака.

И ветер
Оказался бессердечным:

Рассеял
Все мечты мои и сны.

И нет того,
Кого люблю навечно,

И писем нет
Из дальней стороны.

НОЧНОЙ КРИК ВОРОНА

Опять прокаркал
Черный ворон тут —

В ветвях он хочет
Отыскать приют.

Вдова склонилась
Над станком своим —

Там синий шелк
Струится, словно дым.

Она вздыхает
И глядит во тьму:

Опять одной
Ей ночевать в дому.

ВОСПЕВАЮ ГРАНАТОВОЕ ДЕРЕВО, РАСТУЩЕЕ ПОД ВОСТОЧНЫМ ОКНОМ МОЕЙ СОСЕДКИ

У соседки моей
Под восточным окном

Разгорелись гранаты
В луче золотом.

Пусть коралл отразится
В зеленой воде —

Но ему не сравниться с гранатом
Нигде.

Столь душистых ветвей
Не отыщешь вовек —

К ним прелестные птицы
Летят на ночлег.

Как хотел бы я стать
Хоть одной из ветвей,

Чтоб касаться одежды
Соседки моей!

Пусть я знаю,
Что нет мне надежды теперь,—

Но я все же гляжу
На закрытую дверь.

ГАО ШИ

(702—765)

ПРОВОЖАЮ МЛАДШЕГО ПРЕФЕКТА ЛИ, ССЫЛАЕМОГО В УТЕСЫ СЯ, И ВАНА, МЛАДШЕГО ПРЕФЕКТА, ССЫЛАЕМОГО В ЧАНШИ

Увы, государь мой, при этом прощанье,
что у меня на душе?
С коня я слезаю и с чаркой у губ
спрошу, где ты будешь в изгнанье?
В узких утесах кричит обезьяна...
Слезы рядами в глазах;
там на Хэньяне возвратные гуси
сколько несут мне писем?
Река там есть Клена Зеленого,
небо в осенних далях над ней,
а там, у стены Белоцарского города,
редет уж древний лес.
Династия Мудрая ныне как раз
даст много рос и дождя,
и мы кратковременно руки разнимем лишь...
Нечего в горе топтаться!

НОЧЬЮ ПРОЩАЮСЬ СО СТОЛОНАЧАЛЬНИКОМ ВЪЕМ

В высоком подворье расставлены лампы и чисто, к тому же вино.
И колокол ночью... Луна на ущербе... Крик диких обратных гусей...
Сказано только, что птица поющая может искать себе пару.
Ветер весны — и что с ним поделаться? — хочет тебя проводить.
В этих извивах Желтой реки песок берега образует;
Там рядом с бродом Белых Коней есть город Ивовых Стран.
Ты не горюй, что в чужой стороне временно будешь в разлуке;
Знаю наверно я: где бы ни был, будет тебе привет.

ЯНЬСКИЙ НАПЕВ

В 26-й год Кайюань у меня гостил человек, вернувшийся из похода за пограничные укрепления, куда он сопровождал императорского цензора гуна Чжана. Он написал «Яньский напев», который показал мне, Ши. Взволнованный делами пограничного похода, я вторил ему этими стихами.

Огонь и дым объяли Хань
на северо-востоке,
Из дома ханьский генерал
идет в поход далекий.
Должны мужчины быть в боях
упорны и тверды,
Таких оценит государь
и наградит высоко.
Гром барабана в Юйгуань,
металла слышен звон,
И вьются меж теснин Цзеши
полотнища знамен.
Письмо полковника с пером
летит через Ханьхай:
Шаньюй охотится в горах,
его костер зажжен.
Все было тихо у границ
на реках и горах,

Как буря, все смешал набег
ватаги на конях.
Бойцы в отряде головном
в опасности смертельной,—
Но всё танцуют и поют
красавицы в шатрах.
Трава желтеет у границ,
в степях проходит осень.
В войсках у осажденных стен
ряды редуют к ночи.
Награды жаждет генерал
за этот бой с врагом.
Пусть сил уж нет,— но он в горах
осады снять не хочет.
В походе дальнем жизнь горька,
доспехи тяжелы,
В разлуке слезы у солдат
из глаз бегут рекой.
На юг от города — жена,
гнетет ее тоска:
На север Цзи ушел супруг,
покинув дом родной.
Кружатся вихри у границ,—
кто стерпит их порыв?
Пустой простор в чужом краю,—
где есть еще такой?
Клубятся тучи целый день,
злой ветер тело жжет,
И слышится холодный звук
котлов в тиши ночной.
Мечи сверкают с двух сторон,
смешавшись, кровь течет.
А в смертный час кому нужны
награды и почет!
И если вы с таким трудом
пустыню всю прошли,
Зачем донине вспоминать
о полководце Ли?

ПРОВОЖАЮ ДУНА СТАРШЕГО

Желтые тучи на десять ли,
в сумерках белый день.

Северный ветер гонит гусей,
сыплется, вьется снег.

Ты не печалься, что в дальний путь
не едет с тобою друг:

Есть ли под нашим небом такой,
кто бы не знал тебя!

НАПИСАЛ В КАНУН НОВОГО ГОДА

Гостиница. Холодно. Перед свечой
сажу один и не сплю.

Но в сердце у странника отчего
так невыносима боль?

О родине мне сегодня всю ночь
грустить от дома вдали:

Вискам, что под инеем, завтра к утру
еще один минет год!

ИНЧЖОУСКАЯ ПЕСНЯ

Юношей инских в этих краях
пленяет степная ширь.

В лисьих мохнатых шубах они
охотятся под Стеной...

Тысяча чжунов их луских вин
людей не сбивают с ног.

Местные отроки в десять лет
умело ездят верхом!

ЧАН ЦЗЯНЬ

(708—765)

ЗАПАДНЫЕ ГОРЫ

Как лодка малая, стал я легок
Вечером наедине с природой!..
Паруса тень все бежит — я вижу,
Вижу могущество вечного неба...
За горы Запада ушло солнце,
Но все так ясно, и свет прекрасен!
Лес и холмы он одел,— и только
Путь величавой воды темнеет...
Вот уж в тени острова и мели,
Но облака над водой сияют,
Вот потемнел уже лес, и землю
Сумеречные тона одели...
Нет, не видать вдалеке Циньмыня!
К вечеру сильно похолодало.
Подул свистящий северный ветер,
Гуси и цапли готовы к ночи,—
В гнездах среди камышей пригрелись.
Полный всплывет из бухты месяц...
Если ударить по струнам лютни —
Эхо далеко погонит звуки!
Все холоднее, ночь наступила.
От светлой росы рукава намокли.

**НАПИСАНО В МОНАСТЫРЕ ЗА ХРАМОМ
ПОШАНЬСЫ**

Чистое утро.

Вступаю в старинный храм.
Взошедшее солнце
осветило лес в вышине.

Тропинкой в бамбуке
Прохожу среди тайных мест.
Келья монаха
скрывается меж цветов.

В отсветах горных
веселье для вольных птиц.
В воде отраженья
очищают сердце людей.

Все тысячи звуков
утихли,— их больше нет,—
Слышится только,
как в колокол бьют и в цин!

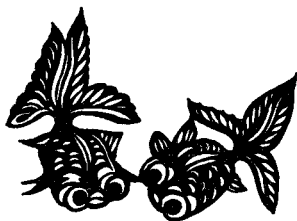
ЧЖАН СЮНЬ

(709—757)

СЛЫШИТСЯ ФЛЕЙТА

Выглянув с башенной вышки, вижу:
Конница варваров у самых стен.
Столько их, сколько пылинок в вихре!
Насмерть стою,— но решит судьба.
Вот озаряет луна их лагерь...
Дума о тяготах вечной войны...
Утром и вечером я на вышке...
Вражеской флейты впиваю печаль!

ЛЮ ЧАНЦИН

(709—780)

СНОВА ПРОВОЖАЮ ПЭЯ ИЗ ШТАТА МИНИСТРА, ССЫЛАЕМОГО В ОБЛАСТЬ ЦЗИЧЖОУ

Вой обезьяны... Гости ушли... Вечер сейчас над цзяном.
Люди, конечно, ранены в сердце; воды, конечно, текут.
Вместе мы оба чиновники в ссылке, — вы еще дальше,
чем я.
Синие горы на тысячи верст, и одна лишь лодка-сиротка.

В СНЕГ НОЧЮ У ХОЗЯИНА ДОМА НА ГОРЕ ФУЖУНШАНЬ

День вечереет.
Синие горы вдали.

Пасмурно небо.
Беден невзрачный дом...

Ночью в воротах
слышу — собачий лай...

Ветер со снегом.
Вернувшийся человек!

**РАДУЮСЬ ПРИХОДУ САНОВНИКА-ШИЮЯ ХУАНФУ
В МОЙ ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ У БИЦЗЯНЬ —
ЛАЗЕРЕВОГО РУЧЬЯ**

Глухая деревня
в лучах закатного солнца.
Опавшие листья,
кружась, ложатся на землю.

На древней дороге
нигде не заметен путник.
На склоне холодном
тебя одного и вижу.

Мост перед деревней
дождями полузатоплен.
Ручей из ущелья
по ближним полям разлился...

Когда б мы не знали
взаимного сострадания,
В ком силы нашлись бы
до белых туч подниматься!

**ПРОВОЖАЮ СУДЬЮ ЛИ
В ЖУНЬЧЖОУСКИЙ ПОХОДНЫЙ
ЛАГЕРЬ**

От мирного дома за тысячи ли
барабаны тебя зовут

К Цзиньлинской почтовой дороге вдаль
и на запад от Чуских туч...

Весна на реке не позволит себе
задержать человека в пути,

И цветом трава зелена-зелена,
провожает копыта коня!

**К СЕВЕРУ ОТ МУЛИНСКОЙ ЗАСТАВЫ
ВСТРЕТИЛ ЧЕЛОВЕКА, ВОЗВРАЩАВШЕГОСЯ
В ЮЙЯН**

Я встретил тебя
на Мулинской горной дороге
Верхом на коне,
направляющимся к Сангани...

Здесь, в Чуском краю,
как и прежде, синие горы.
В Ючжоу тебя
не согреть и белому солнцу:

В разбитых домах
после сотни боев жестоких
Хозяев белых
так ли много в живых осталось?

Повсюду вокруг
завладели землю травы.
Пришедший домой,
видя их, утирает слезы!

ДУ ФУ

(712—770)

ПИШУ НАД ЖИЛИЩЕМ-СКИТОМ ГОСПОДИНА ЧЖАНА

В весенних горах мне спутника нет, один я тебя ищу.
Там дерево рубят: стук-стук да стук-стук, а горы еще
безлюдней.
Ложь потока все еще в стуже, иду по снегу и льду.
От каменных входов наклонное солнце доходит до леса
и взгорья.
Здесь жадничать нечего: ночью познаешь дух золота
и серебра;
Далеко от зла: здесь утром смотри лишь, как бродят олени
и лани.
Подъем вдохновенья, — и в мрачной дали там сомненья:
служить или нет;
Сижу пред тобою, и кажется мне, что я плаваю в лодке
пустой.

УСЕЧЕННЫЕ СТРОФЫ

Река бирюзова, и птица стала белее;
Гора зеленеет, цветам захотелось гореть.
Я нынче весну смотрю, а она ведь проходит!
В какой же мне день настанет пора домой?

Обман в словах
о радостях весенних:

Свирепый ветер
все в безумстве рвет.

Сдув лепестки,
погнав их по теченью,

Он опрокинул
лодку рыбака.

ВЗИРАЯ НА СВЯЩЕННУЮ ВЕРШИНУ

Великая горная цепь —
К острию острие!

От Ци и до Лу
Зеленеет Тайшань на просторе.

Как будто природа
Собрала искусство свое,

Чтоб север и юг
Разделить здесь на сумрак и зори.

Родившись на склонах,
Плывут облака без труда,

Завидую птицам
И в трепете дивном немею.

Но я на вершину взойду
И увижу тогда,

Как горы другие
Малы по сравнению с нею.

КАРТИНА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ СОКОЛА

С белого шелка
Вздывается ветер и холод —

Так этот сокол
Искусной рукой нарисован.

Смотрит, насупившись,
Словно дикарь невеселый,

Плечи приподнял —
За птицей рвануться готов он.

Кажется, крикнешь,
Чтоб он полетел за добычей,

И отзовется
Тотчас же душа боевая.

Скоро ль он бросится
В битву на полчище птичье,

Кровью и перьями
Ровную степь покрывая?

ВЕСЕННИМ ДНЕМ ВСПОМИНАЮ ЛИ БО

О Ли Бо!
Совершенство твоих стихов

И свободную
Мысль твою

Я по стилю
С Юй Синем сравнить готов,

С Бао Чжао
Тебя сравню.

Я в столице гляжу,
Как цветет весна,

Ты на Юге,
Тоской томим.

Но когда ж мы опять
За кубком вина

О поэзии
Поговорим?

ВОСЕМЬ БЕССМЕРТНЫХ ЗА ВИНОМ

(Отрывок)

У поэта Ли Бо на доу вина —
Сто превосходных стихов.

В Чанъани на рынках знают его
Владельцы всех кабаков.

Сын Неба его пригласил к себе —
Он на ноги встать не смог.

«Бессмертным пьяницею» Ли Бо
Зовут на веки веков.

**СТИХИ В ПЯТЬСОТ СЛОВ О ТОМ,
ЧТО У МЕНЯ БЫЛО НА ДУШЕ,
КОГДА Я ИЗ СТОЛИЦЫ НАПРАВЛЯЛСЯ
В ФЭНСЯН**

В Дулине
Человек в пеньковом платье

Хоть постарел,
А недалек умом:

Как мог такую глупость
Совершать я,

Чтоб с Цзи и Се
Равнять себя тайком?

А просто
Во дворце я непригоден.

И надо мне
Безропотно уйти.

Умру — поймут,
Что о простом народе

Всегда я думал,
До конца пути.

И сердца жар,
Бредя тропой земною,

Я отдавал народу
Всей душой.

Пусть господа
Смеются надо мною,

Но в громких песнях
Слышен голос мой.

Не то чтоб не хотел
Уйти от шума

И жить, не зная
Горя и тревог,—

Но с государем,
Что подобен Шуню,

Расстаться добровольно
Я не мог.

Не смею утверждать,
Что ныне нету

Людей, способных
Управлять страной,

Но, как подсолнечник
Стремится к свету,

Так я стремился
Верным быть слугой.

Я думаю
О стае муравьиной,

Что прячется
В тиши спокойных нор.

А я хотел,
Как истинный мужчина,

На океанский
Вырваться простор.

Для этого
И жить на свете стоит,

А не искать вниманья
У вельмож.

Пусть пыль забвения
Меня покроет.

Но на льстецов
Не буду я похож.

Сюй Ю и Чао Фу
Не так страдали,

Стыжусь —
А измениться не могу.

Вином пытаюсь
Разогнать печали

И песнями —
Гнетущую тоску.

Теперь зима,
И листья облетели,

От ветра
Треснут, кажется, холмы.

Ночные небеса
Грозят метелью.

И я бреду
Среди угрюмой тьмы.

Окоченели пальцы —
Силы нету,

А пояс развязался,
Как на грех.

Но до Лишани
Доберусь к рассвету,

Где государь
Пирует без помех.

Колышутся знамена,
Как в столице,

В дозоре гвардия —
На склонах гор.

Над Яочи
Горячий пар клубится,

И блеск оружия
Ослепляет взор.

Здесь государь
Проводит дни с гостями,

Я слышу —
Музыка звучит опять.

Те, кто в халатах
С длинными кистями,

Купаться могут здесь
И пировать.

Но шелк, сияющий
В дворцовом зале —

Плод женского
Бессонного труда.

Потом мужчин
Кнутами избивали —

И подати
Доставили сюда.

И если
Государь наш горделивый,

Тот дивный шелк
Сановникам даря,

Хотел, чтоб власти
Были справедливы —

То не бросал ли он
Подарки зря?

Да, здесь чиновников
Полно повсюду,

А патриотам —
Не открыть сердца.

К тому ж, я слышал,
Золотые блюда

Увезены
Из алого дворца.

И три небесных феи
В тронном зале,

Окутав плечи
Нежной кисеей,

Под звуки флейт,
Исполненных печали,

С гостями веселятся
День-деньской.

И супом
Из верблюжьего копыта

Здесь потчуют
Сановных стариков,

Вина и мяса
Слышен запах сытый,

А на дороге —
Кости мертвецов.

От роскоши
До горя и бесправья —

Лишь шаг,
И нет упрека тяжелей.

Я колесницу
К северу направил,

Чтобы добраться
К рекам Цин и Вэй.

Тяжелый лед
На реках громоздится

Везде,
Куда ни взглянешь на пути.

Уж не с горы ль Кунтун
Он вдаль стремится,

Как бы грозя
Небесный Столб снести?

Плавучий мост
Еще не сломан, к счастью,

Лишь балки
Неуверенно скрипят,

И путники
Сквозь ветер и ненастье

Скорее перейти его
Спешат.

Моей семьи
Давно уж нет со мною,

И снег, и ветер
Разделили нас,

Я должен снова
Встретиться с семьёю,

И вот ее
Увижу я сейчас.

Вхожу во двор —
Там стоны и рыдания:

От голода
Погиб сынишка мой.

И мне ль — отцу —
Скрывать свое страданье,

Когда соседи
Плачут за стеной?

И мне ль — отцу —
Не зарыдать от боли,

Что голод
Сына моего убил,

Когда все злаки
Созревали в поле,

А этот дом
Пустым и нищим был?

Всю жизнь
Я был свободен от налогов,

Меня не слали
В воинский поход.

И если так горька
Моя дорога,

То как же бедствовал
Простой народ?

Когда о нем
Помыслию поневоле

И о солдатах,
Павших на войне,—

Предела нет
Моей жестокой боли,

Ее вовеки
Не измерить мне!

ЛУННАЯ НОЧЬ

Сегодняшней ночью
В Фучжоу сияет луна.

Там в спальне печальной
Любуется ею жена.

По маленьким детям
Меня охватила тоска —

Они о Чанъани
И думать не могут пока.

Легка, словно облако
Ночью, прическа жены,

И руки, как яшма,
Застыли в сиянье луны.

Когда же к окну
Подойдем мы в полуночный час

И в лунном сиянии
Высохнут слезы у нас?

ВЕСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Страна распадается с каждым днем.
Но природа — она жива:

И горы стоят, и реки текут,
И буйно растет трава.

Трагедией родины удручен,
Я слезы лью на цветы.

И вздрогнет душа — если птица вдруг
Крикнет из темноты.

Три месяца кряду горят в ночи
Сигнальных костров огни.

Я дал бы десять тысяч монет
За весточку от семьи.

Хочу надеть головной убор,
Но так ослабела плоть

И волосы так поредели мои,
Что шпилькой не заколоть.

ДЕРЕВНЯ ЦЯНЦУНЬ

I

Закат
В своем сиянье золотом

Поток лучей
Бросает на равнину.

Когда я гостем
Возвращаюсь в дом,

Меня встречает
Гомон воробьиный.

И домочадцы
Так изумлены,

Что я для них
Как бы окутан дымом:

Из бурь
Гражданской смуты и войны

Случайно я
Вернулся невредимым.

Соседи за стеной,
Сойдясь в кружок,

Не устают
Судачить и толпиться.

Густеет мрак.
Но я свечу зажег,

Чтобы всю ночь
Родные видеть лица.

II

Когда — старик —
Домой вернулся я,

То не забыл
Вчерашнюю тревогу.

Сынишка
Не отходит от меня,

Бойтся:
Снова я уйду в дорогу.

Я помню —
Год всего тому назад.

Бродя в жару,
Мы с ним искали тени.

А ныне —
Ветры зимние свистят.

О чем ни думаешь —
Душа в смятенье.

Но если урожай
Хороший снят —

Под прессом
Влага побежит живая,

И, значит, в доме
Хватит урожая,

Чтобы вином
Украстить мой закат.

III

Куры
Подняли бесстыдный гам,

Петухам
Повоевать охота.

Только
Разогнав их по местам,

Я услышал
Стук в мои ворота.

Пять почтенных стариков
Пришли,

Пожелали
Странника проведать.

Чайники с собою
Принесли —

Просят
Их изделие отведать.

Извиняются
За вкус вина —

Некому теперь
Работать в поле,

Все еще
Не кончилась война —

И подарок
Скромненький поневоле.

«Разрешите мне
Из слабых сил

Спеть в ответ
На то, что вы сказали».

Спел я песню,
Спел и загрустил.

Поглядел —
И все полны печали.

В ОДИНОЧЕСТВЕ

В синем небе кружит
Одинокая хищная птица,

А под нею — две чайки
Плывут по реке не спеша.

Хищник может легко
За добычею вниз устремиться,

Но не знает тревоги
Беспечная чаек душа.

Надвигается вечер,
Росой покрывается поле,

А паук на ветвях
Паутину плетет и плетет.

И законы природы
Близки человеческой доле —

Одинокó стою
Среди тысячи дел и забот.

ПОСВЯЩАЮ ГАО ШИЯНЮ

Ты помнишь, как мы
Расставались с тобою?

Теперь постарели мы,
Друг дорогой.

Блестящей карьерой
И легкой судьбою

Не может похвастать
Ни тот, ни другой.

Друзей потеряв,
О стихах я не спорю,

Давно перестал
Навещать кабаки.

Но, встретив тебя,
Забываю о горе —

И кажется:
Дни вдохновенья близки.

ПОСВЯЩАЮ ВЭЙ БА, ЖИВУЩЕМУ НА ПОКОЕ

В жизни нашей
Редки были встречи,

Мы как Шан и Шэнь
В кругу созвездий.

Но сегодняшней
Прекрасен вечер —

При свече сидим
С тобою вместе.

Молодость ушла
Бродить по свету,

Головы у нас
Седыми стали.

Спросишь о друзьях —
Иных уж нету —

И душа
Сгорает от печали.

Нужно было
Два десятилетия,

Чтоб я вновь вошел
В твои покои.

У тебя, гляжу,
Жена и дети.

И детей —
Не двое и не трое.

С уважением
Меня встречая,

О дороге
Спрашивают длинной.

Но, вопросы эти
Прерывая,

За вином
Ты посылаешь сына.

И велишь
Пырей нарезать свежий,

Рис варить,
С пшеном его мешая,

И за то,
Чтоб быть в разлуке реже,

Пьем,
За чаркой чарку осушая.

Десять чарок выпил —
Не хмелею,

Но я тронут
Дружбой неизменной...

Завтра ж нас разделят,
К сожаленью,

Горных кряжей
Каменные стены.

ЧИНОВНИК В СИНЬАНИ

Я брел по Синьани...
В деревне по крикам и шуму

Я понял: конечно,
Крестьян забирают в солдаты.

Спросил у чиновника —
Он мне ответил угрюмо,

Что взрослых мужчин
Уже нету, как было когда-то.

Однако из области
Прибыл приказ на рассвете,

Чтоб юношей здешних
Послать на защиту столицы.

Гляжу на юнцов —
Они выглядят просто как дети

И разве сумеют
С врагами жестокими биться?

Печальные матери,
Плача, детей провожают,

А бедные сироты —
Те побрели одиноко.

В горах еще слышно,
Как женщины скорбно рыдают,

И мутные реки
Текут по равнине к востоку.

Я женщин пытаюсь утешить
И так говорю им:

«Сдержите рыдания,
Не надо терзаться напрасно.

Вы только исчахнете,
Целыми днями горя,

А небо не сжалится,
Небо — оно безучастно.

Пытались войска наши
Взять укрепленья Ечэна,

И денно и ночью
Они воевали с врагами.

Но силы мятежников
Стали расти постепенно,

И мы отступили,
Как это вы знаете сами.

Войска Го Цзыи
Возвратились к своим поселеньям,

Их сам генерал
Обучает теперь у Лояна.

И ваших детей
Не отправят на штурм укреплений,

И только работать
Придется им там постоянно.

И армия наша
К тому ж справедливее стала,

И там, как я слышал,
Неплохо живется солдатам.

Не плачьте о детях —
Они попадут к генералу,

Которого войско
Отцом называет и братом».

ЧИНОВНИК В ШИХАО

В деревне Шихао
Я в сумерках остановился,

Чиновник орал там,
Крестьян забиравший в солдаты.

Хозяин — старик —
Перелез за ограду и скрылся,

Седая хозяйка
На улицу вышла из хаты.

О чем раскричался
Чиновник в деревне унылой,

Ругая старуху,
Что горькими плачет слезами?

Чиновнику долго —
Я слышал — она говорила:

«Три сына моих
У Ечэна сражались с врагами.

Один написал нам
В письме из далекого края,

Что двое погибли
В жестоких боях на границе.

Он жив еще, третий.
Но это недолго, я знаю,

С тремя сыновьями
Мне надо навеки проститься.

Нет больше мужчин здесь,
Все в доме пошло по-иному,

Мой внук еще мал —
Материнскую кормится грудью.

А матери юной
Нельзя даже выйти из дому —

Все платье в лохмотьях —
И стыдно, чтоб видели люди.

Слаба моя старость,
Но я потружуся с охотой,

Прошу, господин,
Не считайтесь, пожалуйста, с нею:

И если меня вы
Возьмете в Хэян на работу,

То утренний завтрак
Я там приготовить успею».

Глубокою ночью
Затихли стенания эти,

Потом я сквозь сон
Заглушенное слышал рыданье.

Когда же в дорогу
Отправился я на рассвете —

Один лишь старик
Пожелал мне добра на прощанье.

ПРОЩАНЬЕ СТАРИКА

Все еще мира
Нет на белом свете,

Я стар и слаб,
Но нет и мне покою.

Погибли внуки,
И погибли дети,

Зачем же я
Помилован судьбою?

Иду из дома,
Бросив посох грубый,

Пусть спутников
Ничто не беспокоит —

Мне повезло,
Что сохранились зубы,

И только
Кости старческие ноют.

Начальника,
Как это подобает,

Приветствую,
Чтоб было все в порядке.

Жена-старуха
На ветру рыдает,

Ей холодно,
А платье без подкладки.

Не навсегда ли
Наше расставанье?

Но за нее
Душа моя в тревоге.

И, уходя,
Я слышу причитанья

О том, чтоб я
Берег себя в дороге.

Крепки в Чанъани
Крепостные стены,

Защищены
Речные переправы.

Теперь не то,
Что было под Ечэном,

Где погибали воины
Без славы.

Бывают в жизни
Встречи и разлуки,

Но самому для них
Как выбрать время?

Я вспоминаю юность
На досуге

И тягостно
Вздыхаю перед всеми.

По всей стране —
В тревоге гарнизоны.

В огнях сигнальных —
Горные вершины.

А трупы свалены
В траве зеленой,

И кровь солдат
Окрасила долины.

Теперь не сыщешь
Радости в Китае, —

Так неужели ж
Уклонюсь от долга?

Убогую лачугу
Покидая,

В тоске и горе
Ухожу надолго.

ПРОЩАНИЕ БЕЗДОМНОГО

Как пусто все
На родине моей:

Поля у хижин —
В зарослях полыни.

В деревне нашей
Было сто семей.

А ныне нет их
Даже и в помине.

От тех, кто живы,
Не слышать вестей,

Погибшие —
Гниют на поле боя.

А я
Из пограничных областей

Сюда вернулся
Старую тропюю.

По улице
Иду я в тишине,

Скупое солнце
Еле золотится.

И попадаются
Навстречу мне

Лишь барсуки
Да тощие лисицы.

В деревне нету
Никого нигде,

Одна вдова
Живет в лачуге нищей.

Но если птица
Помнит о гнезде,

То мне ль не помнить
О своем жилище?

С мотыгой на плече
Весенним днем

Пошел я
В поле наше за рекою.

Но разузнал чиновник
Обо всем —

И снова барабан
Не даст покоя.

Но хоть служу я
Там, где отчий край,

Кому на помощь
Протяну я руки?

Теперь —
Куда угодно посылай:

Мне не придется
Думать о разлуке.

Нет у меня
Ни дома, ни семьи,

Готов служить и там,
Где мы служили.

Лишь мать печалит
Помыслы мои —

Пять лет она
Лежит в сырой могиле.

При жизни
Я не мог ей помогать:

Мы вместе плакали
О нашей жизни.

А тот, кто потерял
Семью и мать,—

Что думает
О матери-отчизне?

ПРОЩАНИЕ НОВОБРАЧНОЙ

У повилики
Усики весною

Совсем слабы.
Так вышло и со мною:

Когда в деревне
Женится солдат,

То радоваться рано,
Говорят.

Еще мое
Девическое тело

Согреть твою циновку
Не успело:

Мы поженились вечером —
И вот

Рассвет нас
За разлукой застает.

Меня ты покидаешь
Утром рано,

Чтоб защищать
Границу у Хэяна.

А я — жена твоя
Иль не жена —

С каким лицом
Остаться тут должна?

Когда отец и мать
Меня растили,

Они — я помню —
Часто говорили:

«Твой муж —
Он добрый будет человек,

И с ним
Ты не расстанешься навек».

А ныне ты
Идешь на поле боя,

Душа болит,
И сердцу нет покоя.

Хоть я немедленно —
Клянусь судьбой —

На жизнь и смерть
Пошла бы за тобой.

Но ты забудь,
Что дни разлуки долги,—

Ты помни
Только о военном долге:

Будь с вами жены
На такой войне —

Солдатам было б
Тяжелей вдвойне.

Мы бедняки.
Как я старалась долго

Одежды сшить
Из дорогого шелка!

Но я не наряжусь в них
Поутру,

И пудру и румяна
Я сотру.

Взгляни:
Летают парочками птицы —

Им хорошо,
Им можно веселиться.

А жизнь людей
Полна скорбей и мук —

Нам долго не увидеться,
Мой друг.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ОСЕНИ

Луна — как и солнце:
Она остановки не знает.

Вчерашняя ночь
Разделила нам осень и лето.

Цикада в траве
Непрерывно звенеть продолжает,

А ласточка к югу
Уже улетела с рассвета.

Всю жизнь я стремился
Уйти в одиночество, в горы,

И вот уже стар —
А свое не исполнил желанье.

Давно бы я бросил
Служебные дразги и ссоры,

Лишь бедность мешает мне
Жить в добровольном изгнанье.

БОЛЬНОЙ КОНЬ

Я седлал тебя часто
На многих просторах земли,

Помнишь зимнюю пору
У северных дальних застав?

Ты, состарившись в странствиях,
Отдал все силы свои

И на старости лет
Заболел, от работы устав.

Ты, по сути, ничем
Не отличен от прочих коней,

Ты послушным и верным
Остался до этого дня.

Тварь,— как принято думать
Среди бессердечных людей,—

Ты болезнью своей
Глубоко огорчаешь меня.

СВЕРЧОК

Так неприметен он и мал,
Почти невидимый сверчок,

Но трогает сердца людей
Его печальный голосок.

Сверчок звенит среди травы,
А ночью, забираясь в дом,

Он заползает под кровать,
Чтоб человеку петь тайком.

И я, от родины вдали,
Не в силах слез своих сдержать:

Детей я вспомнил и жену —
Она всю ночь не спит опять.

Рыданье струн и флейты стон
Не могут так растрогать нас,

Как этот голосок живой,
Поющий людям в поздний час.

ВИЖУ ВО СНЕ ЛИ БО

Если б смерть разлучила нас —
Я бы смирился, поверь,

Но разлука живых
Для меня нестерпима теперь,

А Цзяннань — это место
Коварных и гиблых болот,

И оттуда изгнанник
Давно уже писем не шлет.

Закадычный мой друг,
Ты мне трижды являлся во сне,

Значит, ты еще жив,
Значит, думаешь ты обо мне.

Ну а что, если это
Покойного друга душа

Прилетела сюда —
В темноту моего шалаша?..

Прилетела она
Из болотистых южных равнин,

Улетит — и опять
Я останусь во мраке один.

Ты в сетях птицелова,
Где выхода, в сущности, нет,

Где могучие крылья
Не в силах расправить поэт,

Месяц тихим сияньем
Мое заливает крыльцо,

А мне кажется — это
Ли Бо осветилось лицо.

Там, где волны бушуют,
Непрочные лодки губя,

Верю я, что драконы
Не смогут осилить тебя.

НОЧЬЮ В ДЕРЕВНЕ

Погода стала
Ветреной, постылой,

Нет никого
На берегу реки.

Лишь мельница
Шумит себе уныло

Да у соседей
Светят огоньки.

Здесь мне пришлось
Надолго поселиться —

Как много горя
Бунты принесли!

Есть братья у меня —
Они в столице,

И между нами —
Десять тысяч ли.

ОТДАЮСЬ СВОИМ МЫСЛЯМ

На мокрой ветке
Иволга щебечет,

И чайки плавают
У островка.

Цветы совсем поникли
В этот вечер,

И стала беспокойною
Река.

Седой старик —
Варю вино из проса.

Стучится дождь
У моего окна.

Я на судьбу
Не взглядываю косо:

В уединенье
Слава не нужна.

БЕСЕДКА НА БЕРЕГУ РЕКИ

Лежа, греюсь на солнце
В беседке, у сонной реки,

И, стихи повторяя,
Гляжу я в далекую даль,

Облака проплывают
Спокойно, как мысли мои,

И усталому сердцу
Ушедших желаний не жаль.

А природа живет
Непрерывною жизнью своей,

А весенние дни
Так прозрачны теперь и тихи.

Не дано мне вернуться
На лоно родимых полей,

Чтоб развеять тоску —
Через силу слагаю стихи.

РАНО ВСТАЮ

Весной встаю пораньше,
С петухами,

Я многим занимаюсь
В эту пору:

Мне надо
Берег укрепить камнями,

Лес разредить,
Чтобы виднелись горы.

На ближний холм
Ведет меня тропинка,

Я медленно
Бреду к его вершине.

Через часок
Вернется мальчик с рынка

И принесет сюда
Вино в кувшине.

В ЕДИНЕНИИ С ПРИРОДОЙ

I

Скупое солнце
Дорожит лучом,

Речные струи —
В водяной пыли.

Все отмели
Покрыты камышом,

От дома к дому
Тропки пролегли.

Халат
Я лишь накидываю свой

И Тао Цяню
Следую во всем.

Нет пред глазами
Суеты мирской,

Хоть болен я —
А легок на подъем.

II

Встречаю я
Весеннюю зарю

Там, где цветы
Заполонили сад.

И с завистью теперь
На птиц смотрю.

А людям
Отвечаю невпопад.

Читая книги —
Пью вино за двух,

Где трудно —
Пропущу иероглиф.

Старик отшельник —
Мой хороший друг,

Он знает,
Что я истинно ленив.

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Занавеску мою
Озаряет закат,

Ветерок над ручьем —
Одинокий и кроткий,—

Он приносит из сада
Цветов аромат

И струится
К стоящей у берега лодке.

На ветвях
Воробьиный царит произвол,

И стрекозы летят
Из неведомых далей.

Молодое вино,
Кто тебя изобрел:

Раз хлебнешь —
И развеются сотни печалей.

ЖАЛЬ

Зачем так скоро
Лепестки опали?

Хочу,
Чтобы помедлила весна.

Жаль радостей весенних
И печалей —

Увы, я прожил
Молодость сполна.

Мне выпить надо,
Чтоб забылась скука,

Чтоб чувства выразить —
Стихи нужны.

Меня бы понял Тао Цянь
Как друга,

Но в разные века
Мы рождены.

ДЕНЬ «ХОЛОДНОЙ ПИЩИ»

В глухой деревне
В день «холодной пищи»

Опавшие
Кружатся лепестки.

Восходит солнце,
Осветив жилища,

И в легкой дымке —
Отмель у реки.

Крестьяне пригласят —
Пойду к их дому,

Пришлют подарки —
Не отвергну их.

Здесь все друг с другом
Хорошо знакомы.

И даже куры —
Спят в дворах чужих.

ПОДЪЕМ ВЕСЕННИХ ВОД

I

За эти дни
Подъем весенних вод

Усилился
С тревожной быстротой.

И маленькая отмель
У ворот

Грозит
Совсем исчезнуть под водой.

Бакланы
Весело кричат все дни

Над самую
Поверхностью воды.

Мы радуемся
Так же, как они,

Но все же
Опасаемся беды.

II

Вода бушует ночью
Все сильнее

И на два фута
Поднялась опять.

Пройдет
Еще совсем немного дней —

И мне придется
Дом свой покидать.

У переправы — рынок.
Я взгляну:

Там лодками торгуют
День-деньской.

Жаль, денег нет:
А то б купил одну

И привязал к забору
Над рекой.

НЕГОДНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Когда бреду
Тропинкою знакомой,

Всегда топорик
Я беру в дорогу.

Деревья тень бросают
Возле дома.

Рублю негодные —
А все их много.

Кизилловые
Я не вырубая,

А вот цзиси —
Вовек щадить не буду.

Не г о д н о е, —
Теперь я это знаю,

Роскошно
Разрастается повсюду.

СТИХИ О ТОМ, КАК ОСЕННИЙ ВЕТЕР РАЗЛОМАЛ КАМЫШОВУЮ КРЫШУ МОЕЙ ХИЖИНЫ

Осенний ветер
Дует все сильней,

Дела свои
Разбойничьи верша.

Он с тростниковой
Хижины моей

Сорвал
Четыре слоя камыша.

Часть крыши
Оказалась за рекой,

Рассыпавшись
От тяжести своей.

Часть,
Поднятая ветром высоко,

Застряла на деревьях
Средь ветвей.

Остатки — в пруд слетели
За плетень,

И крыша вся
Исчезла, словно дым.

Мальчишки
Из окрестных деревень

Глумятся
Над бессилием моим.

Они, как воры,
Среди бела дня

Охалки камыша
Уволокли

Куда-то в лес,
Подальше от меня,

Чем завершили
Подвиги свои.

Рот пересох мой,
Губы запеклись,

Я перестал
На сорванцов кричать.

На стариковский посох
Опершись,

У своего окна
Стою опять.

Стих ветер
Над просторами земли,

И тучи стали,
Словно тушь, черны.

Весь небосклон
Они заволокли,

Но в сумерках
Почти что не видны.

Ложусь под одеяло
В тишине,

Да не согреет
Старика оно:

Сынишка мой,
Ворочаясь во сне,

Поистрепал его
Давным-давно.

А дождь —
Не то чтобы шумит вдали,—

Он просто
Заливает мне кровать,

И струйки,
Как волокна конопли,

Он тянет —
И не хочет перестать.

И так уж
Обессилен я войной,

Бессонница
Замучила меня,

Но эту ночь,
Промокший и больной,

Как проведу
До завтрашнего дня?

О, если бы
Такой построить дом,

Под крышею
Громадную одной,

Чтоб миллионы комнат
Были в нем

Для бедняков,
Обиженных судьбой!

Чтоб не боялся
Ветра и дождя

И, как гора,
Был прочен и высок,

И если бы,
По жизни проходя,

Его я наяву
Увидеть мог,—

Тогда —
Пусть мой развалится очаг,

Пусть я замерзну —
Лишь бы было так.

СКОПЛЕНИЕ СОТЕН ЗАБОТ

В пятнадцать лет —
Поныне не забыл,—

По сути дела,
Я ребенком был.

Но сильным,
Словно молодой бычок,

И целый день
На воле бегать мог.

Когда сияли
Летние сады

И созревали
Сладкие плоды,

Тогда, поверьте,
За один лишь час

Влезал я на деревья
Сотню раз.

А ныне мне
Уже под пятьдесят —

Я целый день бы
Провалиться рад.

Вот полежу,
Да и вздремну опять

И не хочу
Ходить или стоять.

Приходится
Шутить мне иногда,

Когда чиновник
Явится сюда.

Но, вижу, жизнь моя
Который год —

Скопление сотен
Всяческих забот.

Вхожу уныло
В свой убогий дом —

По-прежнему
Темно и пусто в нем.

И только
Старая глядит жена,

Домашними заботами
Полна.

А мой сынишка глуп еще —
Притом

Невежлив
В обращении с отцом:

Кричит
И пищи требует скорей,

Заплаканный,
У кухонных дверей.

БОЛЬНОЙ КИПАРИС

Среди равнины
Кипариса крона,

Как балдахин,
Бросала тень веками.

И сам он,
Наподобие дракона,

Стоял,
Владычествуя над ветрами.

К его стволу,
Что славен прямою,

Сюда сходились
Старики с поклоном.

Кто знал, что корни
Гибнут под землю,

Подвластные
Неведомым законам?

Привольно рос он
На земле просторной,

Столетия
Не ведая печали.

И вдруг
Опору потеряли корни

И ветви
Засыхать и падать стали.

Багряный феникс
С десятью птенцами

Летает, плача,
Словно на кладбище.

И лишь сова довольна:
За ветвями

Она в дупле
Приют себе отыщет.

А путник,
Что пришел сюда с восхода,

Стоит в тени
Еще прекрасной кроны,

Постичь желая
Таинство природы —

Земные
И небесные законы.

ЗАСОХШИЕ ПАЛЬМЫ

Бесчисленные пальмы
В Сычуани

Высоко подняли
Свои вершины,

Но им, кору сдирая,
Тело ранят —

Не будет скоро их
И половины.

Они напрасно
Листья расстилали

Зеленые
И летом и зимою.

Но — раненные —
Выдержат едва ли

И скоро
Попрощаются с листвою.

Мне бедствия народа
Сердце ранят,

Чиновники забыли
Слово «жалость».

Вы, жители долин
Янцзы и Ханя,

Скажите — что у вас
Еще осталось?

Вы, словно пальмы,
Выдержать не в силах,

И я о вас
Вздыхаю не впервые.

Те, кто мертвы,
Покоятся в могилах,

Но чем — спрошу —
Прокормятся живые?

Посвистывает иволга
Печально,

Вокруг нее
Зеленый луг раскинут.

И я в печали
Думаю о пальмах,

Что в сорных травах
Пропадут и сгинут.

БОЛЬНОЕ МАНДАРИНОВОЕ ДЕРЕВО

Больные деревья
Теряют последние силы,

Судьба их печальна —
С годами все хуже и хуже.

Плоды завязались,
Но так они слабы, и хилы,

И терпки на вкус,
И горьки, словно дикие груши.

Разрежь мандарин —
Он червями изъеден слепыми,

И, право, не стоит,
Плоды собирая, трудиться.

Плоды несъедобны —
Что делать прикажете с ними?

Одна кожура еще,
Может быть, в пищу годится.

Дрожащие листья
Совсем на ветвях пожелтели,

Им больно и страшно
Расстаться с родными ветвями.

Суровой зимою
Нагрянут снега и метели,

И сможет ли дерево
Снова бороться с ветрами?

В Пэнлайском дворце
Среди яркой и щедрой природы

На пышных деревьях
Под солнцем блестят мандарины.

Но если случаются
Неурожайные годы,

То стол императора
Блеск свой теряет старинный.

Бесчинствуют банды,
Народ погибает без хлеба,

Пора б государю
Свой стол сократить вполовину.

Болеют деревья
По тайному умыслу Неба,

И я опасаюсь,
Что вновь пострадает невинный.

Когда-то гонец
От далекого Южного моря

Скакал к государю
В карете, набитой дарами,

И сотни коней
Погибали в горах и предгорьях,—

Еще и поныне
Владеет печаль стариками.

**ИЗОБРАЖАЮ ТО, ЧТО ВИЖУ
ИЗ СВОЕГО ШАЛАША, КРЫТОГО
ТРАВой**

В захолустной деревне
Стоит мой шалаш. У ограды

Зеленеет сосна,
Тишина и безлюдье вокруг.

Чья-то лодка плывет
По реке, в пелене снегопада,

Под ударами ветра
Склонился к тропинке бамбук.

Рыбы мерзнут в воде,
К тростникам прижимаясь бесшумно.

И на отмели гуси
Готовятся в дальний полет.

Сычуаньским вином
Я развеял бы грустные думы —

Только нет ни гроша,
А займы мне никто не дает.

**МЕНЯ НАВЕЩАЕТ
ПОМОЩНИК ГРАДОПРАВИТЕЛЯ
ЧЭНДУ — СЮЙ ДЕВЯТЫЙ**

На вечерней заре,
В деревенском моем захолустье,

Ты заходишь со свитой
Под кровлю убогого дома.

Нашей дружбы начало
Меня избавляет от грусти,

Но стыжусь, что не в силах
Устроить, как должно, приема.

Оценив тишину
И бамбук, что посажен рядами,

Позабыв о делах,
Ты гуляешь под ясной луною.

О, когда же ты снова
Придешь любоваться цветами,

Что распустятся скоро
Над тихою гладью речною?

БОЯСЬ ЛЮДЕЙ

Цветы распускаются,
Полные жизни,

Поют на чужбине
Весенние птицы.

Отсюда,
За тысячи ли от отчизны,

Три года гляжу я,
Как солнце садится.

Людей опасался я,
Хижину строя,

И мне по душе
Эти дальние дали.

Тропинка
Давно зарастает травой:

Не жду,
Чтоб копыта коней простучали.

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ РАДУЮСЬ ДОЖДЮ

Добрый дождь —
Свою он знает пору —

И приходит вовремя,
Весною.

Вслед за ветром
Он уйдет не скоро,

Землю
Влагой напоив живую.

На реке, на челноках,
Повсюду

Огоньки мигают
Еле-еле...

На рассвете
Любоваться буду,

Как цветы
В Чэнду похорошели.

ОТПРАВЛЯЮСЬ ИЗ ЛАНЧЖУНА

Я знаю —
Змеи впереди меня

И яростные тигры
Позади.

Весь день иду
Вдоль горного ручья,

Пустынно все —
Куда ни погляди.

Унылый ветер
Свищет с высоты,

И тучи
Прижимаются к земле.

Печальные деревья
И кусты

Поникли под дождем
В осенней мгле.

Жена в тревоге —
Дочь больна опять,

Я тороплюсь
Скорей домой прийти,

И разве можно в спешке
Сосчитать

Цветы,
Что я встречаю на пути?

Три месяца,
Как я оставил дом —

Одно письмо
Пришло за этот срок.

Когда же я,
Укрывшийся с трудом,

Избавлюсь
От печалей и тревог?

В КОНЦЕ ГОДА

Уже окончанье года,
А я на дальних просторах.

Но взято и здесь оружие,
Чтоб не прошли враги.

Пыль, поднятая туфанями,
Окутала снежные горы,

Гремят барабаны и трубы
В городе у Реки.

Льется кровь ежедневно
На каждой нашей дороге,—

Кто ж во дворце веревку
Попросит, как в старину?

Можно ль бояться смерти,
Если страна в тревоге?

В далеком уединенье
Я верю в свою страну.

ПОКИДАЮ ШУ

Пять лет в Чэнду
Я нищим гостем прожил,

Потом в Цзичжоу
Прожил целый год.

Среди застав я заперт был —
И что же —

Вновь к дальним рекам
Путь меня ведет.

От бурь гражданских
Поседел я быстро,

Остаток дней
Как чайка буду жить.

Пусть государством
Ведают министры,

А старику
Довольно слезы лить.

ЗАПИСАЛ СВОИ МЫСЛИ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ НОЧЬЮ

В лодке с высокою мачтой
Тихою ночью плыву я.

Глядя прибрежные травы,
Легкий проносится ветер.

Мир заливая сияньем,
Светит луна, торжествуя,

И над великой рекою
Воздух прозрачен и светел.

Если бы литература
Мне помогла хоть немного:

Освободила от службы —
Вечной погони за хлебом.

Ныне ж мое положение
Схоже своею тревогой

С чайкой, которая мечется
Между землею и небом.

КРЕПОСТЬ БОДИ

Каменная крепость
Высока:

Из ворот
Выходят облака.

Под угрюмой
Крепостью Боди

Хлещут, словно из ведра,
Дожди.

А внизу,
Стуча о берега,

Бурная
Проносится река,

И за чашей леса
Чуть видна

Бледная,
Неясная луна.

Кони тут
Работать не хотят —

Им домой
Вернуться бы назад.

Но из тысячи домов
У нас,

Может, сто
Еще стоят сейчас.

Бедных женщин
Не утешит труд —

Все равно
Налоги с них дерут.

И в любом
Из маленьких домов

Льются слезы
Безутешных вдов.

ПОЛНОЧЬ

На башне,
В сотню сажен высотой,

Брожу я в полночь
У ажурных окон.

Комета
Пролетает над водою,

И слабо светит месяц —
Так далек он.

В густом лесу
Укрыться может птица,

И рыба в море —
Где б ни проплывала.

Друзей немало у меня
В столице.

А писем получаю
Слишком мало.

ПОПУГАЙ

Попугаем владеют
Печальные мысли:

Он умен — и он помнит
Про все, что бывало.

Стали перья короче,
И крылья повисли,

Много слов он узнал —
Только толку в них мало.

Но он все-таки ждет —
Не откроется ль клетка:

Люди любят — да держат
В неволе железной.

И пустеет в лесу
Одинокая ветка —

Что же делать ему
С красотой бесполезной?

ОДИНОКИЙ ДИКИЙ ГУСЬ

Дикий гусь одинокий
Не ест и не пьет,

Лишь летает, крича,
В бесприютной печали.

Кто из стаи
Отставшего путника ждет,

Коль друг друга
Они в облаках потеряли?

Гусю кажется —
Видит он стаю, как встарь,

Гусю кажется —
Где-то откликнулась стая.

А ворона —
Пустая, бездумная тварь —

Только попусту каркает,
В поле летая.

ВОСЕМЬ СТАНСОВ ОБ ОСЕНИ

I

Крупный жемчуг росы на листву упал,
Увядает кленовый лес,

И в ущелье Уся, и в горах Ушань
Свет безоблачных дней исчез.

На реке обезумели волн валы,
Словно к небу их вознесли,

А у крепости — груды тяжелых туч
Опускаются до земли.

И вторично цветут хризантем кусты —
Буду слезы я лить о них.

Но привязан давно одинокий челн,
Вдалеке от садов родных.

И хозяйки готовятся к зимним дням,
И одежды теплые шьют.

Мрачный замок Боди одинок и тих...
Долго ль мне оставаться тут?

II

В одинокой крепости Куйчжоу
Золотой закат недолго длится.

И, найдя для взора путь по звездам,
Все гляжу я в сторону столицы.

Слышу крики обезьяньей стаи,
Третий крик — я слезы проливаю.

Я скиталец на плоту убогом —
Он не приплывет к родному краю.

Вдалеке от Расписной палаты,
Где курильницы благоухают,

Здесь — за парапетом горной башни —
Дудки камышовые рыдают.

Та луна, что сад мой озаряла,
Весь в плюще и зарослях глициний,

Лишь унылый берег тростниковый
И мисканты озаряет ныне.

III

На тысячу домов, под мирным солнцем
Раскинувшихся в утреннем покое,

Который раз гляжу я терпеливо
С моей невзрачной башни над рекою.

Вторые сутки рыбаки хлопочут —
Теперь их лодки снова на причале,

И ласточки, про осень забывая,
Летают и летают без печали.

Жил Куан Хэн — советник государя,
Но оценить его не пожелали,

Лю Сян хотел свою продолжить мудрость,
Но, видно, вспомнят и о нем едва ли.

А пожилые люди (что когда-то
Со мной учились в молодости) ныне

Одеждой легкой, тучными конями
Бесстыдно похваляются в Улине.

IV

За столицею слежу я,
Как за шахматной доскою:

На сто лет событий хватит —
Тут не справишься с тоскою.

Где дворцы князей китайских?
Кто теперь владеет ими?

Все посты и все поместья
Заняты людьми чужими.

Гонги бьют и барабаны,
И на западной границе,

Получив «приказ крылатый»,
В бой несутся колесницы.

Пусть в реке уснули рыбы
И драконы спят угрюмо —

О родной моей отчизне
Навсегда бессонны думы.

V

Ты видишь: ворота дворца Пэнлай
К югу обращены,

Росу собирает столб золотой
Немыслимой вышины.

Ты видишь: вдали, на Яшмовый пруд,
Нисходит богиня фей —

И фиолетовой дымки мираж
Становится все бледней.

Тогда раздвигаются облака —
И вот пред тобой возник

За блеском драконовой чешуи
Сияющий царский лик.

А я одиноко лежу у реки,
На склоне вечерних лет.

Где царские милости и хвалы?
Давно уж пропал их след.

VI

От этой дикой красоты ущелья
До берегов прекрасного Цзюйцзяна,

Наверно, десять тысяч ли, но осень
Свела в одно их пеленой тумана.

Я вижу галерею царской башни —
Там часто императора встречали,

И знаменитый лотосовый садик,
Куда вхожу я в скорби и печали,

И разукрашенных столбов блистанье,
И желтых цапель, прилетевших в гости,

И белоснежных чаек, что часами
Сидят на мачтах из слоновой кости.

И я глаза невольно закрываю —
Мне жаль того, что не увидеть снова...

Чанъань, Чанъань! Ты центр земли
китайской,
Ты тень великолепия былого!

VII

Передо мною пруд Кунминчи —
Подвиг Ханьских времен,

И боевые штандарты У-ди,
И пурпур его знамен.

Ткачиха с пряжею стынет зря —
Бессильна ее мечта:

От ветра слегка шевелится хвост
У каменного кита.

А волны несут водяной рис —
Они от него черны.

И лотосы, чаши раскрыв свои,
Холодной росой полны.

Но только птицам открыт путь
Из крепости — на простор.

И снова томится старый рыбак
В плену у рек и озер.

VIII

Через Кунью и Юйсу дорога
Вьется на сотни ли,

Потом через северный склон Чжуннаня
Она приведет в Мэйпи.

Там не клюют теперь попугаи
Брошенное зерно;

Осталось гнездо на ветвях платана,
Но фениксов нет давно;

Там вместе с красавицами когда-то
Я ветки срывал весной;

Волшебники плыли со мною в лодке
Под ласковою луной;

И кисть моя повелевала природой,
Не зная ни в чем преград.

А ныне я стал и седым и слабым,
И скорбно стихи звучат.

НОЧЬЮ

О берег ветер бьется,
Даль туманна.

Моя свеча
Мигает еле-еле.

Кричат на перевале
Обезьяны,

Во мгле
Речные птицы пролетели.

Хочу с мечом суровым
Подружиться,

Сижу в коротком платье —
Не в халате.

Клубятся дым и пыль
Вокруг столицы,

И я вздыхаю
О своем закате.

СОКОЛ С ШИРОКО РАСКРЫТЫМ КЛЮВОМ

Печальна участь
Сокола больного —

Он одинок
И презираем всеми.

На дереве,
У берега речного,

Он укрывается
В ночное время,

А днем сидит
В тени зеленой кроны,

Как бы готовый
Броситься с размаха:

Его увидев,
Гуси и вороны

Напрасно
В сторону летят от страха.

Где гордый облик
Старого героя,

Когда с врагом
Сражался он на воле?

Так поредели перья,
Что порою

На них немислимо
Смотреть без боли.

И с каждым днем
Его слабеют силы —

Теперь и коршун
Может спорить с ними.

А раньше
В облаках его носило

Высоко —
Над орлами молодыми.

Речные волны
Гневный гонит ветер,

И горы высятся,
Во мгле темнея.

Заснули
Гималайские медведи,

В лесную чашу
Уползают змеи.

О, если б был
Здоров он, как и прежде,

То камнем бы
Кидался за добычей.

Но болен сокол.
Места нет надежде:

Жить без сраженья —
Не его обычай.

ДАВНО НА ЧУЖБИНЕ

Только в дальней дороге
Поймешь ты людские надежды,

Только в странствии долгом
Увидишь страданья народа.

Сам готов посмеяться
Над жалкой своею одеждой —

А уж мелким чиновникам
Любы чужие невзгоды.

Как Ван Цань, я печалюсь,
Покинув родную столицу,

Как Цзя И, удручен я
Народною горькою долей.

Так не стоит, пожалуй,
Рассказывать вам о лисицах, —

Если барсы и тигры
Бесчинствуют нынче на воле.

**НА РАССВЕТЕ
ОТПРАВЛЯЮСЬ ИЗ ГУНЪАНЯ**

На городской стене
Ударил сторож

Ночную колотушкой
В час прощанья.

И звездочка
На синеве простора

Померкла, как всегда,
Без опозданья.

Я слышал в поле
Горький плач народа

По тем, кто в битве пал
Во имя долга.

Жизнь человека,
Как весна природы,

Увы, не может в мире
Длиться долго.

Я уплываю в лодке,
И не скоро

Мой путь окончится.
Пройдут недели —

Великая река
Предстанет взору,

Я буду жить там
Вновь, без ясной цели.

Я оглянусь
На городские стены:

За ними
Срок немалый мною прожит.

Не расстаюсь
С лекарством неизменным,—

Где б ни был я,
Оно всегда поможет.

**ЛУННОЙ НОЧЬЮ С ЛОДКИ
СМОТРЮ НА ХРАМ,
РАСПОЛОЖЕННЫЙ ВБЛИЗИ
ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ**

Глубокая полночь вокруг меня,
Но я не зажгу свечи —

Так ярко горит в небесах луна,
Что с нею светло в ночи.

За сонными кленами — старый храм
С пагодой золотой.

Почтовой станции красный дом
Над белой стоит водой.

Замолкло карканье ворон
На городской стене,

И цапли на отмели у реки
Застыли в блаженном сне.

А я, путешествующий старик,
Белый от седины,

Подняв занавеску, один не сплю,
Любуясь блеском луны.

**ПОДНИМАЯСЬ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ
ПО РЕКЕ СЯНШУЙ,
ВЫРАЖАЮ СВОИ ЧУВСТВА**

Еще во время мира
Стал я старым,

А ныне — стар,
Да и к тому же болен

Жизнь нанесла мне
Многие удары,

И рано поседел я
Поневоле.

Скитаясь
Между четырьмя морями,

Не зная,
Как бы прокормиться даже,

С родными
Редко вижусь и друзьями,

А больше —
С новой молодежью нашей.

Склоняя голову,
Меня смиренно

Учили старцы
Добрым быть с народом,

А молодые
Грубо и надменно

Смеются надо мной,
Как над уродом.

Мечты мои
Убиты нищетою,

Избороздил я
Сторону чужую,

И, покидая Сычуань
Весною,

Теперь по южным звездам
Путь держу я.

На лодке мчусь —
Кругом весна в разгаре

На берегах,
Во всей красе и силе.

Вдали, в горах,—
Могила государя,

Где кости мудреца
Давно уж сгнили.

С тех пор века
Народ живет в печали,

Бесстыдно
Угнетаемый властями.

Цзя И и Цюй Юань
Так тосковали,

Что, не стерпев,
Себя убили сами.

Я думаю
О душах их печальных,

Быть может
Здесь витающих безмолвно...

Темнеют скалы
У воды хрустальной,

И дальше в лес
Плывем мы через волны.

Гребцы поют
И бодро правят лодкой,

Как будто бы
Вина хлебнули малость.

Поют, а все ж
На поворотах четко

Сигналят,
Забывая про усталость.

Всегда полезно
Знание предмета,

Гляжу: любой гребец —
Искусный мастер.

А вот правителей искусных —
Нету,

Иль просто их
Не подпускают к власти?

Темнеют краски,
Вечер наступает,

И стаи змей
Ползут к ночному ложу.

Медведей на деревьях
Мгла скрывает,

И тигры
Стерегут их у подножий.

Куда влекусь я
К своему ночлегу?

Хочу
Средь постоянного скитанья

Хорошему
Поведать человеку

Свою печаль —
И подавить рыданья.

МЕЖДУ ЯНЦЫЦЗЯНОМ И РЕКОЙ ХАНЬ

Я путник, скитающийся давно
Меж двух величавых рек,

Ненужный ученый — в чужом краю
Затерянный человек.

Брожу я от родины вдалеке,
И некому мне помочь,

И я одинок, подобно луне
В долгую зимнюю ночь.

Близится горестный мой закат,
Но душа еще молода.

Быть может, не будут болезни мои
Мучить меня всегда?

Я слышал, что в древние времена
Кормили старых коней

Отнюдь не за то, что они могли
Работать на склоне дней.

ПЕСНЯ О ХЛЕБЕ И ШЕЛКОВИЧНЫХ ЧЕРВЯХ

Наверно, городов
У нас в стране

Теперь не меньше
Тысяч десяти.

Но разве есть такой —
Скажите мне, —

Где б воинов в доспехах
Не найти?

О, если б
Переплавить мы могли

Доспехи
На орудия труда,

Чтоб каждый дюйм
Заброшенной земли

Перепахать!
И было б так всегда.

Чтобы крестьянин
Сеял в добрый час

И шелководством
Занялся опять;

Чтоб патриоту,
Как теперь у нас,

Не надо было
Слезы проливать:

Мужчины в поле
Выполняли б долг,

И пели женщины,
Мотая шелк.

ДИКИЕ ГУСИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ НА СЕВЕР

Дикие гуси
Летели за тысячи ли,

Нынче на север
Они возвращаются снова.

Глядя на странника
Этой далекой земли,

Пара за парюю
В путь улетают суровый.

Их уже мало осталось
На отмели тут,

Резко кричат они,
Перекликаясь на воле,

Ну а рассказ
О письме, что они принесут,

Все это, милая,
Глупая сказка, не боле.

**НАПИСАНО В ЛОДКЕ В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
«ХОЛОДНОЙ ПИЩИ»**

Себя я принуждаю
Пить вино

Из-за того,
Что пища холодна.

На мне —
Убор отшельника давно,

Вокруг меня —
Покой и тишина.

Плыву я тихо
В лодке по реке,

А кажется,
Что по небу плыву,

И старыми глазами
Вдалеке

Цветы я различаю
И траву.

А бабочки
Танцуют танец свой

У занавески
Моего окна.

И белых птиц,
Слетевшихся гурьбой,

Уносит по течению
Волна.

За облака,
За кручи темных гор

Гляжу я вдаль
За десять тысяч ли:

Хочу увидеть
Севера простор,

Там, где Чанъань
Раскинута вдали.

БЕЛЫЙ КОНЬ

Конь примчался
С северо-востока,

Стрелами
Седло его пробито.

Жаль того,
Кто пал в бою жестоком,—

Что теперь
Узнаешь об убитом?

Может, рядом с ним,
На поле боя,

Нашего
Сразили полководца...

Смерть сейчас
Бредет любой тропюю,—

Знаю,
Много слез еще прольется.

ЦЭНЬ ШЭНЬ

(715—770)

ПРОВОЖАЮ ПОМОЩНИКА НАМЕСТНИКА ЛИ, ОТПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ ВОЙСКАМ НА ЗАПАД ПУСТЫНИ

Должно быть, в шестой луне на Хошань
жара сильней и сильней.
У входа в ущелье горы Читин
не видно совсем людей.
Я знаю, ты в крепости жить привык
у склонов хребта Цилян, —
Луньтай не навест тебе печаль
луною яркой своей.
Мы в винную лавку, оставив коней,
надолго заходим с тобой.
На запад далекий, за тысячи ли,
идешь на кочевников в бой.
Ты громкого имени скоро добьешься,
получишь награды, почет:
Ведь ты — закаленный невзгодами муж,
ведь ты — настоящий герой!

**НА ЗАПАДЕ, ПРОЕЗЖАЯ ВЭЙЧЖОУ,
УВИДЕЛ РЕКУ ВЭЙ И ПОДУМАЛ О ЦИНЬЧУАНИ**

Вэй-река от Вэйчжоу
на восток стремится свои волны.

За какое же время
достигают они Юнчжоу?..

И к волнам я добавил
слез пролившихся два потока

И послал их с водою
к моему родимому саду.

ОСЕННИЕ ДУМЫ

Кто может предвидеть,
как наступит расцвета вечер?

Сижу и смотрю я
на холодной листвы паденье...

А сам я не стану
и со сгнившей травой равняться:

В полях разлетаясь,
в светлячков она превратилась.

ВЕСНОЮ В ДОМЕ В ГОРАХ

Лянский княжеский сад. Солнце перед закатом.
И за стаей стая ворон.

Сколько взгляду доступно — уныло, пусто
и не более трех жилищ.

Но не знают деревья в дворе заглохшем,
что здесь нет ни живой души,

И с приходом весны на них расцветают
те, старинных времен, цветы.

**ВСТРЕТИЛ ЧИНОВНИКА,
ЕДУЩЕГО С ПОРУЧЕНИЕМ В СТОЛИЦУ**

Смотрю на восток, на родимый сад —
дорога теряется в даях.

Промокли оба моих рукава,
а слезы не утихают.

И вот наша встреча, но мы верхом,
у нас ни бумаги, ни кисти:

«Так пусть господин на словах передаст,
что все у меня в порядке!»

НАПИСАЛ В ПУСТЫНЕ

К западу я на коне спешу
чуть не на край небес.

С домом простившись, полной луны
видел я дважды круг.

Нынешней ночью не знаю сам,
где же найду ночлег:

Ровный на тысячи ли песок —
и ни дымка жилищ!

**НАПИВШИСЬ ВИНА,
ПРОВОДИЛ УЧИТЕЛЯ ПЭЯ**

Вина напились —
и расстаться не стало сил,

Но лишь протрезвели —
и я проводил тебя

И видел, как ты
уезжал верхом на коне

И как поднимался
в надгорные облака.

ВЕСЕННИЙ СОН

В дальних покоях ночью вчера
весенний ветер подул.

Друг мой еще в разлуке со мной
над Сяном пока живет...

Я на постели за краткий миг
в недолгом весеннем сне

Преодолею целиком Цзяннань,
те несколько тысяч ли!

В ЛОДКЕ НА ЮГЕ БА

На переправе
Уже темнеть начинает.
Люди деревенский
за очередь к лодке спорит.

Колокол ближний
звучит в монастырском храме.
Дальних огней
свет зажегся в прибрежных селах.

Гуси в полете —
тоскую по письмам из дома.
Крик обезьян —
и обильней струятся слезы.

Челн одинокий,
и всюду бескрайняя осень...
Осень с луною...
Но больше нет сил об этом!

МЭН ЮНЬЦИН

(VIII в.)

ПРАЗДНИК «ХОЛОДНОЙ ПИЩИ»

Весной, в этот месяц второй, в Цзяннани
цветы украшают ветви.

В иной стороне «холодная пища»
скорее признак печали.

В домах бедняков, как всегда, сегодня
огня в очаге не видно,

Но не потому, что им надо завтра
оплакать судьбу Цзытуя!

ЧЖАН ЦЗИ (ЧЖАН ИСУНЬ)

(VIII в.)

НОЧЬЮ ПРИЧАЛИЛ К ФЭНЦЯО — МОСТУ У КЛЕНОВ

И луна закатилась, и ворон кричит, —
даже небо иней покрыл.

Только клен у реки и рыбачий огонь, —
и печаль прогоняет сон...

В стороне от стены городской Гусу
храм Холодной Горы — Ханьшань.

Там в полуночный колокол бьют, и звук
долетает до челнока!

ЧЖАН ВЭЙ

(VIII в.)

РАННИЕ ЦВЕТЫ МЭЙХУА

Холодного дерева сливы мэйхуа
нефритово-белая ветвь

Вверху, на краю деревенской дороги,
где мост над ручьем навис...

И если не знать, что с водою рядом
расцветают раньше цветы,

Покажется, будто нападавший за зиму
еще не растаял снег!

ЦЯНЬ ЦИ

(722—780?)

**ПОДНЯВШИСЬ В ДОЖДЬ
НА ЮЖНУЮ БАШНЮ ОБИТЕЛИ «ПЛОДЫ ПОБЕД»,
ОЖИДАЮ ЯНЯ ИЗ МУЗЫКАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Солнце вечернее
                                светит сквозь дождь небольшой,
Горные цепи
                                покрыты густой бирюзой.
Возле опушки
                                на башню Сянсе я взойду,
Вверх поднимаюсь
                                и гостя за тучами жду.
Легкий дымок
                                над селом одиноким висит,
В белые дали
                                река свои воды струит.
Я очарован
                                текущей в долине рекой,
Вечер сошел
                                незаметно над рвом и стеной.
Что мне еще,
                                если вы, о ком думаю я,
Чистым сиянием
                                в дом направляетесь мой?

ДУХИ РЕКИ СЯН ИГРАЮТ НА СЭ

*(Стихи, написанные на экзаменах
в столице)*

В искусных пальцах
звучи сэ узорной
Таят в себе
мотивы духа-девы,
Хотя Пин И
от них кружился в танце,
Но гостю в Чу
не вынести напева.
От скорби станут
льдом металл и камень,
И звуки чистые
в ночной дали звучат:
Они пришли
в Цанъю оплакать мужа,
Там ирис белый
льет свой аромат.
Меж берегов
струится тихо Сяо,
Печально ветер
веет на Дунтине.
Никто не видел
до конца напева,
Что потемнели
над рекой вершины.

ЛАН ШИЮАНЬ

(VIII в.)

В УЕЗДЕ ЧЖОУЧЖИ В ДОМЕ ЧЖЭНИ
ПРОВОЖАЮ ЦЯНЯ
СТАРШЕГО

Вечерней цикады
я крикам внимать не в силах.
Опавшие листья
как могут мой слух не тревожить?

С тобою мы оба
не дома в печальную осень
И знаем к тому же,
что дальше наш путь раздвоен!

Замшелые стены
омыты бегущей рекою.
Далекие гуси
влетают в холодную тучу...

У восточной ограды
хризантемы начальника Тао.
Те из них, что остались,
я поднес бы тебе в подарок!

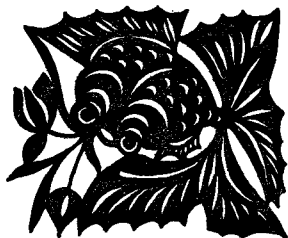
ГУ КУАН

(727—815)

**СЛУШАЮ РОГ ГОРНИСТА,
ДУМАЮ О ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ**

В саду моем милом желтые листья заполнили сизый мох.
Только проснулся, за стеной услышал утренний плач
рожка.

Этой ночью, мне рвушею душу, мне не видать человека.
Встану, пойду в остатней луне, и, качаясь, шагает тень.

ДАЙ ШУЛУНЬ

(732—789)

**НОЧЬЮ ВЫЕЗЖАЮ ИЗ РЕКИ ЮАНЬ
И ПИШУ ЭТИ СТРОКИ ЛИ ИЗ ИНЧУАНЬ
И ЧИНУ ИЗ ШТАТА МИНИСТЕРСТВА ЛЮ**

В полночь ладью поворачиваю, въезжаю в Чускую землю.
Светит луна; и горы и воды сине-зеленые стали.
Одна обезьяна вдруг вскрикнет средь ночи в порывах
осеннего ветра,
И даже тому, кто совсем не грустит, она оборвет нутро.

* * *

Трава на заставе,
Трава на заставе —
Всюду трава на заставе.
Годы солдата старят.

На север от гор
И на юг от гор
В сумерках белый снег.
На тысячу ли
И на тысячи ли
Месяца яркий свет.

Яркий свет,
Яркий свет...
Звуки хуского рога —
От них мне покоя нет!

(Мелодия «Дяосяолин»)

ЖЕНЩИНЫ РАБОТАЮТ В ПОЛЕ

Весной, когда вывелись
В гнездах касаток птенцы,
Тугими початками
Стали ростки бамбука,—
Кто эти женщины?..
Трудно сажаящим рис!
С ними не видно мужчин,
Нет ни вола, ни сохи...
Где уж им землю разбить
Крепким ножом-косарем?
Глыбы ворочают!..
Вот я расспрашивать стал.
Мать уж старуха,
Брат холостой — на войне...
Пала скотина,
Пусто в хлеву без вола.
Продали шелка кусок,
Купили косарь...
Спущен платок на лицо —
Стыдно людей:
«Кто, мол, бьет землю ножом?!»
Горечь в сердцах,
Помощь сестре — лишь сестра...
В землю глядят...
Прочищены борозды,
Можно рассаду сажать,
Канавы поправили:
Ждут не дождутся дождей...
Как солнце окажется
Выше Полдневных Холмов —
Время обеда,
Срок возвращаться домой...
Как самки фазаньи,

Спугнуты, жалки они,
Что в поисках пары
Мечутся утром, крича!
Ни вправо, ни влево
Нельзя на соседей глядеть.
Слезы в глазах...
Бесплодна была красота!

ВЭЙ ИНЪУ

(737—790?)

ДАОСУ-ОТШЕЛЬНИКУ В ГОРАХ ЦЮАНЬЦЗЯО

Нынешним утром
холод в моем кабинете,—
Вспомнил я горы,
друг там живет дорогой.
Хворост колючий
он собирает в ущелье,
Белые камни
варит, вернувшись домой.
Как бы хотел я,
кубок с вином поднимая,
Друга утешить
в вечер ненастный, сырой.
Горы пустые
все в опадающих листьях...
Как же найти мне
след затерявшийся твой?

ПОДНЯЛСЯ НА БАШНЮ

Ван Цину

Дома ли бродим, гуляем ли в роще —
хочется быть нам вдвоем.
В тучах над Чу и над морем лазурным
каждый в тоске о другом.
Несколько прачек белье выбивают
возле осенней горы,
Наша округа, заросшая терном,
вся под холодным дождем.

ГОРНАЯ РЕЧКА К ЗАПАДУ ОТ ЧУЧЖОУ

Как люблю я ростки этой нежной травы —
по ущелью пробилась она.
И еще я люблю, когда в чаще лесной
песня иволги желтой слышна.
В половодье весеннее дождь начался
и под вечер сильнее шумит,
На заброшенном брое не видно людей,
лишь колышется лодка одна.

УСЛЫШАЛ ГУСЕЙ

Когда я отчизну
глазами ищу вдали,
По ней в моих думах
вдруг тягостнее тоска,
И вот в Хуайнани
осеннею ночью в дождь
С высокого дома
я слышу прилет гусей!

В ЧАНЪАНИ ПОВСТРЕЧАЛ ФЭН ЧЖУ

Наверное, гость
с востока сюда пришел:
На платье его
остался балинский дождь.

У гостя спрошу —
зачем он сюда пришел.
«Рубить на горе, —
на то и топор купил...»

А здесь в тишине
как раз расцвели цветы
И птицы снуют:
у ласточек вновь птенцы...

Расстались вчера,
сегодня уже весна,
И как на висках
прибавилось седины!

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ ПОСЫЛАЮ САНОВНИКУ ЦЮ ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ

Я в мыслях с тобою
в осеннюю эту ночь

Все время хожу,
о прохладе пою стихи...

Там горы пустынные,
земля в семенах сосны

И славный отшельник,
должно быть, еще не спит!

ПОСЫЛАЮ ЛИ ДАНЮ (ЛИ ЮАНЬСИ)

В прошлом году посреди цветов
с тобой расставались мы.
Нынешним днем расцвели цветы, —
значит, и год прошел...

В мире события темны-темны,
их трудно предусмотреть.
В грусти-печали весенней все,
и сплю только я один.

Тело мое болезни гнетут,
в мечтах — лишь земля и сад,
Столько скитальцев в моем краю,
что жалованья стыжусь...

Слышал — ты скоро приедешь вновь,
наведаясь ко мне.
С западной башни я лунный круг
вижу в который раз!

ГЛЯДЯ НА КРЕСТЬЯНИНА...

За дождиком первым
пробилась новая зелень.
За рокотом грома
в земле пробудились твари.

Крестьяне в деревне
и дня не живут без дела, —
И к пахоте с севом
они уже приступают.

Мужчины обычно
чуть свет на работе в поле.
Еще огороды
их ждут не дождутся тоже.

Домой возвратятся
они на закате солнца.
Напоят корову
водой из далекой речки.

Усталость и голод
они безропотно терпят.
В дожде милосердном
свою обретают радость.

В их ветхих амбарах
зерна не лежат запасы.

Повинностей тяжких
они вовек не отбудут...

Становится стыдно,
что сам не пашу я землю,
А мне содержание
приносит труд деревенский!

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ В ЖАНРЕ ЦЫ

* * *

Млечный Путь,
Млечный Путь
Льет в предрассветную пору
Свет на осенний город.

В печали наверх поднимаюсь
И вдаль
Смотрю с мечтой о тебе.
В разные стороны
Нас развести
Угодно было судьбе.

Нас развести,
Нас развести...
Есть Млечный Путь на небе,
А нам нет друг к другу пути!

(Мелодия «Дяосяолин»)

* * *

Хуский скакун,
Хуский скакун
Мчит, отдаляя горы
И ту, с кем встречусь не скоро.

А под копытами
Снег да песок,
Лишь эхо ржанью в ответ.

На запад гляжу,
Гляжу на восток,
Где тает дороги след.

Тает след,
Тает след...
Степь и слева и справа,
Солнца прощальный свет.

(Мелодия «Дяосяолин»)

ЦЗЯОЖАНЬ

(VIII в.)

**ПРИДЯ К ЛУ ХУНЦЗЯНЮ,
НЕ ЗАСТАЮ ЕГО ДОМА**

Ты хотя переехал
    в городское как будто селенье,
Но заглохшие тропы
    в конопляник и к тутам уводят.

Посадил ты недавно
    у ограды в саду хризантемы.
Вот и осень подходит,
    а раскрыться они не успели...

Постучался в ворота,
    не услышал собачьего лая
И, тебя не дождавшись,
    заглянул я на запад к соседу,

А сосед рассказал мне,
    что из дома ты в горы уходишь,
Возвращаясь обратно
    лишь на склоне вечернего солнца.

СОСНА

Потому что я шепот сосны полюбил,
я наслушаться им не могу.

Я всегда, как увижу сосну на пути,
забываю вернуться домой.

С этой радостью легкой от шума сосны
что на свете сравнится еще?

Я смеюсь, к вольным тучам лицо обрати
беззаботным и вольным, как я.

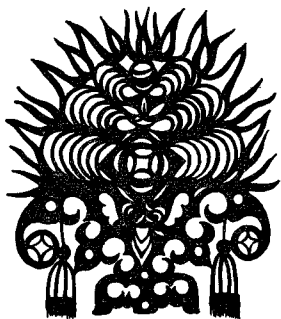

ЧЖАН ЧЖИХЭ

(741—775?)

ПЕСНЯ РЫБАКА

Виджу я — возле горы Сисайшань
белые цапли летают,
Персик цветет над текущей рекой,
окуни кружатся стайей.
Я под плащом тростниковым,
В шляпе бамбуковой новой,—
Дождь морозящий и ветер меня
челн повернуть не заставят!

ЛУ ЛУНЬ

(748—800?)

ГОРНАЯ ГОСТИНИЦА

Все выше, все выше по горной дороге,
пока наконец дошел.

Журчанье, журчанье ключа из ущелья
здесь слышно со всех сторон.

Повеяло ветром, листва расшумелась,
и где-то залаял пес...

Святящейся точкой одно строенье
сквозь темень осенних туч!

ВСТРЕЧА С ЗАБОЛЕВШИМ ВОИНОМ

Путь был долог, пока не овалила болезнь
и к концу не пришла еда.

Он домой возвращался за тысячи ли,
только дома он не достиг...

Ключья тусклых волос, несмолкаемый стон
у обломков древней стены:

Как мучительно воздух осенней порой
входит внутрь незаживших ран!

МЭН ЦЗЯО

(751—814)

НА ДРЕВНИЙ МОТИВ РАЗЛУКИ

Готова расстаться... Тяну тебя, милый, за платье.
Нынче ты, милый, едешь в какие края?
Не упрекну я, если вернешься ты поздно:
Только не езди в этот, ты знаешь, Линьцюн.

ГУЛЯЮ В ГОРАХ ЧЖУННАНЬ

Южные горы
закрыли и небо и землю,
Солнце и месяц
выходят из этих камней.
Пик высочайший
и ночью зарю сохраняет,
В глуби ущелий
и днем не увидишь лучей.
Здесь поселились
прямые и честные люди,
Трудны дороги,
но мысли просты у людей.
Ветер протяжный
свистит в кипарисах и соснах,

С шумом несется,
сотни долин подметает...
В этих ущельях
мне жалко, что книги читал я,
Каждое утро
славы летучей желая!

ПУТНИК

У матери нежной
иголка и нитка в руках:
Готовится путник
одеться в дорожный халат.

Чем ближе к прощанью,
тем чаще и чаще стежки,
И страшно: домой он
не скоро, не скоро придет...

Кто может ручаться,
что малой травинки душа
Всей мерой оплатит
за теплую ласку весны!

ЖЕНСКОЕ ЦЕЛОМУДРИЕ

Вместе прихода старости
ждут деревья утун,
Вдвоем проживут и скончаются
уточки юань-ян.
Память мужа погибшего
чистой жене дорога —
Им подобно, расстанется
с жизнью земной она.
Сердце супруги верное
невозмутимо ничем —
Влаге в глубоком колодезе
подобно сердце ее.

ЛЮЙ ВЭНЬ

(771—811)

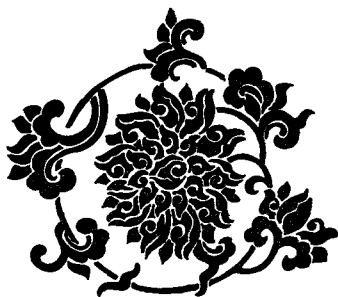
ПРИ СТУКЕ ВАЛЬКОВ

За тысячью врат
хоромы до самых туч,
И в этих местах
богатство шелковых платьев.

С осенней луной
на трижды пятую ночь
По камню вальки
стучат в столице Чанъани...

Отшельник в тиши
в большом возбужденье чувств.
Он шум услышал,
ручьями хлынули слезы.

Старик возмущен
владельцами одежд:
Неведомо им,
какой в Поднебесной холод!

ВАН ЦЗЯНЬ

(750—835)

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕПАШЦАХ

Веселы, веселы речи мужчин,
радость у женщин кругом.
Люди забыли о трудных годах,
все говорят о другом:
Пятого месяца зной миновал,
стало свежее полям,
Всюду у крыш зажужжали станки,
тянутся нити к конькам.
Коконы диких червей-шелкопрядов
нынче не трогал никто,
Листья под осень шуршат и шуршат,
бабочки вывелись там.
Если скатали шелка и пшеница
тоже на ток свезена,—
Значит, чиновники будут довольны,
подать получают сполна.
Правда, и ныне немного еды,
правда, одежда скудна,
Все-таки телка не будет на рынке
в этом году продана.
Пусть у крестьян и одежды и пищи
мало и в этом году,
Все ж они рады; к воротам уезда
нынче они не пойдут.

* * *

Ива ты, ива,
Ива ты, ива,
На отмели у причала
Под блекнувшими лучами!

Лодка уходит
В безбрежный простор
Прочь от родной земли.
Расстался с любимой
Торговый гость,
Сердце его болит.

Сердце болит,
Сердце болит...
Фазан, потеряв подругу,
Стонет в ночной дали.

(Мелодия «Дяосяолин»)

* * *

Круглый веер,
Круглый веер,
Красавица молодая
Тобой лицо прикрывает.

Три года прошло,
И поблекла совсем
Яшма румяных щек.
Потолковать
О сянь и гуань
С кем она может еще?

Сянь и гуань,
Сянь и гуань...
Позаросла весенней травой
Дорога на Чжаоян!

(Мелодия «Дяосяолин»)

ЧЖАН ЦЗИ (ЧЖАН ЦЗЫЧАН)

(768—830?)

ПЕСНЯ О СТАРОМ КРЕСТЬЯНИНЕ

Крестьянин состарился в поле и, беден,
Живет у горы с семьей.

Вспахал и засеял он горное поле —
Неполных четыре му.

На жалкие всходы такие налоги,
Что нечего есть семье.

Увозят зерно в городские амбары —
Ему там изгнать в труху.

Вот кончился год. Борона и мотыги
В сарае пустом лежат.

Послали родители мальчика в горы,
Чтоб хоть желудей собрал.

Купец на Сицзяне удачно торгует,
Везет жемчуга домой.

А в лодке добро охраняет собака.
Он мясом кормит ее.

ОСЕННИЕ ДУМЫ

Я в столице Лояне, от дома вдали,
До осеннего ветра дожил,

И сегодня большое письмо написал —
Десять тысяч раздумий моих.

Испугался я вдруг, что писал впопыхах
И чего-то еще не сказал,—

И когда мой посланец собрался идти,
Я письмо раскрываю опять.

НОЧУЮ В ДОМЕ РЫБАКА

Дом рыбака
расположен в устье реки.
Волны прилива
вбегают во двор за плетень.

Гостю проезжему
надо здесь ночь провести,
Только хозяин
еще не вернулся домой.

Гуще бамбук,—
потемнела дорога в село.
Вышла луна,—
стало меньше рыбацких челнов.

Вижу — вдали
он на берег песчаный ступил.
Ветер весенний
играет плащом травяным.

СВИРЕПЫЕ ТИГРЫ

Что юг, что север — везде в горах
под лиственным сводом тьма;
Свиные тигры средь бела дня
бродят вокруг села.

К вечеру жертву свою они
пожирают у всех на глазах;
Что юг, что север — в горах везде
олени боятся дышать.
В долине голой из года в год
все больше и больше тигрят;
Тигр с тигрицей выходят врозь,
будто не муж и жена.
В долине, вблизи от логова их,—
село на склоне холма;
Свирепые тигры из года в год
крадут у крестьян телят.
Даже улинские молодцы
не смеют в тигров стрелять;
Напрасно в рощу входят они
и на следы глядят.

ПЕСНЯ ЧЕСТНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Вы понимаете,
что я служанка мужа,
А преподносите
две светлые жемчужины.
Глубоко тронута
великой вашей страстью
И вашим жемчугом
украшу платье красное.
Мой дом возвысился
над деревьями парка,
Мой муж с копьём стоит
у трона императора.
Хоть ваша искренность
луны и солнца ярче,
Но с мужем в жизни я
и в смерти быть обязана.
Я возвращаю вам
в слезах ваш жемчуг чудный,—
Жаль, мы не встретились
до моего замужества.

ДРУГУ, ПРОПАВШЕМУ БЕЗ ВЕСТИ В ТИБЕТЕ

В позапрошлом году
ты стоял в юэчжийской твердыне.
Только вышли за стены,
как было разгромлено войско.
Из Тибета сюда
с той поры не приходит известий.
Ты живой или мертвый,
но наша разлука — надолго.
В опустелый шатер
никогда не войдет полководец.
Конь вернулся без всадника.
Знамя изорвано в клочья.
Может, ты еще жив?
Возлагаю с надеждою жертвы.
На дорогу гляжу
и не вижу дороги от слез.

ХАНЬ ЮЙ

(768—824)

КАМНИ ГОРЫ

Неровны шербатые камни,
едва заметна тропа.
Пришел я в сумерки к храму,
летают нетопыри.
Я в зале сел на ступени,
влажные от дождя.
Огромны бананов листья,
пышен гардений цвет.
Монах мне сказал: на стенах
буддийские росписи есть.
Принес огня посветить мне,—
отменное мастерство!
Циновку встряхнул для ложа,
похлебкою угостил;
Мне пищи простой довольно,
чтоб голод мой утолить.
Все тихо, лежу спокойно,
не слышен стрекот цикад.
Встал чистый месяц над кряжем,
сияние входит в дверь...
Светает. Иду на воздух.
Нигде не видно дорог.

Блуждаю кругом бесцельно,
лишь дым и туман окрест.
В сиянье алеют горы,
лазурью блещут ручьи,
И вижу: в десять обхватов
и сосны здесь и дубы.
На камни ручья спокойно
ступаю босой ногой;
Журчит вода, убегая,
мне ветер треплет халат.
При жизни такой нетрудно
возрадоваться всему —
Зачем же сидеть непременно
на привязи у других!
В одном желанье признаюсь
моим немногим друзьям:
Хочу до старости жить здесь,
отсюда не уходить!

**В ПЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ВОСЬМОЙ ЛУНЫ
ДАРИЮ ЧЖАН ГУНЦАО**

Облака подвернуты кругом,
нет Реки среди небес,
Чистый ветер дует в пустоте,
сгладил волны свет луны.
Спит вода, спят ровные пески,
образов и звуков нет.
Пьем с тобой из кубка одного —
спой мне что-нибудь, прошу.
Ты поешь — с кислинкою напев,
а слова твои горьки;
Не могу дослушать до конца —
слезы льются, словно дождь.
«С небесами высота Цзюю
сводит озеро Дунтин,
Всплыл дракон и снова вглубь нырнул,
слышны крики обезьян.
Десять жизней, девять в них смертей —
вот как выслужил я чин.
А теперь один в глуши живу,
точно скрывшийся беглец.
Покидая ложе, змей боюсь
и отравы жду в еде.

Воздух моря увлажнил червей,
мяса, крови смрад вокруг.
Пред ямынем барабан большой
бил торжественно вчера:
Новый государь у нас теперь,
Гао будет вознесен.
За день о прощении указ
десять тысяч ли прошел:
Всем, кто к казни был приговорен,
жизнь дарована была;
Возвращают ссыльных, служба ждет
всех, кто отрешен от дел,
Будет смыта грязь, сметен порок,
стихнут козни во дворце.
В списки некий чин меня вписал —
имя вымарал другой,
Не везло мне — только удалось
к варварам забраться в Цзинь.
Что судебный исполнитель? Тля!
Если жалобу подам,
То накажут палками меня
да затопчут в пыль и в грязь.
А из тех, кто начинал со мной,
в гору многие пошли...
Тяжко подыматься в высоту
по Небесному пути».
Ты окончил песню, а теперь
слушай то, что я спою,
Подарю тебе я песнь мою,
столь несхожую с твоей:
«Ночью ныне ярок лунный свет —
хватит и на целый год,
Жизнь стремится по стезе судьбы,
и другого нет пути.
Если есть вино, а ты не пьешь,
то зачем луне светить?»

ПОСЕТИВ ХРАМЫ ХЭНЬЮЭ
И ПЕРЕНОЧЕВАВ В ХРАМЕ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ,
ОСТАВЛЯЮ НАДПИСЬ НА НАДВРАТНОМ
ПАВИЛЬОНЕ

Пять гор по уставу обрядов
стоят, как гордые гуны,
Четыре горы — что стражи,
и высится Сун в середине.
Земля на Хэньюэ пустынна,
немало чудес там встретишь:
Там небо горам дарует
волшебную власть и силу.
Росою и облаками
горы половина сокрыта,
Хоть есть у нее вершина,
кто в силах ее достигнуть?
Туда я как раз приехал
во время осенних ливней.
Дух инь был угрюм и темен,
и чистый ветер не веял;
Вознес я моление сердцем,
от суеты отрешенным, —
Или неверно, что к Небу
взнесется праведный голос?
Лишь миг — и туман растаял,
и гор вершины открылись;
Взглянул я вверх: как огромен
простор пустоты лазурной!
Цыгай протянулась далеко,
пока Тяньчжу не коснулась,
Шилинь обрушилась, прянув,
и на Чжуюн навалилась.
И вдруг душа взволновалась,
я спешился поклониться,
Меж сосен и кипарисов
спешу во дворец чудесный.
Колонны алые яркие,
светятся белые стены,
Ало-сини картины
и поклоненья предметы.
Всхожу, в поклоне сгибаясь,
вручаю вино и мясо, —
Пусть эти дары ничтожны,
но искренность несомненна!

Старик премудрый во храме
желания духов знает,
Бесхитростен он и весел,
любезен к духам и гостю;
Гадательные таблички
раскинуть мне предлагает
И говорит, что выпал
мне самый счастливый жребий.
Я изгнан, как крыса, в пустыню,
но, к счастью, еще не умер,
Еды бы малость, одежды —
и здесь до смерти останусь.
Не буду вовек я князем,
сановником, полководцем —
И даже духи едва ли
доставить мне счастье могут.
Ночую в буддийском храме,
всхожу на высокую башню —
Светлы облака, и в небе
луны и звезд переливы.
Кричат обезьяны в роще,
мне слышен звон колокольный,
Холодное белое солнце
рождается на востоке.

ПЕСНЬ О КАМЕННЫХ БАРАБАНАХ

Список надписей с барабанов
мне доставил почтенный Чжан
И о каменных барабанах
попросил меня песнь сложить.
С нами больше нет Шаолина
и Отшельник Ссылный почил —
Где уж каменные барабаны
недостойному воспевать!
Когда чжоуский престол пошатнулся,
к потрясению всей страны,
Сюань-ван воспрянул во гневе
и взмахнул небесным копьем,
И в престольной палате принял
поздравленья князей и вельмож —
А у них мечи и подвески,
мерно стучаясь, пели в лад,

И пошла большая охота
на полуденном склоне Ци,
И на тысячи ли в округе
не спаслись ни птица, ни зверь.
Государь про ловитву надпись
повелел на камне иссесть,—
Барабаны творя из камня,
обтесали глыбы тогда.
Все, кто послан был, отличались
дарованьем и мастерством,
Подобрали слова усердно
и на склонах оставили их.
Ливень лил, и палило солнце,
и пылал свирепый огонь.
Существа чудесные зорко
их блюли, творя волшебство...
О, скажите, где вы сумели
этот дивный список достать?
Ни ошибок нет, ни описок,
четко виден любой волосок;
Слог отборен, но смысл глубокий
нелегко при чтенье постичь,
Начертанье письмен не схоже
ни с лишу и ни с кэдоувэнь.
Неужели можно избежать
искажений за столько лет?
Крокодила живого разом
меч стремительный разрубил.
Феникс ввысь воспарил с луанем,
все отшельники сходят с гор,
У лазурного древа с кораллом
цепко ветви переплелись,
Связь крепка золотых веревок
и железных жестких шнуров,
Буен пляс треножников древних,
и взлетает, клубясь, дракон...
Но вниманьем мелких ученых
эти надписи обделены,
Широты не хватает, право,
в Одах малых, в Одах больших.
Устремясь на запад, Конфуций
не сумел добраться до Цинь;
Взял он звезды и взял планеты,
но оставил и Си и Э.
Почему, так любящий древность,

был я слишком поздно рожден?
Я о том проливаю слезы,
бурно льются они из глаз.
Вспоминаю, будучи юным,
получил я званье боши —
Заменяли девиз правленья
той порою на Юаньхэ.
В то же время в Юфу образцово
друг мой службу ратную нес,
И со мной предложил он вместе
головастиков ямы разрыть.
Вымыл шапку, свершил омовенье
и начальнику доложил:
«Драгоценных таких сокровищ
разве много дошло до нас?
Завернем их в циновки, в войлок,
и нетрудно доставить их;
Барабанов числом десятков,
их верблюды в силах везти, —
И войдут, Гао-дину подобны,
барабаны в верховный храм.
Разве меньше будет их ценность,
коль стократно их восхвалять?
Если в Высшей школе оставить
барабаны эти велит
Совершенномудрая милость,
разберутся ученые в них, —
Вход заполнили те, что каноны
в Лебедином учат Дворе.
Вы увидите: все государство
к ним нахлынет, словно прилив.
Надо будет с них грязь отчистить,
плесень смыть, и мох соскоблить,
И, наклона не допуская,
прямо-прямо поставить их.
Осенить их большою крышей,
стены прочные возвести —
Эти древности и в грядущем
от несчастий должно беречь».
Но погрязли в наветах и кознях
все сановники при дворе
И моим словам не внимали,
околичности говоря.
Пастушата огонь высекают,
в поле буйволы точат рога, —

Кто бы ласкою их приветил,
кто погладил бы их теперь?
Солнце рушит их, луна плавит,
лягут в землю — и пропадут!
Год седьмой, обратясь на запад,
я вздыхаю, а толку нет.
Красоты полна несказанной
даже скоропись у Сичжи,
Коль отдашь немного бумажек,
то твоим будет белый гусь.
После Чжоу было восемь династий,
и усобицы прекращены,
Барабаны же ныне в забросе —
но возможно ль о них забыть?
Много дней не приходят смуты,
и царит великий покой,
Власти ныне весьма учены,
ими чтимы и Кун и Мэн,—
Если б тем, что здесь написал я,
мне внимание их привлечь!
Пусть уста рассуждают плавно,
как подвешенная река!
Песнь о каменных барабанах
завершаю на этих словах —
Но, увы, я над ней, наверно,
лишь напрасно время терял!

ЛЮ ЦЗУНЬЮАНЬ

(773—819)

РАННЯЯ ВЕСНА В ЛИНЛИНЕ

Спрошу весну
о том, когда она

Направится
отсюда в Циньюань,

Чтоб с ней послать
мои о доме сны —

Пусть хоть они
войдут в родной мне сад.

ВЪЕЗЖАЯ В ХУАНЦИ, СЛУШАЮ ОБЕЗЬЯН

Путь проходит водою,
извиваясь, тысячи ли,

Да еще обезьяны
где-то так тоскливо кричат.

Но опальный чиновник
свои слезы выплакал все,

И его не встревожит
обрывающий сердце крик.

СНЕГ НАД РЕКОЙ

Вздымается тысяча гор —
а птицы над ними летать перестали,
Лежат десять тысяч дорог —
но только следов на них больше не видно,
Лишь в лодочке старый рыбак
в бамбуковой шляпе, в плаще из соломы
Согнулся, закинув крючок,
а снег все идет, и река холодеет.

СТАРЫЙ РЫБАК

С ночи на западный темный утес
старый рыбак взошел,
Сянской воды на рассвете набрал,
чуский бамбук зажег.
Дым разлетелся, вот и заря,
нет ни души кругом,
Зелены горы и воды, в тиши
только уключин скрип.
Вижу, что к середине реки
снизился неба край,
А над утесом резво летят
легкие облака.

УТРОМ В ХРАМЕ НАСТАВНИКА ЧЖАО ЧИТАЮ БУДДИЙСКУЮ СУТРУ

Рот полощу водой колодца,
и холодно зубам.
Очищен разум, чисто сердце,
с халата пыль стряхнул.
В руках сжимаю праздно книгу
из пальмовых листов,
Восточный павильон покинул,
читаю нараспев.
Источник истинный навеки
от разума сокрыт,

По следу ложному так часто
стремятся в наши дни.
Словам оставленным, надеюсь,
нас просветить дано;
Добросердечье очень редко,
и как созреть ему?
Даосский дворик тих и мирен,
ни шороха кругом,
Сливаётся с глухим бамбуком
темно-зеленый мох.
Восходит солнце, и от влаги
тумана и росы
Как будто залил зелень сосен
густой, блестящий лак.
Во мне все тает, растворилось,
и трудно говорить...
Со мною радость просветленья —
что надо мне еще?

У РУЧЬЯ

Я долго был связан
с людьми, носящими шпильки,
Но, к счастью, сослан
к южным варварам был.
Я празден, соседи мои —
огородник да пахарь,
Порой я похож
на гостя гор и лесов.
Я утром пашу —
и трава в росе шевелится,
Бью ночью багром —
и камни в ручье звенят.
Слоняюсь бесцельно,
людей на пути не встречая,
И чуского неба лазурь
протяжно пою.

ЛЮ ЮЙСИ

(772—842)

ПРОВОЖАЮ ВЕСНУ

Ведь вчера еще только взошел на башню,
поздравляя весну с приходом,
А сегодня поднялся на башню снова,
чтобы с ней уже попрощаться...

И цветы орхидей в увядшем уборе
сбереженной росой плачут.
Ивы длинными рукавами веток
налетевшему ветру машут.

И красавица в гладком зеркале видит,
как лицо ее изменилось.
Чуский гость у речного берега знает,
что надежды его напрасны...

И за десять тысяч веков, и донныне
одинаковы те печали.
Остается вином допьяна напиться
и забыть обо всем на свете.

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Откуда же к нам
явился осенний ветер?

Со свистом, со свистом
летит за гусиной стаей...

Сегодня с утра
проник он в деревья сада,

И гость одинокий
всех раньше его услышал.

ОСЕНЬ

I

С древности самой встречали осень
скукою и печалью.

Я же скажу, что осени время
лучше поры весенней.

Светлая даль, журавль одинокий
в небе над облаками

Могут поднять мое вдохновенье
прямо к лазурным высям.

II

Ясные горы, чистые воды,
с ночи лежащий иней.

В яркой листве краснота деревьев
тронута желтизною.

Если к тому же взойти на башню,
свежесть проникнет в кости.

Это не то что дурман весенний
и от него безумье.

СКОРБЛЮ О ПОТОКЕ ГЛУПЦА

Мой друг Лю Цзунъюань, когда был сослан в Юнчжоу, нашел прекрасное место, где построил свой скромный дом, посадил огород, запрудил ручей и сделал озерко, на котором возвел беседки и башенки, и назвал все это Поток Глупца. Прошло уже три года с того времени, как не стало учителя Лю. Один буддийский монах, побывавший в Линлине, сказал мне, что Поток Глупца теперь в запустении. Когда я услышал слова монаха, меня охватила неодолимая грусть. Об услышанном мною написал я в семисловных стихах, дабы выразить свою печаль.

I

Воды потока прозрачно-чистые;
в час урочный пришла весна.

В доме отшельника нет хозяина,—
только ласточки проснуют.

Сквозь занавеску из дома виднеется
двор пустынный с густой травой,

Горный гранат, в своем одиночестве
расцветающий, как и встарь.

II

Несколько строк знаменитого мастера,
сохранившихся на стене.

Тысячью веток сад апельсиновый
окружает соседский дом.

Перед селением над воротами
с именами славных доска.

В грустном безмолвии ранних сумерек
возвращается дровосек.

Ивовый вход с бамбуковой улочки
существует и до сих пор,

Мохом зеленым и дикими травами
зарастая день ото дня.

Лишь иногда соседу захочется
на свирели здесь поиграть.

Кроме него, из былых товарищей
кто приходит сюда еще!

ВОЛНЫ ОМЫВАЮТ ПЕСОК

В девяти излучинах Хуанхэ
песку десять тысяч ли.

Ветер играющую волну
возносит до края небес.

Вверх по течению Млечный Путь —
Серебряная Река:

Пойди, поплыви — и войдешь в дома
Ткачихи и Пастуха.

ГОРОД ШИТОУ

Древняя, выжженная земля.

Горы со всех сторон.

Волны от старых развалин вспять
бегут в тишине ночной.

Вверху, на восток от реки Хуай, —
луна минувших времен.

Ночью, домой возвращаясь, плыву
под городской стеной.

УЛИЦА ЧЕРНЫХ ОДЕЖД

К мосту Малиновых Воробьев
идешь по сплошной траве.

У входа на улицу Черных Одежд
заката косой свет.

Летали ласточки возле дворцов
знатных Вана и Се,
А ныне влетают в простые дома
обыкновенных людей.

ВЕСЕННИЕ СТИХИ

В ярких румянах, свежей сурьме,
из красного вышла дворца.
Еще за глухую дверью весна,
и в блеклом саду печаль.
Тихо в восточный дворик идет
гроздь цветков считать.
На яшмовую заколку волос
спускается стрекоза.

ХРАМ ПЕРВОГО ГОСУДАРЯ СТРАНЫ ШУ

Осень тысячу раз
разоряла небо и землю,
Но поднесь уцелел
героический дух Лю Бэя.
Было царство одно,
стало три, как три ножки дина.
В царстве У, в царстве Вэй
медяки в пять чжу возродились.
Полководец бы мог
стать началом династии новой,
Только сыну его
не хватило царственной мощи.
Так прошло царство Шу.
Молодым танцовщицам шуским
Перед вэйским дворцом
танцевать для чужого грустно.

В ГОРАХ СИСАЙ ДУМАЮ О БЫЛОМ

Тяжелые корабли Ван Цзюня
идут рекою в Ичжоу.
В Цзинлине, столице свосй, властитель
поник в тоске головою.

Железные цепи на дно упали
и не преграждают дорогу.
Как знак покорности тысяча стягов
приспущена над Шитоу.
Живешь в настоящем, а сам все время
кручинишься по былому.
Узоры горных вершин, как прежде,
парят над холодной рекою.
И ныне, когда все четыре моря
вернулись к единому дому,
Забутые древние укрепления
шуршат осенней осокой.

ПЕСНИ О ВЕТКЕ БАМБУКА

I

Ветви персиков в алом цвету
небо скрыли от глаз.
Вешние воды шуской Реки
лижут подножья скал.
Алые быстро вянут цветы —
так и любовь твоя.
Но бесконечно течение вод,
точно моя тоска.

II

Зелены ивы и тополя,
реки незаметен ток.
Слышу, любимый песню запел
над гладью молчащих вод.
Солнце вокруг озарило восток,
на западе — снова дождь.
Ты говоришь, непогожий день,—
а день куда как погож!

* * *

Весна ушла,
С лоянцами простясь.
Ей на ветру
Ветвями машет ива.
Сверкнет на листьях орхидей роса,
И кажется, —
Стоят они в слезах...
И грустно на душе,
И сиротливо.

(Мелодия «Ицзяннань»)

* * *

Видны повсюду персика цветы,
От них вершина горная красна.
И Шу-река стремится с высоты,
И бьет о берег вешняя волна.

Любовь твоя — как персиковый цвет,
Что отцветет, едва лишь расцветет.
Тоске ж девичьей и предела нет,
Как нет преграды для весенних вод.

(Мелодия «Чжучжи»)

* * *

Цвет этих ив лазоревый такой,
И гладь такая безмятежных вод!
И песня раздаётся над рекой —
То вдалеке любимый мой поет.

Вот на востоке солнышко взошло,
На западе — дождь моросит едва.
Я говорю: «Светло и не светло»,
И снова повторяю те слова.

(Мелодия «Чжучжи»)

Канал Бяньшуй. Зброшенный дворец —
Привал Ян-ди для отдыха и сна.
На чахлых ивах ветки кое-где —
Взглянув на них, не веришь, что весна.

Оборванный порывом ветерка,
В вечерней мгле кружится белый цвет.
Дворец засыпан, будто весь в снегу,
И ни души во всей округе нет.

(Мелодия «Янлючжи»)

БО ЦЗЮЙИ

(772—846)

Я СМОТРУ, КАК УБИРАЮТ ПШЕНИЦУ

Приносит заботы
крестьянину каждый месяц,
А пятый и вовсе
хлопот прибавляет вдвое.

Короткою ночью
поднимается южный ветер,
И стебли пшеницы
на землю ложатся, желтеют...

Крестьянские жены
в корзинах еду проносят,
А малые дети
кувшины с водою тащат.

Одни за другими
идут по дороге к полю.
Мужчины-кормильцы
на южном холме, под солнцем.

Подошвы им ранит
дыханье земли горячей.

Им спины сжигает
огонь палящего неба.

В труде непрестанном,
как будто им зной не в тягость.
Вздыхнут лишь порою,
что летние дни так долги...

Еще я вам должен
сказать о женщине бедной,
Что с маленьким сыном
стоит со жнецами рядом

И в правой ладони
зажала поднятый колос,
На левую руку
надела свою корзину.

Вам стоит подслушать
бесхитростную беседу —
Она отзовется
на сердце печалью тяжкой:

«Все дочиста с поля
ушло в уплату налога.
Зерно подбираю —
хоть так утолить бы голод».

А я за собою
какие знаю заслуги?
Ведь в жизни ни разу
я сам не пахал, не сеял.

А все ж получаю
казенные триста даней,
До нового года
зерно у меня в избытке.

Задумаюсь только,
и мне становится стыдно,
И после весь день я
не в силах забыть об этом.

Я ОСТАНОВИЛСЯ НА НОЧЬ
В ДЕРЕВНЕ НА СЕВЕРНОМ СКЛОНЕ
ГОРЫ ЦЗЫГЭ

С утра я бродил
по склонам горы Цзыгэ,
А вечером спать
к подножью в деревню сошел.

В деревне старик
встретил радушно меня.
Он для меня
открыл непочатый кувшин.

Мы подняли чарки,
еще не пригубили их,
Свирепой толпой
наемники в дом ворвались.

В лиловой одежде.
Топор или нож в руке.
Их сразу набилось
больше десяти человек.

Схватили они
с циновки все наше вино,
И взяли они
с блюда всю нашу еду.

Хозяину дома
осталось в сторонку встать
И руки сложить,
как будто он робкий гость.

В саду у него
было дерево редкой красоты,
Что он посадил
тридцать весен тому назад.

Хозяину дома
жалко стало до слез,
Когда топором
под корень рубили ствол...

Они говорят,
что им велено строить дворец.
Они берегут
государев священный покой!

Хозяину дома
разумней всего молчать:
Начальник охраны
в большой при дворе чести.

СПРАШИВАЮ У ДРУГА

Посадил орхидею,
но полыни я не сажал.
Родилась орхидея,
рядом с ней родилась полынь.

Неокрепшие корни
так сплелись, что вместе растут.
Вот и стебли и листья
появились уже на свет.

И душистые стебли,
и пахучей травы листья
С каждым днем, с каждой ночью
набираются больше сил.

Мне бы выполоть зелье,—
орхидею боюсь задеть.
Мне б полить орхидею,—
напоить я боюсь полынь.

Так мою орхидею
не могу я полить водой.
Так траву эту злую
не могу я выдернуть вон.

Я в раздумье: мне трудно
одному решение найти.
Ты не знаешь ли, друг мой,
как в несчастье моем мне быть?

СОБИРАЮ ТРАВУ ДИХУАН

Все погибли хлеба:
не смочил их весенний дождь.
Все колосья легли:
рано иней осенний пал.

Вот и кончился год.
Нет ни крошки во рту у нас.
Я хожу по полям,
собираю траву дихуан.

Собираю траву —
для чего она мне нужна?
Может быть, за нее
мне дадут немного еды.

Чуть забрезжит свет —
и с мотыгой своей иду.
Надвигается ночь —
а корзина все не полна.

Я ее отнесу
к красной двери в богатый двор
И продам траву
господину с белым лицом.

Господин возьмет —
и велит покормить скакуна,
Чтоб лоснились бока
и от блеска светилась земля.

Я хочу в обмен
от коня остатки зерна.
Пусть они спасут
мой голодный тощий живот.

Я ВПЕРВЫЕ НА ТАЙХАНСКОЙ ДОРОГЕ

Холодное небо.
Свет зимнего солнца тусклый.
Вершина Тайхана
теряется в синей мгле.

Когда-то я слышал
об этой опасной дороге.
Сегодня и я
проезжаю один по ней.

Копыта коня,
леденя, скользят на склонах:
По петлям тропинок
тяжел для него подъем.

Но если сравнить
с крутизною дороги жизни,
Покажется эта
ровней, чем моя ладонь.

В ЖЕСТОКУЮ СТУЖУ В ДЕРЕВНЕ

В год восьмой,
в двенадцатый, зимний месяц,
В пятый день
сыплет и сыплет снег.

Кипарис и бамбук
замерзают в садах и рощах.
Как же вытерпят стужу
те, кто раздет и бос?

Обернулся, гляжу —
в этой маленькой деревеньке
На каждый десяток
восемь-девять дворов в нужде.

А северный ветер,
как меч боевой, отточен,
И ни холст, ни вата
не прикроют озябших тел.

Только греются тем,
что жгут в лачугах репейник,
И печально сидят
всю ночь, дожидаясь дня.

Кто же не знает,
что в год, когда стужа злее,

У бедного пахаря
больше всего невзгод.

А взгляну на себя —
я в это самое время
В домике тихом
затворяю наглухо дверь.

Толстым халатом
накрываю шелк одеяла.
Сяду ли, лягу —
вволю теплом согрет.

К счастью, меня
миновали мороз и голод.
Мне также неведом
на пашне тяжелый труд.

Но вспомню о тех,
и мне становится стыдно:
Могу ль я ответить —
за что я счастливей их?

Я СШИЛ СЕБЕ ТЕПЛЫЙ ХАЛАТ

Холст из Гуэй
бел, точно свежий снег.
Вата из У
нежнее, чем облака.

И холст тяжелый,
и ваты взят толстый слой.
Сшили халат мне —
вот уж где теплота!

Утром надену —
и так сижусь дотемна.
Ночью накроюсь —
спокойно сплю до утра.

Я позабыл
о зимних морозных днях:
Тело мое
всегда в весеннем тепле.

Но как-то среди ночи
меня испугала мысль.
Халат я нащупал,
встал и заснуть не мог:

Достойного мужа
заботит счастье других.
Разве он может
любить одного себя?

Как бы добыть мне
халат в десять тысяч ли,
Такой, чтоб укутать
люди всех четырех сторон?

Тепло и покойно
было бы всем, как мне,
Под нашим бы небом
не мерз ни один бедняк!

ИЗ «ЦИНЬСКИХ НАПЕВОВ»

В годы Чжэнъюань и Юаньхэ я жил в Чанъани. Среди слышанного и виденного мною было много печального. Я сочинил стихи об этом и назвал их «Циньские напевы».

В ТОНКИХ ОДЕЖДАХ НА СЫТЫХ КОНЯХ

Какая осанка —
величием путь запружен.
Под седлами кони —
их блеск озаряет пыль.

«Скажите на милость,
откуда такие люди?»
И мне отвечают:
«Они состоят при дворе.

С подвесками красными
мчатся вельможи дафу;
С лиловыми — это
спешат полководцы вслед.

Надменные, едут
они на военный праздник.
Их борзые кони
несутся, как облака...

В кувшинах и чашах
вино девяти брожений.
И с моря и с суши
там восемь отборных яств.

Лежат в изобилье
дунтинские апельсины.
Тончайше нарезана
рыба «Небесных вод».

Они наедятся —
сердца их будут спокойны.
Они охмелеют —
сильней распалится дух...»

Нынешним летом
в Цзяннани случилась засуха.
В селах Цюйчжоу
люди едят людей.

ПЕСНИ И ПЛЯСКИ

К Циньской столице
приблизился вечер года.
Снегом глубоким
укрыт государев город.

В снежную мглу
вышли из зал дворцовых
В лиловом и красном
вельможи — гуны и хоу.

Для знатного есть
в ветре и в снеге радость.
Богатый не знает,
как стужа и голод тяжки.

В думах у них —
устроить свои хоромы.

Желанье одно —
безделье делить с друзьями.

У красных ворот
верхом и в колясках гости.
При ярких свечах
песни и пляски в доме.

Упившись вином,
теснее они садятся.
Пьяным тепло —
снимают тяжелое платье.

Блюстителю законов
сегодня хозяин пира.
Тюремный начальник
среди приглашенных первый.

Средь белого дня
они за вином смеются
И ночью глубокой
прервать веселья не могут...

Что им до того,
что где-то в тюрьме в Вэньсяне
Лежат на земле
замерзших узников трупы!

ПОКУПАЕМ ЦВЕТЫ

На столичных путях
наступает закат весны.
Грохоча-стуча,
там коляски, кони спешат.

Говорят друзья,
что пионам пришла пора.
И один за другим
все идут покупать цветы.

Не равны цветы,
и цена цветам не одна:
Нам считают то,
сколько собрано вместе их.

Пламенеют огнем —
красных сто на одном кусте;
Чуть заметно мелькнут —
белых пять в небольшом пучке.

Их поверху закрыл
полотняный плотный навес.
Оградил с боков
из бамбука сплетенный забор.

Их смочили водой,
залепили корни землей.
Принесешь к себе —
расцветут, как в родном саду.

В каждом доме у нас
так цветы в обиход вошли,
Что любой человек
отдается им всей душой.

Как-то раз один
деревенский простой старик
По ошибке забрел
на роскошный рынок цветов.

Ничего не сказав,
испустил он глубокий вздох.
Этот тяжкий вздох
никого не привлек в толпе...

«За один пучок
темно-красных свежих цветов —
Десяти дворов
деревенских семей налог!»

...Для описания государя, чиновников, народа, вещей и событий сделано это,— не для литературной забавы.

ДУЛИНСКИЙ СТАРИК

Страдания крестьянина

Дулинский старик, крестьянин,
живет за столицей в деревне.

Он нынче засеял тощее поле
площадью больше цина.

В третий месяц дождь не пролился,
поднялся засушливый ветер.
Всходы пшеницы не покрылись цветами,
много их, пожелтев, погибло.

В девятый месяц пал белый иней,
поторопился осенний холод.
Колосья зерном не успели налиться —
все они, не созрев, засохли.

Старший сборщик все это знает,
но не просит снизить поборы.
За податью рыщет, налоги тянет,
чтоб видали его старанье.

Заложены туты, продано поле,
внесена тяжелая подать.
Ну а дальше — одежду и пищу
где найдет разоренный крестьянин?

«С наших тел
сдирают последний лоскут!
Из наших ртов
вырывают последний кусок!

Терзают людей, отбирают добро
шакалы и злые волки!
Почему эти крючья-когти, почему эти пилы-
зубы
пожирают людское мясо?»

И все же какой-то человек нашелся,
доложил обо всем государю.
В душе государя состраданье и жалость —
он узнал о муках народа.

На листе казенной белой бумаги
начертал он ответ свой добрый:
«В столичной округе вносить не надо
никому в этот год налоги».

И уже вчера деревенский чиновник
от ворот подходил к воротам
И, держа в руках указ государя,
объявлял деревенским людям.

Но на каждые десять дворов в деревне
с девяти уже все взыскали.
Ни к чему теперь для них оказалась
господина нашего милость!

СТАРЫЙ УГОЛЬЩИК

Против дворцовых «закупок»

Старый торговец углем
рубит дрова, обжигает уголь
в предместье у Южных гор.

Пыль и зола в его кожу въелись,
дым закоптил лицо.
От нитей седых виски его серы,
от сажи пальцы черны.

Деньги за проданный людям уголь
что старику дадут?
Простое платье на голое тело,
пищу в голодный рот.

Жалко его — на плечи накинута
рваный летний халат.
Он огорчен — дешевет уголь.
Скорей бы пришла зима!

Вот наконец за городом ночью
выпал глубокий снег.

Утром запряг он быка в телегу,
повел по скользкому льду.

Угольщик голоден, бык измучен,
а солнце уже высоко.

К югу от рынка, перед заставой,
встали они в грязи.

Кто эти двое всадников гордых,
что вскачь принесли сюда?
В желтой одежде евнух дворцовый,
в белой — мальчик-слуга.

Держит чиновник в руке бумагу,
у него на устах приказ.

Воз повернули, быка погнали,
на север к дворцу ведут.

Весом больше тысячи цзиней
угля тяжелый воз
В зимнее утро чиновник отнял —
ему бедняка не жаль.

Красного шелка один обрывок,
еще атласа кусок
К ярму быка привязал чиновник —
и тем заплатил за все!

ВО ДВОРЕ ПРОХЛАДНОЙ НОЧЬЮ

Роса на циновке —
и капли ее как жемчуг.

Мой полог под ветром —
и тень его словно волны.

Сижу я печальный —
с деревьев листва слетает.

В садовой беседке
так много луны сегодня.

РАННЕЙ ОСЕНЬЮ НОЧЬЮ ОДИН

Утун у колодца
колышет прохладной листвою.

Валек у соседки
разносит осенние стуки.

Один направляюсь
я спать под нависшую кровлю.

Проснулся и вижу:
луны — половина постели.

В ЗАПРЕТНОМ ГОСУДАРЕВОМ ДВОРЦЕ

Вход воспрещен,—
недвижны все девять врат,

Окна тихи,—
свободна зала одна.

Лучше всего
воспитывать сердце здесь,

Незачем жить
вдали от людей, в горах!

СНЕЖНОЙ НОЧЬЮ В ДЕРЕВНЕ

Окно на юг —
сичу спиною к лампе,

Под ветром хлопья
кружатся во тьме.

В тоске, в безмолвье
деревенской ночи

Отставший гусь
мне слышится сквозь снег.

НАВЕЩАЮ СТАРОЕ ЖИЛИЩЕ ПОЧТЕННОГО ТАО

Я с давних пор люблю Тао Юаньмина. В прежние годы, когда я не был занят службой и жил на реке Вэй, я написал шестнадцать стихотворений в подражание Тао. Теперь, посетив Лушань, побывав в Чайсане и в Лили, думая об этом человеке и навестив его жилище, я не могу молчать и снова пишу стихи.

Самой страшною грязью
осквернить невозможно нефрит.
Фэн, волшебная птица,
пищи, салом смердящей, не ест...

О «спокойный и чистый»,
нас покинувший Тао Цзинцзе,
Жизнь твоя охватила
гибель Цзинь и восшествие Сун.

Глубоко в своем сердце
ты хранил благородную мысль,
О которой устами
людям прямо поведать не мог.

Но всегда поминал ты
сыновей государя Гучжу,
Что, одежду очистив,
стали жить на горе Шоюан.

Бо и Шу, эти братья,
оказались на свете одни,
И мучительный голод
их поэтому и не страшил.

У тебя ж, господин мой,
в доме выросло пять сыновей,
И они разделяли
нищету и несчастья с тобой;

И в семье твоей бедной
никогда не хватало еды,
И на теле носил ты
весь в заплатках потертый халат.

Ко двору приглашали,
но и там ты служить не хотел.
Вот кого мы по праву
настоящим зовем мудрецом!

Я на свет появился,
государь мой, намного позднее:
Пролегли между нами
пять столетий, пять долгих веков,

Но когда я читаю
«Жизнь под сенью пяти твоих ив»,
Я живым тебя вижу
и почтительно внемлю тебе.

Как-то в прежнее время,
воспевая заветы твои,
«В подражание Тао»
сочинил я шестнадцать стихов.

Наконец я сегодня
навещаю жилище твое,
И мне кажется, будто
и сейчас ты находишься в нем...

Не за то ты мне дорог,
что любил, когда в чаше вино,
Не за то ты мне дорог,
что на цине бесструнном играл.

То всего мне дороже,
что, корыстную славу презрев,
Ты на старости умер
среди этих холмов и садов!

А Чайсан, как и прежде,
с деревенькой старинной, глухой.
А Лили, как и раньше,
под горою, у той же реки.

Я уже не увидел
под оградой твоих хризантем,
Но еще задержался
в деревнях расстилавшийся дым.

О сынах и о внуках
мир хотя не узнал ничего,
Но донныне потомки
с мест, обжитых тобой, не ушли;

И когда я встречаю
с добрым именем Тао людей,
Снова каждая встреча
расставаньем пугает меня!

В СЕВЕРНОЙ БЕСЕДКЕ ПРОВОЖУ НОЧЬ

В немой тишине
у прохладной стены кровать.

За шелком цветным
догорающая свеча...

И ночь настает, —
я один в беседке лежу,

А чудится мне,
что я в храме буддийском сплю.

ЗОВУ ВОСТОЧНОГО СОСЕДА

В малую чашу
будет вино налито,

На свежей циновке
можно постель устроить.

Ты не придешь ли
ночь скоротать в беседе?

Ведь скоро на берег
холод осенний ляжет.

ЦИНЬ

Мой цинь я поставил
на тонкий изогнутый столик.

Я ленью охвачен,
а чувства теснятся во мне.

Какая забота
мне струны тревожить рукою?

Их ветер ударит —
и сами они запоют.

МОИ ЧУВСТВА ПОСЛЕ ПРОЩАНИЯ С ЮАНЕМ ДЕВЯТЫМ

Горечь тоски
в дожде среди листьев туна.
Веет уныньем
ветер в отцветшем цзине.

О, как грустна
начальной осени дума,
Что возникает
в тихом уединенье.

Если еще
добавить разлуку с другом,
Тут уж и вовсе
нет на душе веселья...

Не говори:
«Меня провожать не надо».
Сердце идет
с тобой к городским воротам.

Разве друзей
чем больше, тем они лучше?
Было бы только
с ними во всем единство.

С сердцем моим
один человек уходит.
Я ощущаю
город Чанъань пустыней.

НА ДОРОГЕ ЗА СТАРОЙ ЗАСТАВОЙ

Горы и реки
на этой Ханьгуской дороге.

Пылью покрыты
у едущих путников лица.

Тягостно-грустно
с родной стороной расставаньё...

Ветер осенний
поднялся из древней заставы.

СМОТРЮСЬ В ЗЕРКАЛО

Чист и блестящ
круг бронзовый, зеркальный.

Рябят-пестрят
виски от белых нитей.

Да можно ли
упрятать глубже годы?

Моим летам
ты, зеркало, не веришь!

ПЕРЕД НОЧНЫМ ДОЖДЕМ

Сверчок предрассветный
кричит и опять затихает.

Свеча, угасая,
то меркнет, то снова светлеет.

За окнами ночью
дождя узнаю приближенье:

В банановых листьях
рождаются первые звуки.

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Так листья шумят
и падают, словно дождь.

И светит луна,
как иней, совсем бела.

И ночь глубока,—
я только собрался лечь.

Найдется ли кто
смахнуть мне с кровати пыль?

ПРОВОЖАЮ ВЕСНУ

В третьем месяце года
на последний, тридцатый день
Нас весна покидает
и опять вечереет день.

Опечаленный этим,
я весенний ветер спросил:
«Значит, ветер, ты завтра
с нами больше не будешь жить?»

И, весну провожая
над Цюйцзяном на берегу,
Я с тоской и с любовью
мир оглядываю вокруг.

Но одно лишь я вижу —
как устлали воду цветы,
Как повсюду, повсюду
так их много, что их не счесть...

Человек в своей жизни
словно странник в спешном пути,
Он идет шаг за шагом,
забывая передохнуть.

Каждый день он шагает
по дороге, что перед ним.
Перед ним же дорога
как протянется далеко?

Беспорядки и войны,
да и воду, да и огонь —
Те несчастья всё можно
побороть иль от них бежать.

От единственной только
дряхлой старости, как придет,
В человеческом мире
не укроешься никуда...

И, взволнованный мыслью,
я задумался о себе,
Прислонившись в безлюдье
молча к дереву у воды.

Это чувство, с которым
проводил сегодня весну,
Это чувство — как будто
я расстался с другом моим.

ИДУ НОЧЬЮ ПОД РЕДКИМ ДОЖДЕМ

Все небо укрыв,
осенние тучи нашли.

Подкравшись во мгле,
явился холод ночной.

Лишь чувствую, как
халат на мне отсырел,

А капель дождя
и шума их тоже нет.

НОЧНОЙ СНЕГ

Я вдруг просыпаюсь —
постель холодна, как лед.

Глаза открываю —
бумага окна светла.

Глубокая полночь...
Наверное, снег тяжел:

Я слышу порою —
ломаясь, хрустит бамбук.

**ВМЕСТЕ С САНОВНИКОМ-ШИЛАНОМ ХАНЕМ
ГУЛЯЕМ НА ОЗЕРЕ СЕМЬИ ЧЖЭНОВ,
ПОЕМ СТИХИ, ПЬЕМ ВИНО**

У берега лодка
всего на трех человек.
Вечерние воды
без плеска, тихо текут.

Мы неторопливо
за весла сели вдвоем.
Нам озеро словно
речной и морской простор.

Дождем накануне
прибило песок и пыль.
И ветер сегодня
развеял дым и туман.

Закатное солнце
горит высоко в ветвях,
И листья бамбука
блестят с последним лучом.

Мы, собственно, с Ханем
случайно сюда пришли,
Однако природа
как будто нас и ждала.

И белые чайки
в испуге не поднялись,
Зеленые травы
припали к нашим рукам...

Хотя не хватает
уже зубов и волос,
Пыл юности прежний
пока не покинул нас.

Поэзию встретить
и с чаркой вина побыть
Еще, не скудея,
в душе настроенье есть.

ЛУНА НА ЧУЖБИНЕ

Гость недавно
пришел из Цзяннани к нам.
В ночь прихода
месяц рождался вновь.

В странах дальних,
где путник долго бродил,
Трижды видел он
чистый и светлый круг.

Утром вслед
за ущербной луною шел,
Ночью рядом
с новым месяцем спал.

Чьи это сказки,
что нет у луны души?
Тысячи ли
разделяла невзгоды с ним!

Утром встанет
на мост над рекою Вэй,
Ночью выйдет
на старый Чанъаньский путь.

Разве скажешь,
еще у кого в гостях
Этой ночью
будет светить луна?

ВЕЧНАЯ ПЕЧАЛЬ

Был один государь. Он, красавиц любя,
«покорявшую страны» искал.
Но за долгие годы земле его Хань
не явилась подобная вновь...

Вот и девочке Янов приходит пора
встретить раннюю юность свою.
В тайне женских покоев растили дитя,
от нескромного взора укрыв.

Красоту, что получена в дар от небес,
разве можно навек запереть?
И однажды избрали прелестную Ян
самому государю служить.

Кинет взгляд, улыбнется и сразу пленит
обаяньем родившихся чар
И с дворцовых красавиц румяна и тушь
словно снимет движеньем одним.

Раз прохладой весенней ей выпала честь
искупаться в дворце Хуацин,
Где источника теплого струи, скользя,
омывали ее белизну.

Опершись на прислужниц, она поднялась —
о, бессильная нежность сама!
И тогда-то впервые пролился над ней
государевых милостей дождь.

Эти тучи волос, эти краски ланит
и дрожащий убор золотой...
За фужуновым пологом в жаркой тиши
провели ту весеннюю ночь.

Но, увы, быстротечна весенняя ночь,—
в ясный полдень проснулись они.
С той поры государь для вершения дел
перестал по утрам выходить.

То с любимым вдвоем, то при нем на пирах,
от забот не уйдет ни на миг,
И в весенней прогулке всегда она с ним,
и ночами хранит его сон.

Их три тысячи — девушек редкой красоты —
было в дальних дворцах у него,
Только ласки, что им предназначены всем,
он дарит безраздельно одной.

В золотой она спальне украсит себя,—
с нею, нежной, пленительней ночь.
А в нефритовой башне утихнут пиры,—
с нею, пьяной, милее весна.

Многочисленным сестрам и братьям ее
во владение земли он дал,
И завидного счастья немеркнувший свет
озарил их родительский дом.

И уже это счастье под небом у нас
для отцов с матерями пример:
Их не радует больше родившийся сын,
все надежды приносит им дочь...

Высоко вознесенный Лишаньский дворец
упирался в небесную синь.
Неземные напевы, с ветрами летя,
достигали пределов страны.

Песни тихий напев, танца плавный полет,
шелк струны и свирели бамбук...
Целый день государь неотрывно глядел,
на нее наглядеться не мог...

Загремел барабана юйянского гром,
затряслась под ногами земля.
Смолк, изорван «Из радуги яркий наряд,
из сверкающих перьев убор».

Девять врат во дворцы государя вели,
дым и пыль их закрыли от глаз.
Это тысячи всадников и колесниц
держат путь в юго-западный край.

Шевелятся драконы расшитых знамен —
и идут. И на месте стоят.
От столицы на запад они отошли
за сто ли. И недвижны опять.

Непреклонны войска. Но чего они ждут,
что заставит в поход их пойти?
Брови-бабочки — этого ждали они —
наконец перед ними мертвы!

Наземь брошен цветной драгоценный убор,
не украсит ее никогда
Перьев блеск изумрудный, и золото птиц,
и прозрачного гребня нефрит.

Рукавом заслоняет лицо государь,
сам бессильный от смерти спасти.
Обернулся, и хлынули слезы и кровь
из его пострадавших глаз...

Разнося над селеньями желтую пыль,
вечный ветер свистит и шумит.
Там мосты и тропинки, кружа в облаках,
ввысь ведут до вершины Цзяньгэ.

Под горою Эмэй там, в долине пустой,
проходящих не видно людей.
Боевые знамена утратили блеск,
и тусклее там солнечный свет.

Край тот Шу — с бирюзовыми водами рек
и вершинами синими гор.
Мудрый наш властелин там в изгнание ни днем
и ни ночью покоя не знал.

Бередящее душу сияние луны
видел он в отдаленном дворце.
Все внутри обрывающий звон бубенцов
слышал он сквозь ночные дожди...

С небесами земля совершила свой круг.
Возвращался Дракон-государь.
Подъезжая к Мавэю, поник головой
и невольно коня придержал.

Здесь, в Мавэе, под памятным этим холмом,
на сырой этой грязной земле
Как узнает он место, где яшмовый лик
так напрасно похитила смерть?

Друг на друга властитель и свита глядят,
их одежда промокла от слез,
И к воротам столицы они на восток
едут дальше, доверясь коням.

Воротились в Чанъань. Вид озер и садов
все такой же, как в прошлые дни,
И озерный фужун, как всегда, на Тайи,
те же ивы в Вэйянском дворце.

Как лицо ее нежное — белый фужун,
листья ивы — как брови ее.
Все как было при ней. Так достанет ли сил
видеть это и слезы не лить?

Снова веснами персик и слива цветы
раскрывали под ветром ночным.
Вновь осенний утун с опадавшей листвой
расставался под долгим дождем.

Государевы южный и западный двор
зарастали осенней травой.
На ступени опавшие листья легли,
и багрянца никто не сметал.

У певец, что прославили «Грушевый сад»,
в волосах белый снег седины,
Для прислужниц, заполнивших Перечный дом,
юных лет миновала весна.

К ночи в сумрачных залах огни светлячков
на него навевали печаль,
И уже сиротливый фонарь угасал,
сон же все не смежал ему век.

Не спеша, не спеша отбивают часы —
начинается длинная ночь.
Еле светится-светится в небе Река,
наступает желанный рассвет.

Стынут в холоде звери двойных черепиц.
Как приникший к ним иней тяжел!
Неуютен расшитый широкий покров.
Кто с властителем делит его?

Путь далек от усопших до мира живых.
Сколько лет, как в разлуке они,
И ни разу подруги погибшей душа
не вошла в его тягостный сон...

Из Линьцюна даос, знаменитый мудрец,
    пребывавший в столице в тот век,
Чист. был сердцем и высшим искусством владел
    души мертвых в наш мир призывать.

Возбудил сострадание в нем государь
    неизбывной тоскою по ней,
И, приказ получив, приготовился он
    волшебством государю помочь.

Как хозяин пустот, пронизав облака,
    быстрой молнией он улетел.
Был и в высях небес, и в глубинах земли,—
    и повсюду усердно искал.

В вышине он в лазурные дали проник,
    вглубь спустился до желтых ключей,
Но в просторах, что все распахнулись пред ним,
    так нигде и не видел ее.

Лишь узнал, что на море, в безбрежной дали,
    есть гора, где бессмертных приют.
Та гора не стоит, а висит в пустоте,
    над горою туман голубой.

Красоты небывалой сияют дворцы,
    облака расцветают вокруг,
А в чертогах прелестные девы живут,—
    молодых небожительниц сонм.

Среди этих бессмертных есть дева одна,
    та, чье имя земное Тайчжэнь,
Та, что снега белее и краше цветка,
    та, которую ищет даос.

Видя западный вход золотого дворца,
    он тихонько по яшме стучит.
Он, как в старой легенде, «велит Сяюю
    доложить о себе Шуянчэн».

Услыхала о том, что из Ханьской земли
    Сыном Неба к ней прислан гонец,
И за пологом ярким тотчас ото сна
    пробудилась в тревоге душа.

Отодвинув подушку и платье схватив,
чуть помедлила... бросилась вдруг,
И завесы из жемчуга и серебра
раскрывались послушно пред ней.

Уложить не успела волос облака
в краткий миг, что восстала от сна.
Сбился наспех надетый роскошный убор.
В зал сошла, где даос ее ждет.

Ветер дует в бессмертных одежд рукава,
всю ее овевает легко,
Словно в танце «Из радуги яркий наряд,
из сверкающих перьев убор».

Одиноко-печален нефритовый лик,—
плачет горько потоками слез
Груши свежая ветка в весеннем цвету,
что стряхнула накопленный дождь.

Скрыв волненье, велит государю сказать,
как она благодарна ему:
«Ведь за время разлуки ни голос, ни взгляд
не пронзали туманную даль.

В Осиянном чертоге, где жил государь,
прервалась так внезапно любовь.
На священном Пэнлае в волшебном дворце
долго тянутся длинные дни.

А когда я смотрю на покинутый мной
там, внизу, человеческий мир,
Я не вижу столицы, Чанъани моей,
только вижу я пыль и туман.

Пусть же вещи, служившие мне на земле,
скажут сами о силе любви.
Драгоценную шпильку и ларчик резной
государю на память дарю.

Но от шпильки кусочек себе отломлю
и от ларчика крышку возьму».
И от шпильки кусочек взяла золотой,
в платье спрятала крышку она:

«Крепче золота, тверже камней дорогих
пусть останутся наши сердца,
И тогда мы на небе иль в мире людском,
будет день, повстречаемся вновь».

И, прощаясь, просила еще передать
государю такие слова
(Содержалась в них клятва былая одна,
два лишь сердца и знало о ней):

«В день седьмой это было, в седьмую луну,
мы в чертог Долголетия пришли.
Мы в глубокую полночь стояли вдвоем,
и никто не слышал наших слов:

Так быть вместе навеки, чтоб нам в небесах
птиц четой неразлучной летать.
Так быть вместе навеки, чтоб нам на земле
раздвоенною веткой расти!»

Много лет небесам, долговечна земля,
но настанет последний их час.
Только эта печаль — бесконечная нить,
никогда не прервется в веках.

ПЕВИЦА (ПИПÁ)

В десятый год времени Юаньхэ я был сослан на должность сымá в область Цзюцзян. Осенью следующего года я в Пэньпукоу провожал гостя. Мы услышали, — это было ночью, — как в лодке среди реки под чьей-то рукой зазвучала пипá. Прислушались к ее голосу и в этих ее «чжэн-чжэн» различили чанъаньский напев. Мы захотели узнать, кто играет. Это оказалась женщина из столичных певиц. Она училась игре у прославленных Му и Цао. С годами потеряла былую красоту и пошла в жены к торговцу. Я велел приготовить вино и яства для пиршества и попросил ее сыграть те несколько вещей, что больше всего ей по сердцу. Кончила играть, и в наступившей печальной тишине сама рассказала нам о радостях юных лет своих, о том, как теперь она изнурилась в скитаниях — так вот и кружит все время среди рек и озер. Второй год находился я здесь после отъезда моего из столицы, и успокоился на этом,

и уже удовольствовался этим. Взволнованный словами женщины, в тот вечер впервые остро ощутил я свою долю ссыльного. И я сочинил семисловные стихи в старинном духе, пропел их и подарил ей. Всего в стихах шестьсот двенадцать слов. Называются они «Пипá».

Мы там, где Сюньяна берег крутой,
    прощаемся ночью с гостем.
На кленах листва и цветы камыша
    шуршат под осенним ветром...

Хозяин сошел у причала с коня,
    за гостем садится в лодку.
И подняты чарки, и выпить пора,—
    сюда бы гуань и струны!

Но нам не приносит веселья хмель:
    гнетет нас близость разлуки.
В минуту прощанья бескрайней волной
    река луну затопила.

Мы слышим, как вдруг над простором вод
    пропела пипá знакомо.
Хозяину жаль возвращаться домой,
    и гость забыл о дороге.

И ловим мы звуки, готовы спросить:
    «Кто в лодке играет, скажите?»
Замолкла пипа, и опять тишина,
    и мы спросить не успели.

Но мы уже стали бортом к борту,
    к себе приглашаем в гости,
Подлил я вина, прибавил огня,
    и пир начинаем новый.

На наш многократный и долгий зов
    она наконец явилась.
Безмолвна в руках у нее пипа,
    лицо ее полускрыто.

Колки подвернула, рукой до струн
    дотронулась, дав звучанье.
Еще и напева-то, собственно, нет,
    а чувства уже возникли.

Пока еще глухо струны поют,
в их каждом звуке раздумье,
Так, словно пойдет о жизни рассказ,
в котором счастья не будет.

Глаза опустила и, вверясь руке,
играет она, играет,
О том, что на сердце у ней лежит,
нам все без утайки расскажет.

Струну прижимает и гладит струну,
то книзу, то кверху ударит.
Сыграла «Из радуги яркий наряд»,
«Зеленый пояс» играет.

И толстые струны «цао-цао» шумят,
как злой, торопящийся ливень,
И тонкие струны «тье-тье» — шелестят,
как нежный, доверчивый шепот.

«Цао-цао» — шумят, шелестят — «тье-тье»,
сплетя воедино все звуки,
И крупных и мелких жемчужин град
гремит в нефритовом блюде.

Щебечущей иволги милая речь
скользит меж дерев расцветших.
Во тьме захлебнувшийся чистый родник
бессилен сквозь лед пробиться.

И лед запирает движение воды,
и нет их, застыли струны,
И струны застыли, как будто их нет,
молчанье на миг настало.

А в нем притаившаяся печаль,
невысказанная досада.
Да, это молчание в этот миг,
пожалуй, сильнее звучанья...

Внезапно серебряный треснул кувшин,
на волю стремится влага.
Вдруг всадник в железных латах летит,
мечом и копьём громыхая.

Пластину, которой играет, она
поставила посередине.
Кончается песня. Четыре струны
невидимый шелк разорвали.

И в лодках недвижных, в одной и в другой,
царит тишина немая...
Мы видим, как в лоне осенней реки
белеет луны сиянье.

Молчит. И пластину от струн отняла
и снова меж струн вонзила.
По складкам на платье рукой проведя,
с почтением строгим встала.

И так начинает: «Я родилась
в столице нашей Чанъани.
Мы жили — вы знаете Хамалин? —
в веселом этом предместье.

Мне было тринадцать, когда вполне
игрою я овладела.
В дворцах, где искусствам учили нас,
слыла я одной из первых.

Сыграю, и сразу же ждет меня
восторг игроков известных.
Украшусь, и вслед поднимается мне
певиц знаменитых зависть.

Улинские юноши наперебой
мне ткани преподносили.
За каждую песню багряным шелкам
я счета уже не знала.

Поклонники сколько гребенок моих
сломали, стуча под напевы.
На скольких юбках из алой парчи
следы от вина остались.

Веселье и смех заполняли год,
другой наступал похожий.
Осенние луны и ветры весны
бездумные проносились.

С врагом воевать отправился брат,
а вскоре сестры не стало.
На смену ночам восходила заря,
моя красота поблекла.

И меньше людей у моих ворот,
и конь оседланный реже...
И я, постарев, согласилась пойти
к торговому гостю в жены.

Торговому гостю прибыль важна,
легка для него разлука,
И в месяце прошлом еще в Фулян
он чай покупать уехал.

А я по реке вперед и назад
в пустой разъезжаю лодке,
И светлой луны, и речной воды
меня окружает холод.

Когда же глубокой ночью мне вдруг
приснятся юные годы,
Я плачу во сне, по румянам текут
ручьями красные слезы...»

Когда нас тревожила пеньем пипа,
уже я вздыхал невольюно.
А тут еще этот ее рассказ,—
и я не сдержу стенаний.

Мы с нею сродни: мы у края небес
затеряны и забыты.
И мы повстречались; так нужно ли нам
заранее знать друг друга!

«Прошел уже год с той поры, как я
покинул столичный город,
И в ссылке живу, и в болезнях лежу
вдали от него, в Сюньяне.

Сюньян — городок захолустный, глухой,
ни музыки в нем, ни пенья.
Я за год ни разу здесь не слышал
шелк струн и бамбук гуаня.

Живу на Пэньцзяне, у самой реки,
в сырой туманной низине.
Лишь горький бамбук да желтый тростник
одни мой дом окружают.

С утра и до вечера в этих краях
что мне достается слышать?
Кукушки надрывный, до крови, плач
да крик обезьян тоскливый.

В цветущее ль утро весной на реке
иль в ночь под осенней луною —
Всегда я с собою беру вино
и сам себе наливаю.

Да разве здесь песен в народе нет
и ди — деревенских дудок?
Бессвязно, сумбурно они поют,
мне их мучительно слушать.

Сегодня же ночью нам пела пипа,
и говор ее я слышал
Так, словно игре бессмертных внимал,—
мне песни слух прояснили.

Прошу госпожу не прощаться, сесть,
игрой порадовать снова,
А я госпоже посвящу напев,—
пускай он «Пипа» зовется...»

Растрогалась этой речью моей
и долго она стояла.
И села, и струны рванула рукой,
и струны заторопились.

И ветер, и стужа, и дождь в них — не те,
не прежних напевов звуки.
Все слушают снова и плачут — сидят,
закрыв рукавами лица.

Но все-таки кто из сидящих здесь
всех больше, всех горше плачет?
Цзянчжоуский сыма — стихотворец Бо
одежду слезами залил.

В ОСЕННИЙ ДОЖДЬ ДАРИЮ ЮАНИЮ ДЕВЯТОМУ

Я не вытерплю красных опавших листьев,
почерневший мох на земле,

Да к тому еще долгий холодный ветер,
не стихающий дождь с небес.

Удивляться не надо, в стихах услышав
только горечь осенних дум:

По сравнению с тобой я все-таки ближе
к ждущим нас годам седины.

В ХРАМЕ ХУАЯНГУАНЬ ВО ВРЕМЯ ЦВЕТЕНИЯ ПЕРСИКА ПРИГЛАШАЮ ЛИ ШЕСТОГО ВЫПИТЬ ВИНА

В даосском храме Хуаянгуань
волшебный персик расцвел.

Возьмем вина, поглядим на цветы,
чтоб в сердце покой вселить.

Как можно во время цветенья нам
не выпить с тобой вдвоем?

Ведь завтра уже, послезавтра уже
все ветви будут пусты.

ВТОРЮ СТИХАМ ДРУГА О ВЕСЕННИХ ЧУВСТВАХ В ЛОЯНЕ

Ты не печалься, когда в Цзиньгуском
саду стоишь под луной.

И ты не вздыхай, когда на Тяньцзиньском
мосту встречаешь весну:

Если ты множеством чувств охвачен
и полон о прошлом дум,

Какой уголок в человеческом мире
не ранит твоей души!

**РАССТАЮСЬ С ВЭЕМ,
ПРАВИТЕЛЕМ СУЧЖОУ**

Наша сотня годов
миновала в печалях одних.

Десять тысяч всех чувств
к нам с тобой приходили в хмелю.

В безутешной тоске
расстаемся на запад от стен

И печальных бровей
никогда уже не разомкнем.

НОЧЮЮ В ДОМЕ ЯНОВ

Оба брата, и старший и младший Яны,
опьянев, улеглись и спят.

Я накинул халат, и встаю с постели,
и по лестнице вниз иду.

И в глубокой ночной тишине безмолвно
я стою посреди двора,

Где сияет луна над цветами тэна,
надвигая тень на крыльцо.

**СНОВА ПО СЛУЖЕБНЫМ ДЕЛАМ
ПРИЕХАЛ НА СТАНЦИЮ ЛОКОУ**

Вот приехал сюда я в этом году —
белы летние облака.

А когда приезжал в минувшем году,
был багряным осенний лес.

Оба раза в Локоу при виде гор
испытал я глубокий стыд:

Для одних государевых срочных дел
эти горы я посетил.

**НАПИСАЛ ПРИ РАССТАВАНИИ О ТРАВЕ
НА ДРЕВНЕЙ РАВНИНЕ**

Повсюду сплошная
на древней равнине трава.
Достаточно года,
чтоб ей отцвести и ожить.

Степные пожары
дотла не сжигают ее.
Лишь ветер весенний
подул — и рождается вновь.

И запах из далей
до старой дороги достиг.
И зелень — под солнцем
приникла к развалинам стен...

Опять провожаем
мы знатного юношу в путь.
Травы этой буйством
печаль расставанья полна.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ ЖИВУ БЕЗЗАБОТНО

Безлюдное место. Там спрятан мой дом.
В нем встречи и проводы редки.

Набросив халат, беззаботно сажу;
мне чувства отшельника близки.

Осенний мой двор подметать не хочу
и, в руку взяв тэновый посох,

Топчу беззаботно, гуляя в саду,
поблекшие листья утуна.

**ЗА СЮЭ ТАЯ СКОРБЛЮ
О СМЕРТИ ЕГО ЖЕНЫ**

Я — полумертвый утуновый ствол,
старый, больной человек.

Вспомню о бьющих в могиле ключах —
душу мне ранят они.

За руку сына с собою ведя,
ночью вернулся домой.

Холоден месяц, и спальня пуста,
в доме не видно ее.

НОЧЬ «ХОЛОДНОЙ ПИЩИ»

Не светит месяц, нет огня
здесь в ночь «холодной пищи».

Ночь глубока — я все стою
над темными цветами.

И вдруг, встречая новый день,
я лет своих пугаюсь.

До сорока сегодня мне
один лишь год остался.

ХОЛОДНАЯ НОЧЬ НА ЖЕНСКОЙ ПОЛОВИНЕ

Вот полночь уже.
Постель моя холодна.
Я сплю без него,
и нет даже сил встать.

Душистый огонь
в курильнице отгорел,
И слезы в платке
застыли прозрачным льдом.

Боясь потерять
и тень, что всегда со мной,
Я всю эту ночь
не буду гасить фонарь.

ПИШУ В ВОСТОЧНОЙ БЕСЕДКЕ ЛИ ОДИННАДЦАТОГО

С мыслью о друге в вечер осенний
среди сосен я постою.

Пенье сверчка и звуки цикады
мне тут же наполняют слух.

Я огорчен: в восточной беседке
такие ветер с луной,

Сам же хозяин нынешней ночью
еще в Фучжоу гостит!

ДЕНЬ «ХОЛОДНОЙ ПИЩИ» В ПУТИ

С дороги во время «холодной пищи»
последний путник исчез,

И только один в весенней печали
у края дороги я.

Верхом на коне, с опущенной плетью,
печалюсь молча, без слов...

А ветер повеял,— всех трав душистых
донесся запах с полей.

ОСЕННИЕ ЦИКАДЫ

«Тье-тье» и «тье-тье»
во мраке под самым окном.

«Йя-йя» и «йя-йя»
в густой и глубокой траве...

Осенней порой
тоскующей сердце жены.

В дождливую ночь
печалью объятого слух.

**СТИХИ,
ДАВНО НАПИСАННЫЕ МНОЮ
НА СТЕНЕ СТАНЦИИ ЛОКОУ**

Мои на стене безыскусные строфы
не знают вниманья людского.

Их пачкают птицы и мох покрывает,
и знаки уже побледнели.

Один лишь умеющий чувствовать сильно
Бань — императорский цензор

Расшитой одежды своей не жалеет:
пыль ею стирая, читает.

ВАНЪИТАЙ

(Башня, с которой глядят вслед уезжающим)

*Юань Чжэню
в тридцатый день третьего месяца,
в последний день весны*

В том доме цзиньваньском, где раньше ты жил,
плакучая ива в окне.

У башни, с которой ты часто глядишь,
усыпали землю цветы.

В обоих местах ликованье весны
кончается в те же часы.

По гостю тоскуют в родной стороне,
по дому тоскуешь ты, гость.

ВСПОМИНАЮ ЮАНЯ ДЕВЯТОГО

Теряется в далях
полоска Цзянлинской дороги.

Я в думах о друге,
но он далеко, не узнает.

За эти недели
в исписанных мною тетрадях

Займут половину
одни посвященья Юаню.

ПОСЫЛАЮ СТАРШЕМУ БРАТУ

Стихи эти написал я, когда жил в Гуйлине

Осенние лебеди все пролетели,
но с ними мне не было писем.

Больной, покрываю я голову шелком,
с трудом выхожу за ворота.

Один поднимаюсь на старую башню,
гляжу на восток и на север.

На запад склоняется солнце. В печали
стою я, пока не стемнеет.

ЖЕНЕ

Тутовые ветви только зазеленели,
и мы с тобою расстались.

Листья у сливы уже краснеют,
а я еще не вернулся.

Лучше бы жить деревенской бабой:
она свои сроки знает

И помнит — для мужа ее, хлебопашца,
надо осенью выколачивать платье.

**В ХРАМЕ ГАНЬХУА Я УВИДЕЛ СТЕНУ,
НА КОТОРОЙ НАПИСАЛИ СВОИ ИМЕНА
ЮАНЬ ДЕВЯТЫЙ И ЛЮ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ**

Вэйчжи с должности снят, и сослали его
в край далекий, за тысячи ли.

Как Тайбо не приходит меня навестить,
скоро будет одиннадцать лет.

А сегодня увидел я их имена,
словно лица друзей увидал

На давнишнею пылью покрытой стене,
перед рваной бумагой окна.

БОЛЬНОЙ, ПОЛУЧИЛ Я ПИСЬМО ОТ ФАНЯ

В глухой деревушке, в разрушенном доме
год целый в постели лежу.

Заброшен, отрезан от мира, и люди
не спросят уже о больном.

И только один, из восточной столицы
придворный по имени Фань,

Все пишет мне письма, еще и поныне
участия полон ко мне.

ДНЕМ ЛЕЖУ В ПОСТЕЛИ

Я обнял подушку —
ни слова, ни звука, молчу.

А в спальне пустой
ни души, я один с тишиною.

Кто знает о том,
что весь день напролет я лежу?

Я вовсе не болен,
и спать мне не хочется тоже.

В ДЕРЕВНЕ НОЧЬЮ

Под инеем ночью мерцает трава,
цикады кричат и кричат.

На юг от деревни, на север — нигде
прохожих не видно людей.

Один выхожу за ворота свои,
гляжу на луга и поля.

Сияет луна, и гречихи по ней
цветы — словно выпавший снег.

СЛУШАЯ ЦИКАД

Там где-то цикады кричат-кричат,
и тянется нитью ночь.

Да тут еще этот осенний мрак,
и небо грозит дождем.

Как будто боясь, что в своей тоске
забудусь я сном на миг,

Они переносят свой крик сюда,
где я постелил постель.

ПОЛУЧИЛ ОТ ДВОРЦОВОГО ЧИНОВНИКА ЦЯНЯ ПИСЬМО, В КОТОРОМ ОН ОСВЕДОМЛЯЕТСЯ О МОЕЙ БОЛЕЗНИ ГЛАЗ

Пришла весна. В глазах темно,
в душе веселья мало.

Все вышли капли хуанлянь,
а боль не утихает,

Но получил твое письмо,
оно сильней лекарства:

Я не читал, лишь вскрыл печать...
И зренье прояснилось.

РАННЯЯ ВЕСНА

Растаял снег
за теплым дуновеньем.

Раскрылся лед
под греющим лучом.

Но растопить
весне не удастся

Одно лишь только —
иней на висках.

ВАН ЧЖАОЦЗЮНЬ

1

Хуский песок ударял в лицо,
ветер шумел в висках.

Слиняли остатки сурьмы с бровей,
румянец сошел со щек.

Злая тоска, непосильный труд
ее изнурили так,

Что стала теперь похожа она
на свой дворцовый портрет.

2

Ханьский посол уезжал домой —
велела ему узнать,

Дождется ли дня, чтоб желтый металл
Бабочки-брови спас.

«Если же спросит вдруг государь,
красива ль его раба,

Не смей говорить, что уже не та,
какой во дворце была!»

СОСНА

Юаню Восьмому

За белый металл я в обмен получил
зеленой сосны деревцо.

Но если ты раньше сосну посадил,
тогда я не стану сажать:

По счастью, есть западный ветер у нас,
ему я доверюсь легко.

Он ночью глубокой, похитив, пришлет
любимые звуки ко мне.

В ДОЖДЬ, СО СТИХАМИ ЮАНЯ ДЕВЯТОГО, НАВЕЩАЮ ЮАНЯ ВОСЬМОГО

Книгу написанных Вэйчжи стихов,
помнишь, с тобою раскрыл.

Времени много: ты, кажется мне,
службой не занят теперь.

Славные строки ни с кем из друзей
больше я петь не могу;

В лужи ступая, по грязи бредя,
вот и пришел я к тебе.

В ПЕРВЫЙ РАЗ, СОСЛАННЫЙ НА НИЗШУЮ ДОЛЖНОСТЬ, ПРОЕЗЖАЮ ВАНЦИНЬЛИН

Второпях я собрался и дом свой покинул,
весь в тревоге о жизни дальнейшей.

Тихо-тихо я еду из нашей столицы,
узнавая дорогу от встречных.

Вот уже Ванциньюлин. На верху перевала
я стою — и назад обернулся.

Неуемный, бескрайний этой осени ветер
мою белую бороду треплет.

**НА СТЕНЕ ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ ЛЯНЬЦЯО
Я УВИДЕЛ СТИХИ ЮАНЯ ДЕВЯТОГО**

В стихах были следующие слова:

*«Когда из Цзянлина я ехал домой,
здесь падал весенний снег».*

Засыпал Ляньцяо весенний снег,
когда возвращался ты.

Шумит над Циньлином осенний вихрь
теперь, когда еду я.

Встречаются станции мне в пути,—
и сразу с коня схожу,

И к стенам иду, и брожу у колонн:
ищу я твои стихи.

КРАСНЫЙ ПОПУГАЙ

Привезли из Аннама, дальней страны,
попугая красного к нам.

Он красив, как весенний персик в цвету,
говорит он, как человек.

Кто умен, образован, красноречив —
уготовано всем одно...

Прочно в клетку посажен, когда еще
на свободе будет теперь!

ДОВОЛЬНО ЛЕКАРСТВ!

Приступив к соблюдению правил чань,
я лекарствами пренебрег.

Вот тогда-то как раз и стала опять
углубляться во мне болезнь.

Это тело мое не стоит того,
чтоб в здоровье его держать,

Потому что здоровье с собой несет
слишком много дурных страстей.

КРАСНЫЙ ТЭНОВЫЙ ПОСОХ

И друзья и родные,
перейдя через Шэнь, распростились.

И коляски и кони
У реки повернули обратно.

И единственный только
старый посох из красного тэна,

Неразлучный мой спутник,
всю дорогу прошел издалека.

НОЧЬ В ЛОДКЕ. ЖЕНЕ

Трехкратный раздался крик обезьян,
и слезы по дому лью.

В одном небольшом челноке-листочке
больное тело плывет...

Не надо, припав к окну над водой,
на юг и север глядеть:

Сияет луна иль во мгле луна,—
она печалит меня!

В ЛОДКЕ ЧИТАЮ СТИХИ ЮАНЯ ДЕВЯТОГО

Я в лодку с собою стихи твои взял,
читал их, фонарь засветив.

Стихи прочитал я, и меркнет фонарь,
рассвет же еще не пришел.

Устали глаза, и фонарь я тушу,
впотьмах продолжаю сидеть.

Взметенная ветром противным волна
шумит, ударяясь о борт.

УСЛЫШАВ ИГРУ НА ЧЖЭНЕ ДЕВУШКИ ЦУЯ СЕДЬМОГО

Лицо как цветок под прической-тучей
у девушки в Яшмовом доме.

В тринадцати струнах ее таилась
печаль, возникшая сразу.

Но я попрошу передать певице,
чтоб чжэн она положила:

Еще немного — и станет белым
поэт-правитель Цзянчжоу.

НОЧУЮ В СИЛИНЬСКОМ ХРАМЕ

Опадает листва, проясняется высь,
открывается гор синева.

Я люблю эти горы, верхом на коне
не спеша углубился я в них...

Знает сердце, что мне не сравниться никак
с тем чайсанским начальником Лю:

Я в Силине одну только ночь проведу —
и уже возвращаюсь домой.

НАВЕЩАЮ ЧЖЭНА, УДАЛИВШЕГОСЯ ОТ ДЕЛ

Я недавно узнал, что службе своей
предпочел ты сельскую тишь

И что только в густой бамбуковый лес
отворяется в доме дверь,

И нарочно пришел, — никогда б не стал
докучать я просьбой иной, —

Чтобы в южной беседке твоей побыть,
из нее на горы взглянуть.

ВЗБИРАЮСЬ НА ВЕРШИНУ СЯНЛУ

За камни хватаюсь, цепляюсь за травы,
больной, я присел отдохнуть.

Со мной из бамбука зеленого посох
и белого шелка платок.

Когда-нибудь, думаю я, нарисуют
картину «Лушаньский хребет»:

Там будет стоять человек на вершине
горы, что зовется Сянлу.

ПЕРСИКОВЫЕ ЦВЕТЫ В ХРАМЕ ДАЛИНЬ

В четвертый месяц в нашем мире
кончаются цветы,

А в этом горном храме персик
сегодня лишь расцвел.

Я горевал — весна уходит,
ее вернуть нельзя.

Как мог я знать, что по дороге
зайдет она сюда?

ОЗЕРО К ВОСТОКУ ОТ «БАМБУКОВОГО ХОЛМА»

На восток от беседки «Бамбуковый холм»
небольшое лежит озерко.

Стебли лотосов ранних и свежей травы
зеленеют, неровные, в нем.

Темной полночью, факелом путь осветив,
там внезапно прошел человек,

И в испуге взлетела на воздух чета
белых цапель, дремавших в гнезде.

НА ЦЗЯНЬЧАНЦЗЯНЕ

Где воды Цзяньчана тихо текут
у городских ворот,

С коня я сошел, слуге приказал
лодочника покричать...

И вдруг — все как было давным-давно
на переправе Цайду:

И ветер в траве, и дождь по песку —
берег речной Вэйхэ.

В ХРАМЕ ИАЙ

Играю камнями —
сизжу у ручья, забавляюсь,

Цветы собираю —
за ними вокруг храма брожу я.

Все время, все время
я слышу, как птицы болтают.

Повсюду-повсюду
ключа неумолчные звуки.

СПРАШИВАЮ У ЛЮ ДЕВЯТНАДЦАТОГО

С пеной зеленой
непроцеженное молодое вино.

Красная глиняная
печурка, пышущая огнем.

Вечер приходит,
и погода сулит нам снег.

Можешь ли выпить
ты со мною чарку одну?

РАННЯЯ ВЕСНА НА ЮЖНОМ ОЗЕРЕ

Ветер ходит кругами, исчезли тучи,
только что прекратился дождь.
Отражается солнце в озерных водах,
потеплело, и ярче свет.

Воздух в далях как будто усеян алым —
абрикосы цветут в горах.
Полосами простерлась новая зелень —
окаймил берега камыш.

Низко крыльями машут белые гуси,
тяжело летят, как зимой.
Языки недвижимы у желтых иволг,
не ведут они разговор.

Этим я не хочу сказать, что в Цзяннани
уж не так хороша весна:
Год за годом болезни мои и дряхлость
ослабляют влечение к ней.

В ОПЬЯНЕНИИ ПЕРЕД КРАСНОЙ ЛИСТВОЙ

Открытое ветру
дерево осенью поздней.

За винною чарой
некто в летах преклонных.

У пьяного щеки —
словно под инеем листья:

Хотя и багряны,
но не весна их красит.

МОГИЛА ЛИ БО

В Цайши на крутом берегу реки
Ли Бо давно похоронен.
В бескрайних просторах, поля окружив,
сошлись с облаками травы.

Как жаль! Под заброшенным этим холмом
в глубинах могильных кости
Когда-то и небо могли устрашить,
и землю встряхнуть стихами...

На свете поэтам предрешено
не знать в своей жизни счастья.
В сравнении даже с бедами их
Ли Бо обойден судьбою.

ПОСВЯЩАЮ ПЕЧАЛЬНОМУ СТРАННИКУ

Прибрежной ивы холодная тень,
на сырой от дождя земле.

Прилетного лебедя частый крик
в обещающей снег высоте.

Причалил к песку одинокий гость,
чтобы на ночь прервать свой путь.

Вода обегает речной тростник,
и луна заполнила челн.

ЛОТОСОВОЕ ОЗЕРО В ЛУНЧАНСКОМ ХРАМЕ

Студено-лазурен
цвет озера осенью ранней.

Последние краски
на лотосе полуопавшем.

За многие годы
мне так одиноко и грустно

Еще не бывало,
как на побережье озерном.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТРЕТЬЕГО МЕСЯЦА

Последних красот вечерней весны
в третьем месяце третий день.

Прошедшего времени жизни моей
половина от ста годов.

Хочу, все заботы забыв, гулять,
только спутника-друга нет.

Я на середине реки загрустил
и направил лодку домой.

ПОКИДАЮ ЦВЕТЫ

Среди цветов я живу легко,
без лишних трудных забот.

Идет весна. Я знаю ее —
такая весна стара.

Тот новый, кому на будущий год
здесь править вместо меня...

Не плохо, если будет и он,
как я, любитель цветов.

ЧУВСТВА МОИ НА ШАНШАНЬСКОЙ ДОРОГЕ

В сто тысяч ли
навек легла дорога.

Я за шесть лет
впервые возвращаюсь.

Я миновал
харчевен много старых.

Почти нигде
былых уж нет хозяев.

РАДОСТЬ МИРНОЙ ЖИЗНИ

1

В обильный год
расчетливы, как прежде.

В дни мирные
мечи переплавляем.

Коль государь
так мыслить хочет долго,

Пусть о войне
нас думы не тревожат.

2

Роса густая
скопилась в винах Яо.

Душистый ветер
поднялся в песнях Шуня.

Хочу, чтоб так же,
как в годы Яо — Шуня,

Вся радость мира
была в людском согласье.

ВЕСНА В ЧАНЪАНИ

Ветви ивы в Цинских воротах
мягко никнут без сил.

Ветер восточный, повеяв, тронул
желтым золотом их.

Здесь, в предместье, слабые вина —
выпив, легко трезветь.

Встретившей взор мой грусти весенней
нам не унять ничем.

**НА ХОЛМЕ ДОЛГАЯ РАДОСТЬ,
ПРОВОЖАЯ УХОДЯЩИХ, НАПИСАЛ Я ЭТИ
ПЕЧАЛЬНЫЕ ЗНАКИ**

Прохожие люди на юг и на север
бредут,— поделили пути.

Проточные воды с востока на запад
текут в императорский ров.

День целый стою у холма, наблюдаю,
и гнев на разлуку растет.

О, имя обманное — Долгая радость,
где надо бы — Долгая скорбь!

ПАРК ЧАНЧЖОУ

Вновь недавно весна в парк Чанчжоу вошла,
в нем трава зеленеет опять.

Куропатка порою вспорхнет из кустов,
редко-редко пройдет человек.

Нам за глубиью годов невозможно узнать,
где дворец был прелестной Сиши.

И напрасно в Чанчжоу над башней Гусу
ночь за ночью сиянье луны.

ВСПОМИНАЮ ИВУ НА РЕКЕ

Я иву посадил когда-то
на южном берегу.

Уж две весны, как с этим краем
в разлуке я живу.

И все ж вдали я помню зелень
на берегу реки,

Но кто ломает ветки ивы —
не знаю я теперь.

РАССТАЕМСЯ НА ЮЖНОМ ЗАЛИВЕ

Туманен был, холоден
Южный залив при прощанье,

И дул-завывал
этой осенью западный ветер.

Как только посмотришь —
и сердце в груди оборвется!

Уж лучше пойду я,
вперед поспешу без оглядки.

В ЖЕНСКОЙ ПОЛОВИНЕ ДВОРЦА

Смочили слезы шелк платка,
сон не смыкает век.

Ночь глубока. Из зал дворца
доносится напев.

Еще румянец не увял,
а милости уж нет.

Так, на курильницу склонясь,
сидит до света дня.

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ОСЕНИ ПОДНИМАЮСЬ В ПАРК ЛЭЙОУЮАНЬ

Разъезжаю один, сам с собой говорю
на Цюйцзяна крутом берегу.

Вот коня повернул, тихой-тихой трусцой
поднимаюсь в Лэйоуюань.

Свежий ветер свистит — он шумит в волосах,
шевелит седину на висках.

Кто велит ему, ветру, отсчитывать срок
и указывать осени час?

В СТАРОМ ДОМЕ

Там за стеной осенний звук —
сверчок прядет свой скрип.

Меняется под кровлей тень —
луна снижает бровь.

Кроватный полог обветшал,
и занавесей нет.

А ночь начала холодов
приходит, как и встарь.

ПОСЫЛАЮ ЧИНОВНИКУ ВАНУ ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ЕГО СТИХОВ

Когда осыпáлся
под инеем цвет хризантемы,

Когда опадáли
под ветрами листья утуна,

Я вдруг удивился
печали осенних раздумий,

И мне послужили
тогда твои песни ответом.

СПРАШИВАЮ СЕБЯ

Черные точки в моих глазах,
и вся голова бела.

Из-за болезней я одряхлел:
к болезням вела печаль.

Также чиновной дороги вкус
Испытан мной до конца...

Мне в пятьдесят если не отдохнуть,
когда же я отдохну?

**СТАРАЯ ИВА
К ЗАПАДУ ОТ ЦИНЬЧЖЭНЛОУ**

Старое, сгнившее
дерево, ветру открытое,

И впечатлительный
путник, коня придержавший.

Годов Кайюань
одна-одинокая ива.

Чанцинская нынче
вторая по счету весна.

РАССТАВАНЬЕ У ИВЫ

На южной дороге
изранено сердце прощаньем,

У ветра восточного
пригоршни полны весны.

Не смей издеваться
над слабостью ивы зеленой:

К вину пригласит она,
право, радушней людей.

**В ОТВЕТ НА ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ САНОВНИКОВ —
ШИЛАНА ХАНЯ И БОШИ ЧЖАНА СТИХИ О ТОМ,
КАК ОНИ ПОСЛЕ ДОЖДЯ ГУЛЯЛИ НА ЦЮЙЦЗЯНЕ**

В укромном моем саду расцвели
пунцовой вишни цветы.

Когда захочу вкруг них побродить,
я в сад выхожу гулять.

Так нужно ли мне торопиться вслед
толпе верхом на конях

По грязи и лужам после дождя
к Цюйцзяну в такую даль!

ИВА У ЦИНСКИХ ВОРОТ

Зелено-зеленого дерева ивы
краса, разящая сердце,

Как часто с людьми делила, бывало,
тоску и горечь разлуки.

Растет эта ива у самой заставы,
где проводы очень часты.

Поэтому сломаны длинные ветви,
в них меньше ветра весною.

НА ВЕЧЕРНЕЙ РЕКЕ

Дорожка одна заходящего солнца
протянута в водную глубь —

Лазурна-лазурна реки половина,
реки половина красна.

Я чувствую нежную страсть к третьей ночи
начала девятой луны:

Роса — словно чистого жемчуга зерна,
луна — как изогнутый лук.

ТОСКЛИВО В ХОЛОДНОЙ СПАЛЬНЕ

Холодный месяц далек и чист,
в глубокой спальне тишь.

На занавеску из жемчугов
бросает тень утун.

Осенний иней вот-вот падет,
то чувствует рука:

При свете лампы крою и шью,
и ножницы — как лед.

ПЕСНЯ «РВУ ЛОТОСЫ»

Волнами листья каштанов обвиты,
лотосы ветер колеблет.

Там, где глубокие заросли лотосов,
маленький челн мой проходит.

Милого встретила, словно — сказать бы, —
спрятав лицо, засмеялась.

Шпилька моя из нефрита зеленого
в темную воду упала.

НОЧЬЮ СЛУШАЯ ЧЖЭН

Когда в Цзянчжоу по ночам
я слышал тихий чжэн,

Сидеть я только начинал —
и слушать не хотел.

А вот сегодня час пришел —
я бел, как белый снег.

Играй на чжэне до зари —
я разрешу тебе.

У ГОРНОГО РУЧЬЯ ГОТОВЛЮ ЧАЙ. МОИ ЧУВСТВА

У ручья зачерпнул
быстробьющей, журчащей воды.

Как вскипает, гляжу —
бирюзово-зеленая пыль.

Только, жаль, не могу
чашку вкусного чаю налить

И послать далеко —
человеку, влюбленному в чай.

**В ХРАМЕ ЦЗИСЯН
УВИДЕЛ ПОДПИСЬ ЦЯНЯ**

Дождь с облаком
расстались на три года.

Бьет ветер волны,
путь лежит далекий.

И так мне в горе
скучно и тоскливо,

Да тут еще
увидел имя друга!

ЗА УЖИНОМ ОТВЕЧАЮ ВЭЙЧЖИ

Обитаю в селенье
от Чжэцзяна на запад я.
Уезжаешь на службу
на восток от Чжэцзяна ты.

Ты зачем повторяешь:
«Нас разделит одна река».
Но она между нами
ляжет далью в тысячу ли!

Из богатых и знатных никто не будет
там тебя вином угощать.
На прощальном пиру за меня сегодня
выпей все, что в чарке твоей!

ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ДАВНИЙ ПОРТРЕТ

Художник Ли Фан
портрет мой нарисовал
И мне подарил
лет двадцать тому назад...

Не спрашивай, что
с натурой произошло.
С рисунка давно
вся яркость красок сошла,

А кожа лица,
а волосы на висках
С тех пор день за днем
тусклее и всё тусклей...

О том не вздохну,
что облик прежний исчез:
Я счастлив и тем,
что сам-то пока живой!

БРОЖУ ОДИН

Я про себя распеваю даосскую
книгу — она на устах.

Праздно держу из бамбука зеленого
посох — он всюду со мной.

Стебли бамбука с цветами вечерними —
вот и товарищи мне.

В лес я пришел и брожу в одиночестве,
мне хорошо без людей.

ПЬЮ НОЧЬЮ НА ОЗЕРЕ

За городом
радушная луна.

У озера
хмельных будящий ветер.

Кто пригласил
правителя к вину?

Вот красный свет
в плывущей ночью лодке.

ПРОВОЖУ НОЧЬ В БАМБУКОВОМ ДОМИКЕ

Под маленьким домом, где старые книги,
толпятся деревья бамбука.

Над печью, в которой глубокое пламя,
горит одинокая лампа.

Кто в этом пустынном, заброшенном месте
мне будет товарищем на ночь?

Даос, что готовит лекарство бессмертья;
монах, в созерцанье сидящий.

ПОТЕРЯЛ ЖУРАВЛЯ

Так из глаз он исчез,
как сошедший у дома снег.
Улетел высоко
он, подхвачен ветром морским.

В девяти небесах
не подругу ли он нашел?
Вот три ночи уже,
как пустует клетка его:

Оборвался и крик
среди лазоревых облаков,
Потонула и тень
глубоко в сиянье луны...

В управленье своем,
с той поры как журавль пропал,
С кем часы коротать
седовласому старику?

ИВОВЫЙ ПУХ

Когда на исходе и третья луна
и я сединой убелен,

С весной расставаться на старости лет
становится все тяжелей.

Порхающей иволге я поручу
сказать моей иве в цвету:

Пусть ветер весенний придержит в ветвях,
чтоб он не умчался домой.

ОБЪЯСНЕНИЕ К СТИХАМ

Я новые песни
одну за другою слагаю.
Пишу не затем я,
что громкою славой пленяюсь.

Я старые строки
все время читаю и правлю.
Труды над стихами
душевную радость приносят.

И если прикажут
мне областью править подольше,
Не стану искать я
путей, чтоб вернуться в столицу.

Хочу одного лишь —
на реках, на глади озерной,
Стихи распевая,
всю жизнь провести до кончины.

ОБРАТНАЯ ЛОДКА

С тех пор как в Ханчжоу покинуты мной
цяньтанские горы и воды,

Не часто я стал наслаждаться вином,
и лень заниматься стихами.

Хочу эти грустные мысли мои
я веслам обратным доверить,

Чтоб весла о них рассказали Сиху,
чтоб ветер и месяц узнали.

**СПРАШИВАЮ
ДУНЛИНЬСКОГО УЧИТЕЛЯ ЮАНЯ**

Скромное
я ночью не вкушаю,

Лишь стих спою —
рассеять дух осенний.

Смеясь, спрошу
у старца из Дунлиня:

«Что, песнями
поста я не нарушил?»

В БЕСЕДКЕ НА ЗАПАД ОТ ПРУДА

От деревьев ночных
тень на красных перилах лежит.

Золотая луна
утонула в осеннем пруду.

Как похоже на то,
будто снова цяньтанская ночь

И на западе дом,
когда только выходит луна.

НАВЕЩАЮ ХУАНФУ СЕДЬМОГО

Сажусь верхом
и еду много ли.

Найду цветок —
и чарку опрокину.

Мне больше нет
для остановки мест,

Как видишь, я
опять к тебе приехал.

**В ДАЛЬНЕМ ЗАЛЕ
ДВОРЦОВОГО КНИГОХРАНИЛИЩА**

Дождь заливает акаций цветы
там, где надвинулась осень.

Ветер — утуна листы шевелит
на вечеряющем небе.

День напролет в дальнем зале своем,
вовсе не занят делами,

Старый хранитель с седой головой
спит, прикорнувши на книгах.

В ТУШАНСКОМ ХРАМЕ ГУЛЯЮ ОДИН

На пустынных тропинках
здесь со мною спутника нет.

В горной келье монаха
я надеюсь ночь провести...

Как сюда приезжаю,
как обратно еду домой,

Кроме храма в Тушани
знают лишь копыта коня!

НА ЦЮЙЦЗЯНЕ

На берегу и над водой
опять весенний ветер,

И среди тысячи цветов
один почтенный старец.

Цветам он рад, и рад вину,
и опьянел немного.

Что о печалях толковать?
Их разве перескажешь?

ИЧЖОУ

Старость приходит, придумать бы, чем
старости горечь развеять.

Вот и учу я мою Сяююй
грустным напевам Ичжоу.

Мне не придется, пожалуй, уже
долго внимать этой песне:

Я обучить Сяююй не успел,
вся голова поседела.

СТОЛИЧНЫЕ ПУТИ

Я на запад пришел для того, чтоб взглянуть,
как лежат на Циньшане снега.

На восток я иду: я проведать хочу
ту весну, что в Лоянских садах.

Прихожу, ухожу то туда, то сюда
по обоим столичным путям.

Беззаботно гуляющих, кроме меня,
больше здесь ни души не видать.

ВСТРЕТИЛИСЬ СО СТАРЫМ ДРУГОМ

Мы разошлись,
вдруг снова повстречались.

Нам кажется,
что это только сон:

У нас сейчас
и радость и веселье.

Отставь вино,
и пусто станет вновь.

ВЕСНОЙ

Опускаются ветви деревьев в цвету
перед окнами женских покоев,

И наводит весна на изгибы бровей
две морщины — два знака печали.

На перила небрежно она оперлась
и стоит к попугаю спиною.

Что тревожит, чем заняты мысли ее,
что она не оглянется даже?

ЮЖНАЯ БЕСЕДКА В САДУ У ЯНОВ

Дверь маленькой южной беседки у Янов
навстречу луне отворилась.

Беседка наполнена ветром прохладным,
беседка наполнена мохом.

И сад этот — место, в котором приятно
играть об осенней печали.

Я как-нибудь ночью сюда непременно
приду со стихами и с цинем.

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ СЛУШАЮ ЦИКАД

Зимние думы от криков цикады
горше осенних бывают.

Даже и тот, кто с тоскою не знался,
их услышав, затоскует.

Старый старик я, мне это в привычку,
слушаю — что мне пугаться?

Вы, молодые, не слушайте лучше:
головы станут седыми.

СЛУШАЯ ПЕСНЮ ПЕВИЦЫ ТЯНЬ ШУНЬЭР

Ударит по яшме, по льду прозвенит —
не молкнут чудесные звуки

И над облаками, не зная преград,
в высокие дали уходят.

Как желтого золота больше добыть,
полней рукава им засыпать?

Я сразу все золото выброшу ей,
чтоб на год мне слушать хватило!

ИЗ СТИХОВ «К ВИНУ»

Скажите, живущим на рожках улитки
что нужно оспаривать людям?

Во вспышке огня меж кремнем и огнивом
находится брэнное тело.

Придет ли богатство, появится ль бедность,
в веселье и в радости будьте:

Кто рта не раскроет для громкого смеха —
глупец безрассудный, и только!

НОЧЬЮ В ЛОДКЕ

После дождя на берегу
так чисто и свежо.

Прохладой веет у моста,
приятен ветерок.

Чета осенних журавлей,
и лодка на пруду.

Глубокой ночью вместе мы
в сиянии луны.

ВСПОМИНАЮ ХУЭЙШУ

Брожу по горам, наслаждаюсь рекой,
ношу с собой свиток стихов.

Любуюсь луной, собираю цветы,
себя угощаю вином.

Мечтаю о том, чтобы шесть этих дел
ты снова со мной поделил.

Когда же, могу я надеяться, ты
в Лоян возвратишься теперь?

НА СМЕРТЬ ЮАНЯ. ПОМИНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

1

Могильная дверь затворилась за ним,
уже и свирели уходят.

На свежей могиле одна лишь жена
все плачет и плачет над мужем.

Блестит, зеленеет трава под росой
на холме могильном в Сяньяне.

За тысячу осеней это у нас
подобная первая осень.

2

Его провожавшие толпы людей
жестокою болью объаты;

В том шествии даже четверки коней
ступали со ржаньем тоскливым.

И цинь, и одежду, и книги, и меч
кто в прежнем порядке разложит?

Трехлетний сиротка, оставленный им,
недавно ходить научился.

ОБРАЩЕНИЕ К ЦЗЕЧЖИ

Любовь и радость
где прячутся теперь?

Печаль и плач —
и те от нас ушли.

Для нас сегодня
один лишь сон ночной

Те десять лет,
что мы прошли вдвоем.

СЛУШАЮ ПЕВИЦУ, ЗАПЕВШУЮ СТИХИ ВЭЙЧЖИ

Он новых не пишет больше стихов,
умолкла слава о нем.

На старые свитки насела пыль,
и книжный ларец глубок...

Но стоит мне только среди песен вдруг
услышать одну строку —

Еще не успею ее узнать,
а сердце уже болит!

У МЕНЯ ПОБЫВАЛ СЯО — НАСТАВНИК НАСЛЕДНИКА ГОСУДАРЯ

Ровно в полдень
прискакали кони,

Кто гостит
в семействе Бо Лэтяня?

Друг наш добрый,
сам наставник Сяо

Пьет вино,
не брезгует и чаем.

**ОТВЕЧАЮ ЮЙЧИ НА ВОПРОС О ТОМ,
В ЧЕМ Я НУЖДАЮСЬ**

Нежданно пришел и, себя беспокоя,
спросил меня, в чем я нуждаюсь.

То, в чем я нуждаюсь, конечно, не яшма,
не жемчуг — то, в чем я нуждаюсь.

Твою я люблю над водою беседку,
в ней петь хорошо на досуге.

Всегда, как стихи мои будут готовы,
нельзя ли туда приходить мне?

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Я сошел с коня и без цели хожу
над водою реки Ишуй.

Свежий ветер и чистая даль кругом,
право, лучше видов весны.

Почему же от древности и до нас
у поэтов за все века

Так немного сказано добрых слов
о лоянских осенних днях?

НОЧЬЮ ПИШУ В ХРАМЕ ЮЙЦЮАНЬ

Встречаю знакомых — болтают они,
как любы им горы и воды.

Я вижу монахов — они говорят,
как мир суеты им противен.

Таких, чтоб у озера Яшмовый ключ
под соснами ночь проводили,

За нынешний год, между прочим скажу,
пока никого не бывало.

**Я УВИДЕЛ ЛЮ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО
В ПЕРВЫЙ РАЗ ПОСЛЕ РАЗЛУКИ**

Когда о Пилине хотел говорить,
лицо ты закрыл рукавом.

Тогда о Сякоу хочу я сказать,
но слезы смочили халат.

Ну кто бы мог знать, что на старости лет,
в тот день, когда встретимся мы,

Так много здесь вздохов тоски зазвучит,
так мало — веселья и слов.

ЗА ВИНОМ Я СНОВА ЗАДЕРЖИВАЮ МЭНДЭ

Мой друг Люлан, мой друг Люлан,
не надо так спешить:

От нас Сутай, от нас Сутай
за гранью туч и вод.

Вот чаша, полная вином
на целых сто частей.

Помчится конь, и будешь ты
за тридцать сотен ли.

ВЕСНА В ЛОЯНЕ

На лоянских дорогах, полях и межах
постоянна и вечна весна.

С ней когда-то простился, сегодня пришел.
Двадцать лет промелькнуло с тех пор.

Только годы мои молодые найти
мне уже не удастся никак,

Остальное же все — десять тысяч вещей —
неизменно, как было тогда.

С ДОСАДОЙ ДУМАЮ О ПРОШЛОМ ГОДЕ

Я постарел,
но все к вину пристрастен.

Весна придет —
мне дома не сидится.

А в том году
я вышел слишком поздно

И не видал
лоянского цветенья.

ДАМБА ВЭЙСКОГО КНЯЗЯ

Застыли цветы, распуститься им лень,
и птицы поют неохотно.

Доверюсь коню, разъезжаю, пока
склоняется к западу солнце.

Где место, в котором еще до весны
все полно весеннею грустью?

Поникла плакучая ива без сил
на дамбе у Вэйского князя.

РАННЯЯ СМЕРТЬ И СТАРОСТЬ

Мы умершего юношу можем сравнить
со свечою, от ветра погасшей.

Лет вечерних виски уподобить легко
нитям шелка, что в зеркале вижу.

Кто решительно скажет суждение свое
о делах в человеческом мире:

Ранит ранняя смерть нас всегда тяжело
и печалит настигшая старость.

ПРОБУЯ МОЛОДОЕ ВИНО,
ВСПОМИНАЮ ХУЭЙШУ

1

В жбане оно —
смотришь, и цвета не видно.

В чаше когда,
тронешь — заискрится все.

С тех пор как ты,
бросив меня, удалился,

Это вино
с кем я пригубить могу?

2

«В мире у нас
слабого сильный обидит.

Между людьми
лучше быть пьяным, чем трезвым».

С тех пор как ты,
бросив меня, удалился,

Эти слова
кто еще слушать захочет?

ЧИТАЯ ЛАО-ЦЫ

«Кто говорит — ничего не знает,
знающий — тот молчит».

Эти слова, известные людям,
Лао принадлежат.

Но если так и почтенный Лао
именно тот, кто знал,—

Как получилось, что он оставил
книгу в пять тысяч слов?

**НА ОЗЕРЕ ЦЗИСЯНЬЧИ — СОБРАНИЯ ТАЛАНТОВ
ОТВЕЧАЮ НА ВОПРОС САНОВНИКА-ШИЧЖУНА**

Хозяин, идя в государев город,
в котором ночь проведет,

У гостя спросил, что ему не спится,
чего б он хотел еще?

«На озере месяц, к счастью, свободен,
и он не нужен тебе.

Ты можешь его одолжить на вечер
со мной погулять иль нет?»

**В ЗИМНИЙ ДЕНЬ ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ
ПО ПИНЦЮАНЬСКОЙ ДОРОГЕ**

По горной тропинке взбираться мне трудно,
и клонится солнце легко.

Деревья под инеем в дымном селенье
готовы ворон приютить.

Я к ночи домой не успею вернуться,
но это, пожалуй, пустяк:

Три чары вина, только снятого с жару,—
вот будет и дом для меня.

У ОЗЕРА

I

Буддийский отшельник
сидит за игральной доской.

На шахматном поле
бамбука отчетлива тень.

В бамбуковой роше
монаха не видит никто,

Лишь изредка слышен
фигур опускаемых стук.

II

Малютка тихонько
шестом подвигала челнок.

Украдкой вырвав
белеющий лотос, вернулась.

Но ей невдогадку,
что надо упрятать следы:

Плавучие травы
раскрылись прямою дорожкой.

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОМИК

Мой маленький домик
стоит у самой деревни:
Сквозь редкую изгородь
вижу собак и кур,

Канавы отводят
от южной улочки воду,
И окна вбирают
усадыбы северной вид...

Владеньем Юй Синя
был крошечный сад, и только,
Семья Тао Цяня
была стеснена нуждой...

Нам так ли уж нужно
доискиваться просторов:
Просторно должно быть
всегда у людей в сердцах.

НАВЕЩАЮ ВЕСНУ

За годами вслед я состарился сам,
ничего мне жалеть не осталось.

Но стремление радостно встретить весну
у меня сохранилось в избытке.

У кого-нибудь, издали вижу, весной
сад цветет, и тотчас прихожу я.

Я на то не смотрю — дом богат или нищ,
в нем друзья или люди чужие.

Я ОГОРЧЕН ВЕСЕННИМ ВЕТРОМ. ПОСЫЛАЮ ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ ЛИ ДВАДЦАТОМУ

I

Снег у подножий деревьев сошел,
время раскрыться цветам.

Тает и лед по краям у пруда,
может подняться трава.

Только мороз у меня на висках
нынче по-прежнему бел:

Ветер весенний ко мне одному
добрых не ведает чувств.

II

В храме постились мы долгие дни,
кончили только теперь.

Смех и забавы друзей за вином
мною забыты давно.

Если сейчас не нальешь ты вина,
выпить меня пригласив,

Значит, и ты равнодушен ко мне
так же, как ветер весны.

**ПРОВОЖАЮ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛЕНИЯ ЛУ,
ОТПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ В ХЭДУН, В УПРАВЛЕНИЕ
ГОСПОДИНА НАЧАЛЬНИКА ПЭЯ**

В час разлуки с тобою был в сумерках дождик
на реке у Лоянского моста.

В день приезда в Хэдун будет ветер прохладный
там, где Фэнь расстилаются волны.

Сюнь-начальник, увидя тебя в управленье,
обо мне тебя спросит, наверно.

Ты ему передай, что осенние травы
в дом мой накрепко заперли входы.

БЛАГОДАРИЮ ЗА ПРИСЛАННОЕ МНЕ ПЛАТЬЕ

Год за годом все больше дряхлею и старюсь,
и друзей все становится меньше.

Всюду, где бы я ни был, уныло и скучно,
получаю я письма все реже.

И один лишь единственный Чао почтенный
не забыл о товарище старом.

Я еще и весеннего чаю не выпил,
уж осеннее шлет он мне платье.

**ВОЗВРАЩАЮСЬ ВЕЧЕРОМ
В ВОСТОЧНЫЙ ГОРОД**

На взятой в дорогу бамбуковой палке
висит черепаховый жбан.

С ребячьей прической сучжоуский мальчик
ведет за уздечку коня.

Я под вечер в город восточный въезжаю,
меня не узнает никто:

Короткая обувь, и низкая шапка,
и белый холщовый халат.

СУЧЖОУСКИЙ ЧИНОВНИК

Со служившим со мною в Цзяннани чиновником
мы расстались очень давно.

И сегодня при встрече нашей на озере
он узнает меня иль нет?

Если б только одно, что теперь у начальника
голова как будто в снегу...

Хуатинский журавль мой окончил дни свои,
белый лотос тоже засох!

ОДИН СТОЮ НА ЗАПАДНОЙ БАШНЕ

На тело наброшено белое платье,
и волосы снега белее.

И так, в опьяненье, стою я все время
на маленькой западной башне.

Прохожие смотрят, ко мне повернувшись,
и мне удивляются, верно:

«Подряд уж одиннадцать лет неизменно
здесь видим мы этого старца».

РАННЕЙ ВЕСНОЙ ПОДНИМАЮСЬ НА ТЯНЬГУНГЭ — БАШНЮ НЕБЕСНОГО ДВОРЦА

И башня Тяньгун, и погожий день,
и двери отворены...

Один я поднялся почтить весну
единой чарой вина.

Гуляющий неисчислимый люд
глядит, удивляясь мне:

Чего это самый старый из всех
всех раньше сюда пришел?

**ПОД ГОРОЙ РАССТАЮСЬ
С ПРОВОДИВШИМ МЕНЯ БУДДИЙСКИМ
МОНАХОМ**

Я потревожил учителя, — с гор
сам он меня провожает.

Мы попрощались: кому из людей
чувства такие знакомы?

Мне уже семьдесят минуло лет,
за девяносто — монаху.

Знаем мы оба, что свидеться вновь
нам лишь в грядущем рожденье.

ГОРЕЧЬ РАЗЛУКИ

На дороге у ивы зеленой стояли,
проводил уезжающих вдаль.

Повернули коляски, и кони умчались,
лишь увидел, как пыль поднялась.

Не почувствовал сам, как во время прощанья
слезы красные все истекли,

А вернулся домой — и слезы не осталось,
чтобы ею платок омочить.

**ПРОЕЗЖИЙ,
ОСТАВЛЕННЫЙ В ХОЛОДНОЙ СТАНЦИИ**

Утром сегодня без дела сижу
в каменном домике я.

Гаснет огонь, догорая в печи,
чаша опять без вина.

Скучно и холодно. Можно ли так
гостя оставить здесь жить?..

Пруд ледяной, заснеженный бамбук,
снегобородый старик.

**ПОСЛЕ ПОСТА РАДУЮСЬ
РАННЕМУ ПРИХОДУ ХУАНФУ ЛАНЧЖИ**

Кончились тридцать дней поста,
чаша манит меня.

Утром ранним стучатся в дверь,
дверь еще заперта.

Кроме Ланчжи, который мне
жбан вина притащил,

В самом деле, кто бы еще
мог другой прийти!

ПРИГЛАШАЮ МОНАХА, ЖИВУЩЕГО В ГОРАХ

В столицу не можешь ли ты прийти
пищу просить, монах?

Оставь отговорки, что грязь и пыль
плащ замарают твой.

Ты хочешь узнать, где найдешь приют?
Ты на восток пойд.

Бамбук обойдешь, зашумит ручей,
там Бо Лэтянь живет.

ГУЛЯЮ В ЧЖАОЦУНЬ СРЕДИ АБРИКОСОВЫХ ЦВЕТОВ

В Чжаоцунь абрикосы алеющий цвет
каждый год раскрывают весной.

Лет пятнадцать последних я в этих садах
столько раз любовался на них!

Человеку, которому семьдесят три,
нелегко уже снова прийти.

Если этой весной пришел я сюда —
я проститься с цветами пришел.

НА ОЗЕРЕ

Самые прекрасные воздух, земля, вода и деревья столицы находятся на юго-восточной ее стороне. Самое прекрасное место юго-восточной стороны — это деревня Лидаоли. Самая прекрасная часть деревни — северо-западный ее угол. Первое владение у западных ворот перед северной стеной — это и есть жилище семьи Бо, принадлежащее ушедшему в старости на покой Лэтяню. Всего в усадьбе семнадцать му. Одна ее треть — жилые помещения, одна пятая — вода, одна девятая — бамбук, а среди них — островки, деревья, мосты, дороги... Как хозяин, радуясь всему этому, Лэтянь сказал: «Хотя и есть здесь террасы и башенки, но без зерна не пользоваться ими», — и построил к востоку от озера амбар. А затем сказал: «Хотя и есть здесь молодое поколение, но без книг не воспитать его», — и воздвиг к северу от озера книгохранилище. После чего сказал: «Хотя и есть здесь гостящие друзья, но без циня и без вина не развлечь их», — и поставил к западу от озера беседку для игры на цине, вдобавок расположив в ней каменные винные чаши. Когда Лэтянь ушел с должности правителя Ханчжоу, он взял с собою один камень с вершины Тяньчжу и двух журавлей из Хуатина. Тогда же построил Западный ровный мост и провел дорогу вокруг озера. Когда ушел с должности правителя Сучжоу, то взял с собою камень с озера Тайху, белый лотос, «гнувший спи-

ну» водяной каштан, черную дощатую лодку. Тогда же построил Срединный высокий мост, соединив им три островка. Когда ушел с должности шилана, заместителя начальника Уголовной палаты, то было у него зерна тысяча ху, книг одна повозка и слуг, владеющих искусством пения и игры на свирелях, ударном цине и струнных инструментах, всего пальцев сто, с чем и вернулся к себе. Тогда же инчуаньский Чэнь Сяошань подарил выдержанное дворцовое вино отличнейшего вкуса, болинский Цуй Хуэйшу подарил цинь чистейшей настройки, Цзян Фа, гость из Шу, научил мелодии «Осенние думы» спокойнейшего звучания, хуннунский Ян Чжэньи подарил три черных камня — прямоугольных, ровных, гладких, на которых можно и сидеть и лежать.

Летом третьего года Тайхэ, получив приглашение быть гостем наследника престола, Лэтянь был назначен в Лоян и обосновался на озере... Все приобретенное на трех должностях, все подаренное четырьмя лицами и я сам, бесталанный человек, все сегодня стало принадлежностью озера. И всегда, — утром ли, когда на озере с ветром весна, когда на озере осень с луной и над водою распускается благоухающий лотос, вечером ли, когда роса чиста и кричит журавль, — провожу рукою по камням Яна, поднимаю чарку с вином Чэня, беру цинь Цуя, играю «Осенние думы» Цзяна и так отдаюсь наслаждению и забываю обо всем прочем. Охмелев от вина и отстранив цинь, призываю отроков — певцов и музыкантов — взойти в беседку Срединного острова и хором исполнить «Из радуги яркий наряд». Звуки уносятся вслед за ветром и то застывают, то рассеиваются и вдали, среди деревьев бамбука, дымкой подернутых волн и луны, остаются надолго...

Песня не кончилась, а Лэтянь в веселье своем уже пьян и заснул на камне. Встав ото сна, вдруг запел не то стихиши, не то поэму-фу. Агуй взял кисть и записал на камнях. Взглянув на неуклюжие мои строфы, даю им название — «На озере».

Всего десять му
занимают строенья,
И всего пять му
занимает сад.

Есть и воды
одно озерко,
Есть и бамбука
тысяча деревьев...

Не говори,
что земля тесна.
Не называй
ее захолустьем:

Хватит ее
колени вместишь.
Хватит ее
плечам дать отдых!..

Есть там и дом,
есть и беседка,
Есть и мосты,
есть там и лодка,

Есть там и книги,
есть и вино,
Есть там и песни,
есть там и струны,

Есть и старик
посреди вещей,
Чью белую бороду
треплет ветер.

Доволен долей
и знает меру,
А сверх ничего
ему не надо:

Словно птица,
выбирает дерево,
Старается сделать
гнездо укромней.

Как черепаха;
зарываясь в ямку,
Знать не знает
просторов моря...

Чудесный журавль,
причудливый камень,
Лиловый каштан,
белый лотос

И все, что меня
привлекало в жизни,—
Оно целиком
передо мною...

Выпью подчас
немного вина,
Вслух прочитаю
стихотворенье.

Жена и дети
весело дружат.
Собаки и куры
снуют повсюду...

И так мне покойно!
И так я счастлив!

Я старости годы — все, что остались,—
проведу на этом приволье!..

ПРОЕЗЖАЯ ЧЕРЕЗ ДРЕВНИЙ ЛОЯН

Перед воротами старого города
косо весеннее солнце.

А за воротами старого города
дома не будет жилого.

Видеть дворцы мне хотелось и площади,
но этих мест не узнаю:

Здесь в запустенье полями бескрайними
носятся травы сухие.

ХРАМ НА ГОРЕ ЛИНЬЯНЬ

По соседству с дворцом знаменитой Сиши
этот тысячелетний храм,

Где обилие вод, и где множество туч,
и где редок случайный гость.

Говорят, что, когда наступает весна,
здесь обычно еще грустней:

Сквозь глубокие заросли сотен цветов
лишь проходит к себе монах.

МНЕ ЖАЛЬ ЦВЕТОВ

Жалость какая — прекрасным и нежным
самое время цветенья.

Только недавно бушующим ветром
за ночь сорвало их с веток.

Резвая иволга утром сегодня
в старых местах побывала.

Множество слов, что она накричала,
в голых деревьях осталось.

МОЙ ВЗДОХ ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ГОРУ СУН И РЕКУ ЛО

Наконец-то сегодня
Сун и Ло у меня пред глазами:
Я назад обернулся
и вздыхаю о тяготах мира,

Где цветенье и слава
преходящи, как быстрые воды,
Где печали и беды
поднимаются выше, чем горы.

Только горе изведав,
знаешь радости полную цену,

После суетной жизни
станет милым блаженство покоя.

Никогда не слышал я,
чтобы птица, сидевшая в клетке,
Улетев на свободу,
захотела вернуться обратно.

НОЧНАЯ ПРОХЛАДА

От белой росы и свежего ветра
прохладнее во дворе.

Но раньше старик надеть успевает
осенний теплый халат...

И пляски и песни красавиц прежних
остались в каких краях?

И только без струн, как у Тао Юаньмина,—
все тот же цинь перед ним.

МНЕ ЖАЛЬ ПИОНОВ

Меня во дворе у крыльца печалит
пунцовых пионов куст:

На нем, когда вечер пришел, краснелись
последние два цветка,

А завтра с утра поднимется ветер
И все цветы оборвет...

Я ночью, жалея, что их не станет,
зажег огонь и смотрю!

ДО ЧЕГО ЖЕ РАЗУМЕН ЛЭТЯНЬ

До чего же разумен, ах как разумен
Бо Лэтянь — Жизнерадостный Бо!
Прослужил на высоких постах в Лояне
до отставки тринадцать лет.

Семь десятков исполнилось только-только,
а чиновничью шапку снял,
Половинного жалованья дать не успели,
а в коляску больше не сел:

То с приехавшим в гости добрым знакомым
на прогулке весенним днем,
То с живущим в горах буддийским монахом
в созерцанье целую ночь.

И два года уже, как так же забыта
вся домашних дел суета.
Вход и двор зарастают сплошной травой,
в кухне скупко горит огонь.

Ранним утром приходит с докладом повар —
риса нет, на исходе соль,
Поздно вечером — с жалобой служанка:
износилось платье до дыр.

Недовольные, ропщут жена и дети,
у племянников скучный вид,
Я же выпью вина и в хмелю улягусь,
и веселья довольно мне...

А восстал ото сна, и вдвоем с тобою
строим планы, как дальше жить,
Как имуществом скудным распорядиться,—
что сначала, а что потом.

Я сначала продам на юге столицы
в десять му мой плодовый сад,
А за ним я продам в восточном предместье
цинов пять полезной земли,

И последним продам, если необходимо,
дом, в котором теперь живем,
И тогда получу, по моим подсчетам,
две-три тысячи связок монет.

Половину из них семье предназначу
на одежду и на еду,
Половину из них я себе оставляю
на закуски и на вино...

Мои годы проходят, — я дожил ныне
до семидесяти одного,
Борода побелела, глаза мои слепнут,
да и двигаюсь я с трудом,

И боюсь, что полученных этих денег
я уже не истрачу всех,
Что я вмиг — вслед за утреннею росой —
ворочусь к могильным ручьям.

Если я не вернусь, а пожить останусь,
никакой и в этом беды:
Голод я утолю, на радости выпью,
не тревожась ничем, поплюю...

Мы над смертью и жизнью сами не властны, —
я их обе готов принять...
До чего же разумен, ах как разумен
Бо Лэтянь — Жизнерадостный Бо!

ЮАНЬ ЧЖЭНЬ

(779—831)

НА СМЕРТЬ ЖЕНЫ

I

Младшая дочь
В почтенном семействе Се,

Младшая дочь,
Тебя полюбили все.

Но выдали замуж —
И все повернулось не так.

Подобно Цянь-лоу,
Твой муж был честный бедняк.

Я был без одежды,
Но ты не вздыхала в тоске,

Одежду искала,
Роясь в своем сундуке.

Вина мне хотелось —
И без упреков и слез

Последнюю шпильку
Вынимала ты из волос.

Дикие травы —
Обычная наша еда,

Но ты не роптала,
Довольной была всегда.

Опавшие листья
Шуршали в твоих руках —

Скудное топливо
Для нашего очага.

Теперь я имею
Больше ста тысяч монет.

Зачем мне все это?
Тебя уже в мире нет.

II

Когда-то мы в шутку
Пытались представить на миг,

Что станет, если
Умрет один из двоих.

А ныне все это
Я пережил наяву:

Тебя уже нету,
А я вот еще живу.

Я роздал одежды
Из твоего сундука.

Мне больно их видеть:
Их шила твоя рука.

К слуге и служанке
Ты относилась тепло.

Хорошее чувство
Теперь ко мне перешло.

Ночную порою
Я вижу тебя во сне.

Жертвенных денег
Я много сжег на огне.

Такие страдания
Знакомы любому из нас.

Но горечь разлуки
Сильнее во много раз

Для тех, кто с супругой
Знавали бедности дни,

Кому не сияли
Радостные огни.

III

Сижу, одинокий,
Покорный своей судьбе,

И горестно плачу
О тебе и себе.

Разве, скажите,
Долог наш бранный век?

Пусть даже столетье
Живет на земле человек.

Остался бездетным
До самой смерти Дэн Ю,

В велении Неба
Узнал он судьбу свою.

Горька и печальна
Элегия Пань Юэ,

Ее написал он
Усопшей своей жене.

Я тоже стихами
Выразил скорбь мою

И так же бездетен,
Как некогда был Дэн Ю.

Я рядом с тобою
Лягу в глубокий склеп.

Тебя не увижу —
Я буду и нем и слеп.

Надеяться, верить...
Как трудно на то уповать,

Что в жизни грядущей
Я встречу с тобою опять.

За все твои муки,
За огорченья твои,

За грустно-печально
Сведенные брови твои

В тоске безысходной
Я глаз не сомкну, скорбя.

Лишь этим смогу я
Отблагодарить тебя.

ПЕСНЯ КРЕСТЬЯНИНА

Поле — камни да рытвины. Путь тяжел.
Вперед, мой усталый вол.

Под тобою сухая земля лежит —
Комья глины из-под копыт.

Нам в казенных амбарах отсчитали зерно,
Точно жемчугом было оно.

Для посева и то не хватает его,
А войне — шестьдесят годов.

А в деревни приходят отряды солдат.
Каждый месяц телеги скрипят.

И увозят они провиант на войну,
А войне — шестьдесят годов.

Государя войска бьются долгие дни,
Поднебесную всю завоюют они

И тем временем наших волов едят,
А рога оставляют нам.

Нет мотыг и плугов, опустели двory —
Лемеха переплавлены на топоры.

Теща рис обдирает, а жена на плечах
Относит его в казну.

Если этого риса будет мало казне,
Дом продать — вот и все, что останется мне.

Мы желаем войскам разгромить врага.
А крестьянин — кому его жизнь дорога?

Коль крестьянин помрет — сын налоги внесет.
Перережут волов — молодняк подрастет.

Только б сытыми были государя войска...
Но-о, мой вол. Жив пока.

ПЕСНЯ ТКАЧИХИ

Ткачиха, тревоги свои оставь —
ты вовремя сдашь урок.
Три раза должен уснуть шелкопряд —
он спит уже третьим сном.
Искусство и Шелковичный Дух
спрядут желанную нить, —
Ведь в этом году шелками налог
до срока надо внести.

Берут до срока, — тому виной
не сборщики податей,
А то, что в прошлом году страна
была занята войной.
Солдаты в походе после боев
бинтуют раны свои.
Вожди их после громких побед
сменяют свои шатры.
Ты нити мотаешь и ткешь шелка
не хуже молодой.
Менять основу, вести узор
тебе уже нелегко.
В восточном доме соседки твои
с почтенною сединой
Всю жизнь искусно ткали узор
и не нашли мужей.
Иная пряжа под потолком.
Одна из нитей дрожит —
На ней раскачивается паук
и бегаёт вверх и вниз.
Ну как не завидовать: эта тварь
умеет по небу ходить,
Умеет приют найти в пустоте
и сети из шелка ткать.

**ПРИ ИЗВЕСТИИ, ЧТО ПОЭТ БО ЦЗЮЙИ
НАЗНАЧЕН ЦЗЯНЧЖОУСКИМ СЫМА**

Огарок свечи мерцает во тьме,
и тени дрожат предо мною.
Сегодня вечером я узнал,
что ты в изгнание в Цзянчжоу.
Смертельно больной, я с ложа привстал,
узнав о твоей доле.
Холодный ветер капли дождя
забросил в окно ночное.

СТАРЫЙ ПОХОДНЫЙ ДВОРЕЦ

Заброшен, забыт
старый походный дворец.
Дворцовым цветам
зря суждено алеть.
На старости лет
дамам былого двора
Осталось вести
о Сюань-цзуне рассказ.

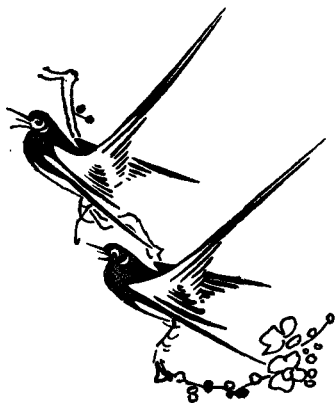

ЦЗЯ ДАО

(779—843)

ИЩУ ОТШЕЛЬНИКА, НЕ ЗАСТАЮ

Под соснами где-то спрошу о нем ученика.
Он скажет: учитель ушел собирать снадобья.
Он здесь пребывает, на этой самой горе,
Но тучи глубоки, и где он — я так и не знаю.

ЛИ ШЭНЬ

(?—846)

ПЕЧАЛЮСЬ О КРЕСТЬЯНИНЕ

Весною посадит
он зернышки по одному,

А осень вернет их
обильнее в тысячи раз...

Где Моря Четыре,
земли невозделанной нет,

А все к земледельцу
приходит голодная смерть!

ЛИ ХЭ

(791—817)

ЮЖНЫЙ ПАРК

Ветви деревьев и стебли трав
зацвели у всех на глазах.
Белые, алые лепестки —
словно щеки юэских дам.
Грустно подумать, что на склоне дня
их достоинства пропадут,
Свахи не нужно, чтобы цветам
сочетаться с ветром — и в путь!

ПОБЕГИ БАМБУКА В ПАРКЕ ЧАНГУ

Чуские строфы пишу на стволе,
кожицу сняв ножом.
На обнаженную зелень легли
черные точки слов.
Раз не умеет читать бамбук,
кто же стихи прочтет?
Влага садится, туман ползет
между бесчисленных стволов.

СОН В НЕБЕСАХ

Старый заяц и грустная жаба
тоскуют на бледном небе.
Облачные дворцы опустили
косые лунные стены.
Яшмовое колесо прокатилось
по травам в росистом блеске.
Фениксовые подвески бессмертья
цветут на коричной ветке.
Желтый прах и прозрачная влага
молчат под Тремя горами.
Тысячелетия, точно кони,
в пути друг друга сменяют.
Издали Равные области вижу,
как девять колечек дыма.
Невозмутимые воды моря
в широком блюде застыли.

К ВИНУ

В затишье меж двух больших злоключений
мне чашу вина подносят.
Хозяин кубок поднял, желая
спокойной старости гостю.
Чжуфу за счастьем ходил в столицу
и горем кончил скитанья.
Его домочадцы сломали иву,
с ветвей на дорогу глядя.
Хозяин любезен со мной: «В Синфэне
трактирщик бранил Ма Чжоу.
Могли ль помыслить земля и небо,
что будет славен ученый?
А он на гладкой бумаге тушью
две строчки искусно вывел
И, смело став пред лицом Дракона,
увидел царскую милость».
Давно душа моя затерялась,
и звать ее бесполезно.
Петух заранее кличет утро,
чтоб день вернулся на землю.
Лишь в юные годы приходит прихоть
ловить облака руками.
Тогда ли думать о том, что старость
жалуется и вздыхает?

ДУ МУ

(803—852)

К ДОРОГЕ

Я окно растворил —
и остыла моя постель.
Лежа, глаз не сомкну:
вспоминаю Сяо и Сян...

Видам горных вершин
не настанет время стареть,
А людские сердца
день-деньской в суете хлопот...

В соснах ветра порыв —
то ли поздний, полночный дождь.
За завесой луна —
то ли иней, наполнивший дом...

На коне одному
хорошо бы поехать домой:
Над рекою как раз
апельсинами пахнуть должно!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Сынишка мой
за край одежды тянет:
«Ты почему
домой не возвращался
И с кем играл
на месяцы и годы,
Что выиграл
серебряные пряди?»

В ДАР ОТЦУ-РЫБАКУ

Травы в цвету, озера прохладны,
удочки нить спокойна.
Лунные ночи, ненастные утра —
сколько десятков весен?
Сам говоришь с одинокой лодки,
вторя словам поэта,
Что не встречал на веку ни разу
трезвого человека.

ПОДПЛЫВАЮ К НАБЕРЕЖНОЙ ЦИНЬХУАЙ

Туман осел на холодную воду,
лунный свет — на песок.
Во мраке к берегу подплываю
возле веселых домов.
Продажным женщинам не оплакать
гибель страны отцов.
Слышу, на том берегу горланят
«Цветы на заднем дворе».

ДУМАЮ О ПРЕЖНЕМ ПУТЕШЕСТВИИ

На храме к западу от Реки
стихи написал Ли Бо.
Старые сосны вокруг горы,
сквозняк под ветхим шатром.
А я, полутрезвый, полухмельной,
бродил здесь четыре дня.
Красно-белые лепестки
глядят сквозь полог дождя.

ВЕСНА В ЦЗЯННАНИ

Запели птицы на тысячи ли,
травы алеют цветами.
В селеньях у рек и на кручах гор
реют винные флаги.
Четыреста восемьдесят вокруг
храмов Южных династий.
Как много пагод и старых дворцов
мешает видеть ненастье!

ПОЕЗДКА В ГОРЫ

Еду к холодным вершинам гор,
дороги круты и узки.
Там, где рождаются облака,
живут, как и всюду, люди.
Остановлю повозку, сойду
взглянуть на вечерние клены.
В инее листья красней цветов
второго месяца года.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

На ширму свет серебристой свечи
навел морозный узор.
Прозрачный шелковый веер накрыл
танцующих светлячков.
Небесная лестница, словно река
в осенний день, холодна.
Лежу и смотрю на огни домов
Ткачихи и Пастуха.

ПРОЕЗЖАЮ МИМО ДВОРЦА ХУАЦИН

С дороги оглядываюсь на Чанъань,—
как вышитые, дома.
Одна над другою вершины гор
открылись, как сто ворот.
Промчался в красной пыли гонец,
и радостна Ян-гуйфэй.
И как догадаться, что это везут
всего лишь плоды личжи?

РАЗЛУКА

I

Стройная-стройная, гибкая-гибкая
в неполных четырнадцать лет.
Словно в начале второго месяца
душистый горошек цветет.
Ветер на десять ли по Янчжоуской
дороге веет весной.
Всюду в окнах виднеются девушки —
никто не сравнится с ней.

II

Так много сразу чувств у меня,
что словно замерли чувства.
Лишь чувствую, глядя на чарку вина,
что трудно мне улыбнуться.
Подумать, у восковой свечи
полно сострадания сердце:
О нашей разлуке слезу за слезой
роняет всю ночь до рассвета.

СОЖАЛЕНИЕ

Утратив душу, вдоль рек, у озер
брожу, прихватив вино.
Танцовщица чуская так легка,
хоть ставь ее на ладонь.
В Янчжоу впервые за десять лет
очнулся на миг от сна
И вижу, даже в синих домах
не почитают меня.

САД ЦЗИНЬГУ

Роскошная жизнь расточилась вослед
за благоуханной пылью.
Бегущие воды не знают чувств,
трава не знает людей.

Восточный ветер и птичий стон
в деревьях на склоне дня.
Со стебля падает лепесток,
как девушка из окна.

В ГОСТИНИЦЕ

В гостинице ночью
не с кем поговорить.
Нахлынули чувства,
горечи не унять.
Зажженная лампа
холод льет над былым.
Сквозь сон различаю
грустный гусиный крик.
От сонных видений
в новый вхожу рассвет.
Известье из дома
будет здесь через год.
Над гладью речною
в дымке блестит луна.
У самой двери
вижу челн рыбака.

ЛИ ШАНЪИНЬ

(813—858)

ЛЭЮЮАНЬ

День кончился, печаль в душе моей,
На Гуюань я еду меж ветвей...
Вечерняя заря прекрасна,
Но сумрак все становится черней.

НОЧЬЮ В ДОЖДЬ ПИШУ НА СЕВЕР

Спросила ты меня о том,
Когда вернусь к любимой в дом.
Не знаю сам. Пруды в горах
Ночным наполнились дождем...
Когда же вместе мы зажжем
Светильник на окне твоём,
О черной ночи говоря
И горном крае под дождем?

ДРАГОЦЕННАЯ ЦИТРА

Нефритом украшена цитра моя,
И струн на ней пятьдесят.
И все эти звонкие струны со мной
О давних днях говорят,

Мудрец Чжуан-цзы в глубоком сне
Сияющей бабочкой был.
Ван-ди после смерти все чувства свои
В лесную кукушку вселил.
А в южных морях под взором луны
Текут жемчуга по щеке.
На синих полях под лучом дневным
В прозрачном яшма дымке.
О всех этих чудных явлениях не раз
Придется мне размышлять.
Но надо признаться, сейчас на моей
Душе печали печать.

ЦЗЯ И

Когда пожелал император
Беседовать с мудрецом,

Цзя И он призвал из ссылки,
Прославленного умом.

И долго его расспрашивал,
Но только несчастье в том,

Что все о чертях и духах,
А не о народе своем!

ПИШУ О ДУМАХ

Гуси и ласточки вдалеке
летают над Верхним лесом.
В небе осеннем взор утонул,
пою протяжную песню.
Как поперек потока судьбы
пороги Туна и Цзяна,
Так в гряде занебесных гор
опасности гор Юйлэя.
Солнце склоняется к лепесткам
в прощальном вечернем блеске.
Медлят над городом облака,
рождая слоистые тени.
Три уже года бездомен я,
но слезы прочь отгоняю.

Завтра начнется четвертый год —
как тогда не заплакать?

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Как встречаться нам тяжело,
так тяжело расставаться.
Ветер жизни лишился сил,
все цветы увядают.
Лишь когда шелкопряд умрет,
нити дум прекратятся.
Лишь когда фитиль догорит,
слезы свечей иссякнут.
Утром у зеркала я грущу,
видя облачный вóлос.
Ночью, читая стихи, узнаю
лунного света холод.
До небожителей, на Пэнлай,
путь не такой уж трудный:
Темная птица о трех ногах,
дай мне знать о грядущем.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Восточный ветер опять свистит,
опять моросит дождь.
За клумбой с пионами, за рекой
разносится дальний гром.
Волшебная жаба и через дверь
пошлет благовонный дым.
И яшмовый тигр поднимет ведро,
вода ж устремится вниз.
Цзя Гуна дочь не сводила глаз
с того, кто отцу служил.
За песни подушку свою Ми-фэй
оставила Цао Чжи.
Весеннее сердце наперегонки
с цветами цвести не должно.
Придет назавтра новая страсть —
былая станет золой.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Минувшей ночью звезды видал
и слышал, как ветер выл
К закату — возле Коричных палат,
к восходу — возле Речных.
Не феникс тысящецветный я,
и крыльев мне не дано;
Но сердце, вещее, как носорог,
проникло в сердце твое.
К себе по очереди вино
подтягивал острым крючком;
Над красным воском жарких свечей
угадывал сходство слов.
Часы истекли; пробил барабан;
увы, на службу пора.
Везет меня конь в дворец Орхидей —
качусь, как в степи трава.

ОПАВШИЕ ЦВЕТЫ

Из высокого дома
гости навек ушли.
В опустевшем парке
кружатся лепестки.
То взлетят, то струятся
вдоль тропинок витых.
Провожает взглядом
солнца косые лучи.
Вся душа изболелась —
жалко двор подметать.
Все глаза проглядела —
надо идти назад.
Благовонное сердце
выдохлось, как весна.
Остается на память
платье в горьких слезах.

ЧАНЬЭ

За ширмой из Матери Облаков —
    глубокая тень от свечи.
Мелеет Серебряная Река,
    и блекнут звезды вдали.
Должно быть, раскаивается Чаньэ,
    что смела бессмертье украсть,—
В лазури морей, в синеве небес,
    в рыданиях по ночам.

ВЭНЬ ТИНЬЮНЬ

(818—872)

УТРО В ГОРАХ ШАНШАНЬ

С рассветом снова в путь. Качнулся бубенец,
И сердце замерло. Как отчий край далек!
Крик петуха. Свет призрачный луны.
Заиндевелый мост, следы от чьих-то ног.

Слетает с дуба на тропинку лист,
Цвет померанца белый над стеной,
И мне неволью грезится Дулин,
Где перелетных птиц в прудах полным-полно.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ЖАНРЕ ЦЫ

* * *

Я причесалась
И спешу скорей
Окинуть взглядом с башни
Даль речную.
Там всюду лодки,
Только нет одной...

Косой луч солнца
Гаснет над волной,
И отмель погрузилась
В тьму ночную.

(Мелодия «Ицзяннань»)

* * *

Встрепенулся в испуге
Гусь на отмели южной.
А на тысячу ли в округе
Посвист вьюжный.

Повод яшмовый,
Удила,
С острием золоченым
Стрела.
Что ни год —
То поход.

Скорбь разлуки разлита
В разрисованной башне,
Где за ширмой расшитой
Одиноко и страшно...
Полыхая, в саду
Абрикосы цветут.

(Мелодия «Фаньнюйюань»)

* * *

В наплывах воска красная свеча,
И от курильниц яшмовых дурман.
На всем тоскливой осени печать.

Сурьюмою брови чуть подведены,
Небрежно прядь спадает на висок...
А ночь длинна, подушки холодны.

Уже за полночь. Дождь все льет и льет,
Все шепчутся утуны за окном...
О, как меня разлуки час гнетет!

Под звон дождя о гулкую ступень
Приходит хмурый и ненастный день.

(Мелодия «Гэнлоуцзы»)

* * *

Луна бледнеет, звезд почти что нет.
И колокол за шторой прозвенел,
И возвестила иволга рассвет.

На орхидее щедрая роса,
Полощет ива ветви на ветру,
В цветах опавших утопает сад.

Как в том году, гляжу с балкона вдаль.
Здесь, в тереме забытом, я одна,
Все та же на душе моей печаль.

Весна уходит, все грустнее мне,
И радость прошлого — как в смутном сне.

(Мелодия «Гэнлоуцзы»)

* * *

Ложа блеск. Вышиванье на нем —
Утка с селезнем рядом сидят.
Гор Ушаньских лазурь за окном,
И чэньсяна от стен аромат.

Двор заезжий вдали у моста
Под дождем все весенние дни,
Ветви ивы полощутся там,
Будто нити из шелка они.

Нет, все нет долгожданных вестей,
В скорби терем расписанный мой.
Южный берег Янцзы опустел,
И зарос он душистой травой.

Драгоценное зеркало ждет,
Чтобы в нем отразился цветок,

Но об этом узнает ли тот,
Жду кого я в назначенный срок!

(Мелодия «Пусамань»)

* * *

В башне яшмовой, в свете луны
Я о Вас тоскую, мой друг.
Ивы зноем измождены,
И весну истомил недуг.

Двор травюю густой покрыт —
Расставание было давно.
И теперь еще цокот копыт
Мне все чудится под окном.

Смотрит с полога на меня
Золотых зимородков ряд.
Свечи тают в нимбах огня,
Разливая вокруг аромат.

Облетает с деревьев цвет,
Крик кукушки грустней и грустней.
За окном зеленый рассвет —
Как видение в смутном сне.

(Мелодия «Пусамань»)

ПИ ЖИСЮ

(834—883)

СОЧУВСТВУЮ ЛУНШАНЬСКИМ ЖИТЕЛЯМ

Луншаньские горы
Поднялись на тысячи футов.

Попугаи вьют гнезда
На неприступных вершинах.

В ущельях ютятся
Простые и темные люди,

Повиснув над бездной,
На веревках взбираются к небу.

В высоте поднебесной
Птичьи гнезда они караулят,

И тот, кто сорвался,—
Разобьется о твердые скалы.

Птиц много, но в руки
Они никому не даются.

Едва ли не девять
Из десятка людей погибают...

На реке Лунчуань
Солдаты стоят гарнизоном.

Генерал приказал им
Резать из дерева клетки,

Чтобы в них ко двору
Посылать попугаев крикливых.

Перья у птицы
Красивы, да что в них прибытку.—

Язык попугая
Не скажет полезного слова.

Не глупо ль так низко
Расценивать жизнь человека

И жертвовать ею
Ради никчемных игрушек?

Я слышал, что прежде
Правители были мудрее

И птиц не считали
Ни роскошью, ни богатством.

А ныне льют слезы
Луншаньские жители в горе.

ЛО ИНЬ

(833—909)

**ВЕРНУВШИСЬ В МЯНЬГУ,
ПОСЫЛАЮ СТИХИ БРАТЬЯМ ЦАЙ**

Дважды в течение года
Побывал я в прекрасном Цзиньцзяне:

Впервые — когда пахнуло
Дыханьем весеннего ветра.

Потом — в осеннее время.
Мы ехали вместе с вами,

И, нежную травку жалея,
Осторожно ступали кони.

Мы поднимались на башню
Красотой облаков любоваться,

И все было скрыто вокруг
В причудливом их тумане,

Расстались мы... Горечь разлуки
Умножают унылые горы.

Шум воды голосами разлуки
Примешался к моим сновиденьям.

Деревья и дымка тумана
Отделяют вас от Мянчжоу.

Исполненный дум и печали,
Шлю строки о днях прошедших.

СИШИ

Расцвету государства
И паденью —

Всему своя
Приходит черед.

Но жители из У
Другого мненья:

Из-за Сиши
Постигла их беда.

Но справедливо ль
Это обвиненье?

Сиши ли здесь
Причиною вреда?..

А княжества Юэ
Разор и поражение

Чем объяснить
Могли б они тогда?

ВЭЙ ЧЖУАН

(836—910)

ЦЗИНЛИНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Снова дождь над Рекой моросит,
приречные травы лежат.
Шесть династий прошли, как сон;
бесчувственно птицы поют.
Ивы Тайгэна, земли дворцов
бесчувственной праздных птиц:
Как прежде, окутали дымом листья
плотину на десять ли.

НОЧНЫЕ МЫСЛИ В ЧЖАНТАЕ

Многострунный сэ
рыдает в долгую ночь.
Его чистый звон
пронзает ветер и дождь.
Под чужим фонарем
послышалась флейта Чу.
Под ущербной луной
спускаюсь с башни Чжантай.
Благовоние трав
сулит их скорый конец,

Дорогой человек
еще не пришел ко мне.
И в родные края
теперь не дойти письму,
Ведь осенний гусь
опять вернулся на юг.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ЖАНРЕ ЦЫ

* * *

Инея блеск. А может,
Это луны мерцанье.
Где-то на горизонте
Крики гусей весь вечер.
Под вышитым одеялом
Тепло мне, и нет желанья
Встать с обогретой постели,
Зажечь погасшие свечи.

Вокруг
Тишина разлита,
Лишь слышу
Листвы трепетанье...
Едва я засну, как снова
Тебя в сновиденьях встречаю.

(Мелодия «Тяньсяньцзы»)

* * *

Всю ночь я грежу о тебе одной.
Умолк в часах капли перезвон.

Стою один в печали под луной,
Рукою опираясь о балкон.

И ты теперь в раздумье обо мне,
И одеяло холодно, как снег.

Твой терем от меня — рукой подать,
Но будто бездна разделила нас.

Лишь письма перечитывать опять
Мне остается и на этот раз!

Когда же наконец с тобой вдвоем
Мы, взявшись за руки, в Чанъань пойдём!

(Мелодия «Хуаньсиша»)

* * *

Хороша Цзяннань — все о ней
В один голос так говорят.
И в Цзяннани на несколько дней
Задержаться я буду рад.

Небеса здесь на воду глядят,
С ней лазурью сливаясь весной,
Здесь на лодке под шелест дождя
Любо мне забываться сном.

У жаровни подруга со мной,
Что красою затмила всех,
Я сравнил бы ее с луной,
Ее руки белы, как снег.

А пора возвращаться придет —
Рано ль, поздно ль — домой вернусь...
Но желаний душа не поймет,
Лишь смятение в ней и грусть.

(Мелодия «Пусамань»)

* * *

Днем весенним
Брожу вдоль межи.
Осыпается цвет с абрикоса,
Мои волосы запорошил.

Кто же он,
Симпатичный такой,
Этот юноша на меже?
Он пришелся мне по душе.

И подумалось:
Вот бы нам
Наши судьбы соединить,
Чтоб всегда неразлучными быть.

Если даже
Не нравлюсь пока,
Чувств ко мне не питает он — пусть...
Эка важность! Я не стыжусь.

(Мелодия «Сыдисян»)

* * *

Как раз в этот день
В минувшем году —
Апреля семнадцатый день —
Мы разлучились с тобой, господин,
Одна я осталась тогда.
Стон затаив, поникла головой,
Слез не лила на виду
И беззаботный делала вид,
Сгорая вся от стыда.

Узнать ли тебе,
Как скорбела потом,
Напрасно стремясь за тобой,
Об этой скорби
Не знает никто,
Луне лишь известно одной.

(Мелодия «Ньюгуаньцзы»)

СЫКУН ТУ

(837--908)

ПОЭМА О ПОЭТЕ

I

Могучий хаос

Свет моих слов — словно блеклая тень,
Сила и суть наполняют душу,
Путь простоты — им я в хаос войду,
Силы скоплю и мощь отдам.

Думы полны мириадами форм,
Вот прохожу я пустыню пустынь.
Огромные, жирные груды туч,
Бурный, летучий, долгий ветер.

Грани и формы идут предо мной,
Ляжет бескрайней округой мир.
Легкой рукой его удержу,
Полная ясность. Нет границ.

II

Пресная пустота

Простое безмолвие точит
Непостижимое поле чудес,
И гармония будет пищей
Одинокому журавлю небес.

Как благодетельный ветер
В мягких складках шелков,—
Смотри-ка, бамбук звенит —
Давай унесем домой!

Вижу — оно со мной,
Подойди — и образ разрежен,
Кажется явственный призрак,
Руку протянешь — и нет.

III

Тонкая пышность

Пестрая радость бегущей воды
И пышные дали весны.
Безмолвием дышит долина моя,
Прекрасный гость у меня.

В голубом изумруде персик весной,
В воздухе солнце. Берег реки.
Ива роняет тень на тропу,
Иволга к иволге струйкой мелькнет.

В сердце унес бы! нет, тенью бежит!
Ближе посмотришь — это жизнь.
Я возьму эту прелесть неумелой рукой,
Древность порадую новой весной.

Погруженная сосредоточенность

Безлюдие. В елях мой домик стоит.
Солнце садится. Тихий ветер
Волосы тронет. Один иду.
Вскрикнет птица — и тишина.

Гуси, лебеди! вас здесь нет,
Люди ушли далеко;
Только друг моих дум со мной,
В одинокой памяти живет.

Ветер над морем. Туч лазурь.
Мель большая. Ночная луна.
Идешь, — стихи на устах, — и вдруг
Воды тяжелые катит река.

Старинная высота

Я — на коне величавых дум.
Лотос в моей благородной руке.
О, бесконечность странствий моих,
Тихие тайны внемирных пустот!

Вот от Медведицы месяц идет,
Ветер неслышный взлетает за ним;
Древние горы в ночной бирюзе,
Колокол чистый с волнистых вершин.

Гения ждет растворенный дух.
О, безграничность! единая сила!
Древние тихо встают цари,
Пращурьы темного мира.

VI

И омыто, и выплавлено

Золото каплет из грубой руды,
Глянет свинец серебром.
И я — через горн горячий
К камушкам речки вернусь.

Там сквозит весенняя радость,
В древнем зеркале явится дух,
В сердце начальная чистота,
К истине месяц уносит меня.

Звезды мерцающие! с вами я.
Сердце поет одиноких людей.
Мчит настоящее быстрой струей,
Там, на луне, — отчизна моя.

VII

Старинная красота

В чистой нефритовой льдинке — вино,
Дождь звенит над моим шалашом.
Гости со мной. А вокруг звенит
Тихий, пустой бамбук.

Парча облаков. И в ясной листве
Птичий певучий гомон и крик.
С лютней мы дремлем в зеленой тени,
Серебряной пылью летит водопад.

В воздух скользнет безмолвный лепесток;
И ты, молчаливый — живой цветок!
Я пишу тебе, пышная жизнь тишины,
Только об этом и пишем мы.

VIII

Крепкая сила

Гений царит в просторах пустых,
Радугой чистой раскинется дух,—
Так в пропасть бросается дикий ветер,
Тучи взрывая, вольный идет.

Силу и истину я вдохну:
Скупец простоты, я сиянье храню.
Мощное небо! ты движешь все,
Но мощь мировая — одно со мной.

Третьим я стану небу-земле,
Преобразись, природа, во мне!
Сутью дышит вдохновенье мое,
И до конца изолью я его.

IX

Узорчато-прекрасное

Я позабуду богатство и шум.
Золото желтое, — ты мне не друг.
Жадная скудость на яства глядит,
А пресный ручей, как флейта, звенит.

Чистый потухнет туман над рекой,
Яркий абрикос теплеет листвою,
Месяц играет оградой дворца,
Синие тени по камням моста.

Наши кубки благоухают вином,
Гусли вздохнут о счастье моем,
Это — со мной, это — ты да я,
Жизнь и прекрасная дума моя.

Х

Естественнo само собой

Наклонись — и найди. Оно с тобой,
Ни у кого не надо просить.
Мир — во мне. Прикоснусь к бумаге,
И — кругом зазвенит весна.

Едва — и раскроются листики,
Едва — и время цветет;
Эти дары не отнимешь,
А то, что нажил, умрет.

Когда станешь в теплую воду,
Кувшинка сама поплывет к руке,—
Вижу, как жизнь наша вьется
На великом Небесном Станке.

ХІ

Гений не удержи́м

Вижу я превращенья твои,
Эти пространства — во мне и мои;
Истина истин наполнит меня,
В неупорядоченном безумье я.

Как вихри пустотной ширью гудят,
Как безбрежную синюю горы горят,
Волной наводненья схватишь меня,
Форм мириады прочь унося.

Руку подьему светилам: — стой!
Фениксы, следом идите за мной!
Бич свистит над щитами химер,
Ноги омою в купели солнц.

ХII

На коп л я е т с я в т а й н е

Ветер живых вдохновений плывет,
Знаков не трону я.
Вы не касайтесь меня, слова,
Неутолима печаль моя.

Истина правит в пустых облаках,
Миг — и возникну с тобой,
Полон до края. Как лотос я
В ветре свернувшийся — затаюсь.

Пустотой танцует воздушная пыль,
Капелек тьмы — туман морской:
Мириады толпятся, парят, скользят —
И единою мира лягут волной.

ХIII

С е р д ц е в и н а д у х а

Неистощимость, вернись ко мне!
Подожди — и она с тобой.
Светлая рябь ожидания бежит
И бездонною глубию вдохновенье стоит.

Глянет цветок, закричит полугай,
Ивами вздрогнет башни уступ,
Гость мелькнет в бирюзе моих гор,
Чаши чистым вздохнут вином.

В дальние дали уходит дух,
Позабывая. И в тайной красе
Тихой природы рождается стих,
Как ты поспоришь с силою их.

XIV

Тончайшее - плотное

Подлинный след — это стих живой,
Но узнать невозможно его,—
Мысль и форма — их еще нет,
Но превращенье чудесно мое.

Струя говорит, смеются цветы,
Нежные росы цветут.
Уйдем далеко — и будем там.
И медленно дале пойдем.

Тише, художник настороже!
С мыслью и словом наедине,
Словно весна в зеленом плаще,
Будто луна в снегах, в вышине.

XV

Небрежно - дикое

Дикий — глухой — необузданный дух,
Вот он — свобода моя!
Крепкой случайностью я богат,
Дивной природы большая тропа.

Хижину в соснах построю я,
Шапку сниму. Поют стихи.
Тихий за утром вечер идет,
А сердце не знает, какая пора.

Душа беззаботна, чиста и легка,
Забыты смятение и суета.
Мощной свободы чистых небес
В этом подобье достигну я.

XVI

Д и в н а я ч и с т о т а

Томятся, толпятся сосны,
Легкой рябью поет ручей,
Снег на излучину ляжет,
Рыбацкая лодка идет.

Я ищу моего друга,
Тихо мои деревяшки стучат.
Остановлюсь и посмотрю
На пустыни долгую лазурь.

В старине бедный дух отдыхает
Ключевой, несказанной простотой,—
Так выходит к нам наше солнце,
Так осенний воздух дрожит.

XVII

И з в и в а ю т с я и з л о м ы

Я — в извилистые горные выси,
В их бирюзовый изменчивый узор.
Струится яшмовый вечер,
Благоуханен цветочный простор.

Время играет моим сердцем,
Как кочевник свирелью своей,—
Уснет и воспрянет сердце,
Вздохнет и смолкнет свирель.

Кружатся и вьются речные всплески,
Буря бежит через тысячу троп:
Проклята мертвая точность сосудов,
Мир переменчив и новым живет.

ХVIII

На и т и е

Я возьму простые слова,
Легкие мысли возьму,
Встречу уединенного друга
И сердце его найду.

Плачет чистый ручей,
Синеватые сосны поют;
Ты — принесешь нам сучьев,
Ты — послушаешь гуслей звон.

То, что мы слышим и постигаем,
Очарованье! — его не найти.
С неба приходит. Редкий звук.
Несуществующий — тонкий звук.

ХIХ

Горестное рвется

Бурей вихрь рвет испуганные воды,
Шумом и воем ломит леса.
Мысль беспокойно бежит сквозь века
И смертная горечь — моя тишина.

Струями время бесменно бежит,
Слава и гордость — пустая зола,
Слабо теряется путь живых,
В одиноком величье вспомню о нем.

Меч холодный в величавых руках,
Скорбь наполняет мир.
Шелковым шепотом шуршат листы,
Дождь отощавший — на рощи мха.

XX

Образы, лики

Всей моей силой ищу я тебя,
Чистая истина бытия!
Вас я найду — лепестки волны,
О тебе я скажу — солнце весны.

И — превращенья разорванных туч,
И — цвето-травы, начальный дух,
И — моря волны, пены, валы,
И — гор далеких зубцы, хребты.

Тайною чарой с бренностью сей
Ты обвенчаешься, правда вещей!
Формы отрину и образ найду,
Это достойно стиху моему.

XXI

Преходящая углубленность

Это не духов чудесные сны,
Это не жизнь убегает меня,
Это похоже на облака —
Чистая ветром идет белизна.

Издали словно шумит и идет,
Ближе — и вот оно исчезает!
Истины каплю в душе затая,
Лучше от мира исчезну я.

Скалы, деревья, лазурные мхи,
Свет ароматный — вы, думы мои!
Чем ближе я помню и знаю тебя,
Тем реже, тем тоньше душа твоя.

XXII

П а р и т и п о р х а е т

Один, несравненный, вот я ухожу,
Ввысь я лечу, уношусь одиноко.
Аист отшельника так уносил,
Тучи шли у старинных гор.

Так живописцем изображен
Человек мировой красоты,
Так улетает листик пырея
В ветра неведомые пути.

Не уловить и не описать,
Вот-вот услышу, — нет, не поймать!
Понял на миг — и ты уже в нем,
Ждешь — и оно покидает тебя.

XXIII

Ш и р о к о е и п о н я т н о е

Жизнь — это только сто лет,
Близок к началу конец,
Радости кратки, увя,
И, по правде, печаль широка.

Забудем. Чарка вина.
Цветы моего шалаша.
Мглистые тени плюща,
Редкие капли дождя.

Вот и последняя чарка вина,
Посох в руке — идем!
В быль обратится всякий из нас,
Только Южные горы высоко стоят.

Движение течет

Медленно кружится мира ось,
Планетой жемчужной бежит, блестя.
Этого не перескажешь,
А метафоры — для чудаков.

Смутной громадой идет земля,
И в бесконечности небо плывет.
О, если бы этим движеньем жить
И в бесконечность глухую плыть!

Страстно рванусь, ввысь унесусь,
Быстрой искрой назад вернусь,
В этом движенье вперед и назад
Тысячелетья прожить бы я рад.

ЛИ ЮЙ

(937—978)

СТИХОТВОРЕНИЯ В ЖАНРЕ ЦЫ

* * *

Тусклый месяц. Туман на цветы
Чуть заметную бросил прядь.
Этот вечер словно затем,
Чтобы тайной встречи искать.

Золотого шитья башмачки
Я сниму, понесу в руках,
По душистым ступеням наверх
Поднимусь я в одних чулках.

В самом южном крыле дворца,
Где нарядно расписанный зал,
Наконец увижусь с тобой
И в твои загляну глаза.

Как мне было трудно прийти,
А уйти и того трудней...
Мой желанный, я очень прошу,
Будь поласковой и понежней!

(Мелодия «Пусамань»)

* * *

С рассветом
Луна заходит.
Свой ночлег покидая,
Куда-то плывут облака.
Откинувшись на подушки,
Одна в молчанье мечтаю,
Грежу о травах душистых,
Зеленые вижу луга.

Крик одинокого гуся
Донесся издалека.

Иволга прочь улетела,
И лепестки, опадая,
Мечутся на ветру.
И во дворе и в доме
Стоит тишина глухая,
Цветов запоздалых не трону,
Пусть ярче алеют вокруг —

С пирушки домой возвращаясь,
Заметит их нежный друг.

(Мелодия «Сицяньин»)

* * *

Маленький сад опустел,
Царит во дворе тишина.
Лишь не смолкает валец,
И ветер с ним заодно.
Мне теперь не заснуть,
А ночь бесконечно длинна.
Звуки и лунный свет
Льются в мое окно.

(Мелодия «Даоляньцзылин»)

* * *

Опали цветы, сменился
Красный наряд зеленым.
Быстро весна промчалась —
Даже и не заметил!
Что сделаешь, если утро
Встречает дождем студеным,
И вечер в свой час приходит,
И с ним непогожий ветер!

Блестят на румянах слезы,
И на душе смятенье.
Радость короткой встречи
Когда еще повторится?
Так повелось, что людям
Грусть суждена от рожденья.
Она — как поток бескрайний,
Что на восток стремится!

(Мелодия «Уети»)

* * *

Один на западной башне
Стою, погруженный в думы.
Месяц — словно на небо
Кто-то крючок забросил.
Страшась тишину нарушить,
Не шелохнутся утуны.
Там, на дворе, притаилась
Тихая, ясная осень.

Ножницами не обрежешь
Злую тоску разлуки.
Чем больше я сокрушаюсь,
Тем больше смятеньем охвачен.
А может, что-то другое —
Причиной душевной муки,
Что в самых своих глубинах
Сердце давно уж прячет?..

(Мелодия «Уети»)

* * *

Гор гряда,
И еще гряда.
Высокое небо над ними.
В дымке прозрачной стынет поток,
Лодка как будто кленовый листок,
В чужой стороне гонимый.

Цвели хризантемы
И отцвели.
Вижу я: гусь крылатый
Вернуться с заставы спешит дотемна.
Вечер за шторою. Выходит луна.
И мне только нет возврата!

(Мелодия «Чансянсы»)

* * *

Безмерна скорбь.
Приснилось ночью мне,
Что я в дворцовом парке,
Как бывало...
Драконы-кони,
Колесниц поток,
Кругом цветы,
И в небе
Лунный рог —
Весной дышало все
И ликовало.

(Мелодия «Ванцзяннань»)

* * *

Мечты меня
Уносят далеко.
Теперь весна на юге.
Зацветают
Везде сады.
И лодок хоровод
Под музыку скользит
По глади вод.

Над городом —
Дымится ив пыльца
И белый пух...
И толпам нет конца —
Все в этот час
Любуются цветами.

(Мелодия «Ванцзянмэй»)

* * *

Мечты меня
Уносят далеко.
Теперь на юге
Наступила осень.
И на просторах
В десять тысяч ли
Повсюду
Краски осени легли.

Забывтый челн
Снесло в камыш волной,
И с башни,
Что белеет под луной,
Свирели голос
Ветерком доносит.

(Мелодия «Ванцзянмэй»)

* * *

Год и еще полгода в разлуке!
Так печально вокруг и уныло.
С мэйхуа белоснежной стаей
Лепестки на ступени слетают.
Подметешь их, и все как было.

Нет, не верю залетному гусю,
В край родной не вернуться мне снова.
Вдаль уходит, теряясь, дорога...
И растет и растет тревога,
Как трава на лугах весною.

(Мелодия «Цинпинлэ»)

* * *

Шумит за шторой дождь, не умолкая,
И вот опять весны как не бывало!
В час пятой стражи холод проникает,
Не греет шелковое одеяло.

Скитальцу сон — одно лишь утешенье,
Чтобы забыть про беды и лишения.

Не надо на перила опираться,
Взор устремлять на горы и на реки.
Не просто было с ними расставаться,
А встретиться заказано навеки!

Цветы опали. Их река умчала.
Все свой конец имеет изначала.

(Мелодия «Лантаоша»)

* * *

Осталось мне одно — скорбеть о прошлом!
В природе тщетно я ищу забвенья.
Один осенний ветер под окошком,
Мхом поросли забытые ступени.

Жемчужной шторы поднимать не стану:
Кого мне ждать, будь поздно то иль рано!

Меч золотой зарыт в земле глубоко,
Дух боевой навеки поколеблен.
Прохладный вечер. Небо голубое.
Встает луна во всем великолепии.

Вновь о дворце из яшмы вспоминаю...
Ах, лунный свет, зачем ты Цинхуаю!

(Мелодия «Лантаоша»)

* * *

Страна моя, что от меня вдали,
Ты прожила недолгих сорок лет,
Раскинулась на много тысяч ли,
Твоим горам и рекам счета нет.

Доступные, увы, одним мечтам,
Нефритовые заросли садов,
Беседка Феникса, дворец Дракона там
Возносятся до самых облаков...

Да разве можно было в годы те
Подумать о копье и о щите!

И вот однажды в злополучный час
По воле Неба пленником я стал.
Как Шэнь и Пань, я от невзгод угас,
Дни доживаю, немощен и стар.

Страшней всего мне нынче вспоминать,
Как предков храм я спешно покидал.
Оркестр дворцовый вышел провожать —
Он «Песнь разлуки» грустную играл.

Глядел я в скорби на придворных дам
И волю дал нахлынувшим слезам.

(Мелодия «Почжэцзы»)

* * *

То весна с цветами,
То осень с луной.
Бесконечной чреде
Где же будет предел?
Возвращает к минувшему
Память меня —
Сколько кануло в вечность
Свершений и дел!

Прошлой ночью я снова
На башню всходил,

Снова ветер восточный
Повеял весной.
Как мучительно это —
При свете луны
Вдаль глядеть, где сокрыт
Край, навеки родной!

Там резные перила,
Ступеней нефрит —
Все, наверно, осталось
Как в прежние дни.
На щеках лишь моих
Нет румянца теперь —
Бороздят их морщины,
Поблекли они.

И хотелось бы знать,
Сколько скорби еще
В этой жизни нелегкой
Я вынести мог!
Так безмерна она,
Как весною река,
Что, разлившись,
Течет и течет на восток.

(Мелодия «Юймэйжэнь»)

КОММЕНТАРИИ

Стр. 27. Во дворце тэнского князя.— Ван Бо предпослал стихам пространное эссе-вступление, прославившее поэта и как мастера прозы. Акад. В. М. Алексеев, переведший эссе на русский язык как образец изящного стиля, заметил, что в этих стихах Ван Бо и предисловии к ним прозвучал «мотив былой роскоши лиц, исторически известных и влиятельных, но ушедших со сцены, оставив потомков свидетелями полного своего разрушения. Царствует не человек, а природа, и Янцзы-цзян (Цзян) течет бесцельно, но зато в вечной полноте и неизбытности» (Алексеев В. М. Китайская литература. М., Наука, 1978, с. 161). *Брелоки* на поясах у танцовщиц издавали приятные звуки. *Балки* в китайской архитектуре не маскируются, но всячески выставляются и подчеркиваются, образуя сложные переплеты, все в золоченой резьбе и росписи.

Стр. 28. Провожая Ду...— *Тройной Цинь* (три удела, на которые в древности была разделена земля Цинь) — окрестность Чанъани, откуда Ду отправляется на службу в Шучжоу (к Пяти Переправам на Янцзы). *Меж Морями* — весь Китай, Поднебесная.

Стр. 30. Провожая на реке Ишуй.— Ло Биньван вспоминает, что здесь, на реке Ишуй, в III в. до н. э. герой Цзин Кэ прощался с Данем, наследником престола страны Янь, по поручению которого храбрец отправился в государство Цинь, чтобы убить свирепого Ина, государя этой страны, будущего Цинь Ши-хуана, основателя династии Цинь. Прощаясь, Цзин Кэ пел: «В Ишуй холодна вода. Храбрый муж как отправится в путь, так уже не вернется сюда!»

Стр. 30. В тюрьме воспевая цикаду.— Ло Биньван служил при дворе императора Гао-цзуна. По смерти императора он защищал права законного наследника, в то время как престол уже был захвачен императрицей У-хоу. Двое царевичей, при которых находился Ло Биньван, боролись против узурпаторши, но были схвачены и преданы смерти. Заключенный в тюрьму поэт (узник с юга) уподобляет себя цикаде, которая является образцом чистоты, но не в состоянии бороться с враждебными силами.

Стр. 32. В походе.— *Западная столица* — Чанъань. *Знак полководца* — костяная пластина, половина которой оставалась в государевом дворце, вторая же вручалась полководцу в знак его полномочий. *Стены дракона* — место ежегодных всеобщих сборов сюнну, о подходе которых население Чанъани извещалось сигнальными кострами.

Стр. 33. Потрясен встречей.— *Великий предел* — источник инь (женское начало) и ян (мужское начало), начало всего сущего. *Три начала* — небо, земля, человек. *Высшая тонкость* — свойство благородного мужа применяться к обстоятельствам, не унижаясь, не теряя чистоты и гуманности. *Ценность Трех и Пяти*. — В китайской числовой символике цифра три означает истинный путь неба, земли и людей; пять — человеколюбие, верность долгу, следование обрядам, мудрость, доверие. *Им бытие узреть бы...* — По даосским представлениям, сознание человека может свести весь окружающий мир до размеров столь малых, что он поместится в Чайнике Дао.

Стр. 36. *Ханьшань*. — монашеское имя («фахао») известного поэта-буддиста, добровольно возложившего на себя монастырские узы.

Стр. 41. О п а з д ы в а ю... — Стихи о том, как осень опережает путника на его обратной дороге из Шу (нынешняя провинция Сычуань) в Лоян, восточную столицу Китая эпохи Тан.

Стр. 43. В походе.— *Иньжоу* — местность на территории нынешней провинции Хэбэй, к северу от Великой стены, на восток от реки Ляохэ, где обитали северные пограничные племена киданей.

Стр. 44. П о д н и м а ю с ь н а б а ш н ю Х у а н ь ц я о.— *Хуаньцяо* — трехъярусная башня Аистов.

Стр. 45. П р о в о ж у п о ч ь... — *Цинь* — струнный музыкальный инструмент, старинный предшественник цитры.

Стр. 46. О с е н ь ю п о д н и м а ю с ь... — *Осенний праздник*, праздник «двойной девятки» — девятый день девятого месяца по лунному календарю.

Стр. 47. Н о ч ь ю в о з в р а щ а ю с ь в Л у м э н ь.— *Пан Гун* — отшельник, обитавший в Лумэне в эпоху династии Восточная Хань (25—220).

Стр. 48. Н а г о р е С и ш а н ь... —...*праведник мудрый*. — Мудрым праведником назвал Конфуций своего ученика Янь Юаня, у которого была одна корзина для еды и единственная тыква-горлянка для питья, и жил он в нищем переулке, но никогда не изменял своей веселости.

Стр. 49. П и ш у н а с т е н е... —...*занят созерцаньем*. — Имеется в виду буддийское учение чань, сложившееся в Китае на рубеже V—VI вв. в результате сложного сплетения идей буддизма: махаяны (великий путь), даосизма (философия Чжуан-цзы, рассуждение об «истинной мудрости» как отсутствии суетной деловитости) и элементов конфуцианской этики (диалектика двух начал мира в «Книге перемен» — «Ицзин», мужского и женского начала, силы света и тьмы). Возникновение учения чань связывают с именем Бодхидхармы — двадцать восьмого буддийского

патриарха в Индии, который, согласно преданию, в конце V столетия поселился в Китае и стал первым патриархом новой школы буддизма, внеся в нее ряд теоретических постулатов («Трактат о светильнике и свете» — «Дэндянь цзи»), свой ритуал и практику — сидячую медитацию, сосредоточенное созерцание собственной изначальной природы. ...*чист и светел лотос*...— Лотос — символ чистоты: растет в тине, но не испачкан ею. Поэт XI в. Чжоу Дуньшан писал о лотосе: «Из грязи растет он, а сам не грязнится».

Стр. 53. Мои чувства...—...*три горных края Ба* (Саньба) — местность на востоке нынешней провинции Сычуань.

Стр. 55. В а н у Девятому.— «*Милые детки домой Тао Цяня ждут*».— В сочинении Тао Юаньмина «Домой, к себе» говорится, что у входа в дом его ожидают дети: «Служанки и слуги с приветом встречаются, а милые детки ждут у дверей» (перев. В. Алексеева).

Стр. 58. Помещенные в книге шесть стихотворений Чжан Сюя являются «полным собранием сочинений» поэта.

Стр. 58. Перси ко в ы й п о т о к.— Стихотворение написано как напоминание о знаменитом «Персиковом источнике» Тао Юаньмина. ...*пещера на какой стороне потока?* — Та пещера в горе, через которую рыбак в «Персиковом источнике» попадает в страну счастливых людей. Чжан Сюй, видимо, сомневается в достоверности событий «Персикового источника».

Стр. 60. И в а.— *Линхэдянь* — Дворец Одухотворенности и Согласия, перед ним росли ивы, которыми, по преданию, в конце V в. любовался государь У-ди.

Стр. 61. Д о е з ж а ю д о п о д н о ж и я г о р ы Б э й г у ш а н ь.— Поэт весной возвращается с юга в родной Лоян. Остановившись на отдых, один среди разлившихся, словно море, весенних вод, путник надеется: летящие на север гуси донесут весть о нем в столицу.

Стр. 62. Н а б а ш н е Ж е л т о г о А и с т а.— Речь идет о башне Хуанхэлоу на западной окраине города Учана на берегу Янцзы. Согласно старинной легенде, там жил некий Син, который держал винную лавку. Каждый день к нему приходил старик и пил вино, но не расплачивался, ибо не имел денег. Так продолжалось полгода. Однажды старик взял мандариновую корку и нарисовал на стене аиста. Аист танцевал на стене и веселил гостей. В лавку набивалось много народу, и хозяин разбогател. Прошло десять лет, однажды вновь появился старик, заиграл на флейте, и аист сошел со стены. Старик сел на аиста и улетел в небо. А благодарный Син построил в память о нем башню. *Хайянь* — местность на Янцзы напротив Учана. *Островок Попугая* — остров на Янцзы к юго-западу от Учана.

Стр. 63. В военном походе.— *Осенний ветер с моря*...— Имеется в виду озеро Цинхай (Кукунор). *Юймыньгуань* — застава Яшмовых ворот. *Таохэ* — приток реки Хуанхэ в провинции Ганьсу. *Туугунь* — владение на дальнем западе. В VIII в. Танское государство

воевало с ханом владения Тугухунь. ...с незапамятных времен — то есть со времен династий Цинь (246—207 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.). *Ли Гуан* (179—141 гг. до н. э.) — китайский полководец эпохи Западная Хань, вошедший в историю своими победами над кочевыми племенами сюнну.

Стр. 64. Из «Пограничных напевов». — *Линьтао* — местность, где начинается Великая стена (нынешняя провинция Ганьсу).

Стр. 66. Отвечаю Пэй Ди. — *Пэй Ди* — поэт, один из ближайших друзей Ван Вэя. *Чжуннаньская гряда* — горный хребет в Центральном Китае. На склонах его и в долинах часто селились отшельники. Загородный дом Ван Вэя находился сначала в Чжуннаньских горах, а позднее неподалеку от этих гор, в долине реки Ванчуань.

Стр. 66. *Долина облаков* — название живописной местности, где находился загородный дом некоего *Хуанфу Юэ*.

Стр. 68. Река Ванчуань. — Цикл из двадцати стихотворений, воспевающих уголки местной природы, — итог дружеского состязания Ван Вэя с поэтом Пэй Ди, создавшим ответный поэтический цикл с теми же названиями составляющих его произведений.

Мэнчэнская падь. — *Сада истлевшего след*. — За несколько десятилетий до Ван Вэя в этих местах жил известный поэт Сун Чживэнь.

Бамбуковый перевал. — *Шаншань* — гора на территории нынешней провинции Шэньси, где некогда, спасаясь от жестокостей императора Цинь Ши-хуана, скрывались четверо старцев-отшельников. Отсюда «взойти на Шаншань» — значит: укрыться от мира, стать отшельником.

Стр. 71. Волны под ивами. — *Дворцовый* (или Императорский) *канал* — канал в Чанъани, окружавший стены императорского дворца и обсаженный старинными ивами, традиционное место расставаний. Поскольку при этом полагалось срывать на память о друге по ветке ивы, нижние ветви ив на Дворцовом канале были постоянно оборваны, напоминая своим видом о свершившейся или о предстоящей разлуке.

Стр. 71. Ручей с золотыми песчинками. — *Властелин из яшмы*, или яшмовый владыка — одно из высших божеств даосского пантеона, властитель видимого мира; его сопровождают изумрудно-зеленый феникс и дракон с расписной, узорчатой кожей. *Перяной бунчук* — принадлежность даосского подвижника, сумевшего достичь небывалого долголетия.

Стр. 72. Сад лаковых деревьев. — Знаменитый мудрец Чжуан-цзы (IV—III вв. до н. э.) всю свою жизнь избегал чиновной карьеры. Единственной должностью, которую он некоторое время исполнял, был незначительный пост смотрителя сада лаковых деревьев.

Стр. 73. Сад перечных деревьев. — *Дети государя и красавицы* — дочери легендарного императора Яо, ставшие бессмертными небожительницами. *Облаков Повелитель* — даосское божество.

Стр. 74. Когда Цуй Девятый отправлялся в

Южные горы...— *Цуй Девятый* — двоюродный брат поэта Цуй Син-цзуң. *Южные горы* — горы Чжуннань (см. коммент. к стихотворению «Отвечаю Пэй Ди»).

Стр. 74. Вдова князя Си.— Некогда чуский князь Вэнь-ван, убив князя Си, взял его жену себе в наложницы. Тоскуя о прежнем муже, женщина постоянно молчала.

Стр. 74. Из стихов «Наложница Бань».— *Наложница Бань* — фаворитка ханьского государя Чэн-ди (I в. до н. э.), оставленная им и доживавшая свой век в одиночестве в одном из отдаленных дворцовых покоев. *Золотой паланкин* — паланкин государя.

Стр. 76. Сочинил стихи...— *Путь предприими к роднику, где персик цветет.*— Со времен поэта Тао Юаньмина персиковый источник, или родник, — символ живописной, укрытой от мира местности, обиталища отшельников.

Стр. 76. Из «Стихов о разном».— *С грустью гляжу...*— Женщина грустит оттого, что возлюбленный забыл дорогу в ее дом и крыльцо постепенно зарастает травой.

Стр. 77. Плакиваю Мэн Хаожаня.— *Мэн Хаожань* — поэт, старший современник и друг Ван Вэя, уроженец *Сянъяна* (город на территории нынешней провинции Хубэй), в окрестностях которого провел в уединении многие годы жизни. *Ханьшуй* (Ханьцзян) — река, на берегах которой расположен Сянъян. *Цайчжоу* — остров на этой реке.

Стр. 78. В девятый день девятой луны вспоминаю братья х...— Братья поэта жили в местности Пу (в пределах нынешней провинции Шаньси), что к востоку от горы Хуашань — одной из пяти священных вершин Китая. ...*ломают кизил.*— В праздник осени было принято подниматься в горы, ломать там кизилевые ветки и украшать ими волосы; это, по поверью, избавляло от болезней и наваждения.

Стр. 79. Вместе с чиновником Лу Сяном...— *Лу Сян* — поэт, друг Ван Вэя. *Белками глядит на пришельцев...*— Одними белками, закатив зрачки, встречал тех, кто был ему неприятен, поэт-отшельник Жуань Цзи (III в.).

Стр. 79. Провожая Юаня Второго...— *Аньси* — адм. центр на дальней западной окраине танского Китая. *Яньгуань* — застава на территории нынешней провинции Ганьсу, через которую лежал путь в земли западных кочевников.

Стр. 80. Провожая Шэнь Цзыфу...— *Цзяндун* — территории к востоку от реки Янцзы (нынешняя провинция Цзянсу).

Стр. 80. Пишу в дни «холодной пищи»...— *Дни «холодной пищи»*— трехдневный весенний пост перед днем поминовения усопших, начинавшийся на сто пятый день после зимнего солнцеворота; в эти дни не разводили огонь и питались холодной сладкой кашей. *Река Сышуй* — приток Хуанхэ. *Гуаньчун* — город на территории нынешней Хэнани. *Вэньян* — уезд и город на территории нынешнего Шаньдуна.

Стр. 80. Меня, пребывавшего в заключении...— *Пути-*

сы — буддийский храм в Чанъани (по другим данным — в Лояне), куда Ван Вэй был заключен, после того как попал в руки солдат мятежника Ань Лушаня. *Пруд Застывшей Лазури* — дворцовый пруд в Чанъани.

Стр. 81. О плакиваю Инь Яо.— *Инь Яо* — отшельник, друг Ван Вэя.

Стр. 81. Вдыхаю о седых волосах.— *Врата Пустоты* — буддийское учение.

Стр. 82. Память о друге.— Поэтическое название красных бобов в память о верной жене, тосковавшей о муже и, по преданию, превратившейся после смерти в это растение.

Стр. 83. Из стихов «Жена тоскует о далеком муже».— *Ляоянский странник* — то есть муж, ушедший в поход в далекий Ляоян (местность на территории нынешней Южной Маньчжурии). *Лишь облака плывут...*— По представлениям древних китайцев, появление на небе облака означало, что о вас вспомнил кто-нибудь из родных или друзей. Больше облаков — чаще воспоминания.

Стр. 84. Осеннее.— *Стражу вновь возвестил барабан...*— Имеются в виду удары барабана, которым с семи часов вечера и до пяти часов утра отмечались двухчасовые периоды, ночные стражи. *Небесная Река* — Млечный Путь. *Тайи* — дворцовый пруд в Чанъани.

Стр. 85. Напевы осенней ночи.— *Еще не послала теплых одежд* — мужу, ушедшему в дальний поход. *Чжэн* — настольные гусли.

Стр. 85. Сложил во сне.— *Конфуций* (VI—V вв. до н. э.) — выдающийся мыслитель китайской древности, создатель этико-политического учения, игравшего на протяжении веков ведущую роль в феодальном Китае. *Хуанди* — «Желтый Император», мифический родоначальник китайцев.

Стр. 88. Радуюсь приезду Цзу Третьего...— *Цзу Третий* — Цзу Юн, поэт, друг Ван Вэя.

Стр. 89. Осенней ночью сижу один.— *Книги же только учат небытию.*— Речь идет о буддизме, видящем цель человеческой жизни в достижении состояния небытия, нирваны.

Стр. 90. Горы Чжуннань.— *Гребень Тайи* — один из наиболее высоких отрогов гор Чжуннань, подходит с юга к Чанъани — *Небесной Столице.*

Стр. 90. Поля и сады на реке Ци.— *Ци* (Цишуй) — река в провинции Хэнань.

Стр. 91. Посетил горную обитель...— *Храм Ганьхуа* — буддийский храм в горах Ланьтянь. *Тигровый ручей* — горный поток, неподалеку от которого поселился один из патриархов китайского буддизма, Хуэй-юань (V в.). По преданию, всякий раз, когда Хуэй-юань или кто-нибудь из его гостей переходили через этот поток, раздавалось рычание тигра. Здесь — символ жилища отшельника.

Стр. 92. Посещаю обитель Сянцзи.— *Обитель Сянцзи* — буддийский храм неподалеку от Чанъани.

Стр. 94. Провожая Чжана Пятого...— *Чжан Пятый* — Чжан Инь, известный художник, каллиграф, друг Ван Вэя.

Стр. 94. Провожая чиновника Цянья...— *Чиновник Цянь* — поэт Цянь Ци, друг Ван Вэя. *Персиковый ключ*.— См. коммент. к стихотворению «Сочинил стихи...» (с. 76). *Чжан Хэн* (I—II вв.) — известный литератор и ученый, автор оды «Возвращаюсь к полям». *Лао Лай* — идеал почтительного сына: до глубокой старости, семидесяти с лишним лет, продолжал надевать пестрое детское платьице, чтобы радовать и забавлять своих родителей. Уподобляя Цянь Ци старцу Лао Лаю, Ван Вэй хочет подчеркнуть сыновнюю почтительность друга.

Стр. 95. Дарю Цю Вэю на прощание.— *«Пояс и шпильки» за проводы благодарю*.— Поэт благодарит за проводы друга. Пояс и шпильки — принадлежности одеяния чиновника, в данном случае — Цю Вэя.

Стр. 96. По Желтой реке плыву в Цинхэ.— *Желтая река* — одна из двух главных рек Центрального Китая. *Цинхэ* — река и прилегающая к ней местность в нынешней провинции Хэбэй.

Стр. 96. Ночью проплываю Цзинкоудай.— *Цзинкоудай* — местность в Восточном Китае. *У* — область в низовьях Янцзы. *Северный Ковш* — созвездие Большой Медведицы.

Стр. 96. Хозяин тысячи пагод.— Прозвище неизвестного отшельника. *Чуские гребцы* — жители Чу, обширной области в Центральном Китае.

Стр. 97. Весенней ночью...— *Травы собирать*...— Собираание лекарственных и съедобных трав было одним из обычных занятий отшельников.

Стр. 97. Проводы.— *Я обрету забвенье в южных горах* — то есть стану отшельником в горах Чжуннань. *Но седым облакам не будет конца никогда*.— Поэт хочет сказать, что он всегда будет помнить о друге (см. коммент. к с. 83 «Из стихов «Жена тоскует...»).

Стр. 98. Вэйчуаньские крестьяне.— Те, что живут на реке Вэйчуань (Вэйшуй), притоке Хуанхэ. *«Скоро стемнеет...»* — одна из песен «Шицзина» («Книги песен»), где есть слова: «Почему не идем домой?» Поэт хочет сказать, что и он, завидуя сельским жителям, мечтает вернуться к полям и садам.

Стр. 98. Зеленый ручей.— Река *Желтых цветов* (Хуанхуачуань) — река в провинции Шэньси.

Стр. 99. Обитель Каменных Ворот...— Поэт описывает свое посещение буддийского монастыря, водный путь к которому в челне сравнивает с Персиковым источником.

Стр. 100. Чжэни Хо, жители гор.— *Цихэ* (Цишуй) — река в провинции Шаньдун. *Лишь по твердой цене лекарства больным продают* — подобно древнему отшельнику Хань Кану, который десятилетиями продавал лекарственные травы, никогда не запрашивая лишнего, но всегда сразу называл окончательную цену. *Лишь у добрых деревьев обрета-*

ют тенистый приют...— То есть следуют заповедям древних мудрецов, учивших, что отдыхать подобает лишь под сенью добрых деревьев, а утолять жажду — лишь из чистых ключей.

Стр. 101. Н о ч у ю в Ч ж э н ч о у.— *Чжэнжоу, Наньян* — города в провинции Хэнань. *На прощанье поклон отдал жителям Чжоу чуть свет...*— То есть, простившись рано утром с лоянцами (Лоян и его окрестности входили некогда в состав царства Чжоу), поэт прибыл к вечеру в город Чжэнчжоу (входивший некогда в состав княжества Чжэн). *Цзиншуй* — река, на которой находится Чжэнчжоу. *Цзиньгу* — местность вблизи Лояна.

Стр. 103. П р е п о д п о ш у г у б е р н а т о р у В э й Ч ж и.— *Вэй Чжи* — сановник, друг Ван Вэя. *Тунг* — одна из разновидностей лакового дерева. «*Старик-горемыка*» — название древней народной песни.

Стр. 104. Н а г р а н и ц е.— *Цзюцюань* — город, находившийся на территории нынешней провинции Ганьсу, в Западной Китае. *Хунны* (гунны) — кочевники, обитавшие к западу от Китая.

Стр. 105. И з с т и х о в н а с л у ч а й.— *На холме, где Сунь Дэн свистал в былые года...*— Сунь Дэн — древний отшельник, отличавшийся необыкновенной силой свиста; по преданию, его свист вызывал эхо в горах. *Тао Цянь* — знаменитый поэт Тао Юаньмин, воспевавший вино и жизнь среди полей и садов. *К и в а м п я т и с п е с н е й в е р н у л с я х м е л ь н о й* — то есть к собственному дому, перед которым поэт, по преданию, собственноручно посадил пять ив, ставших со временем синонимом жилища отшельника.

Стр. 108. И з н ы в а ю о т ж а р ы.— *Ворота Сладкой Росы* — буддийское учение.

Стр. 111. О с е н н и е д у м ы.— *Яньчжи* — гора в нынешней Ганьсу. *Яшма-застава* — Юйгуань (там же). *Шаньюй* — титул вождей сюнну.

Стр. 112. П о д н о с я в и н о.— *Триста чаш* — гипербола, свойственная поэтике Ли Бо. *Цэнь, Данцю* — друзья Ли Бо. *Цао Чжи* (192—233) — известный поэт, наследник императора Цао Цао. *Пинлэ* — название дворца. *Доу* — мера объема, равная 10,3 литра; название сосуда для вина.

Стр. 114. П е с н я о в о с х о д е и з а х о д е с о л н ц а.— *Где ж пещера для шести драконов?* — Согласно легенде, солнце ежедневно совершает свой путь с востока на запад в колеснице, запряженной шестью драконами. *Сихэ* — имя возницы солнца. К вечеру колесница останавливается. Драконы и возница отдыхают. *Лу Ян* — легендарный воин эпохи «Борющихся царств». Сражаясь на стороне княжества Вэй против княжества Хань, Лу Ян махнул копьем и остановил уже садившееся на западе солнце.

Стр. 114. Л у н а н а д п о г р а н и ч н ы м и г о р а м и.— *Бодэн* — город в провинции Шэньси; здесь в 200 г. до н. э. ханьский император Гаоцзу был окружен гуннами. *Цинхай* — озеро в провинции Цинхай.

Стр. 115. П е с н и н а г р а н и ц е.— *Вэйский мост* — в провинции

Шэньси, к северу от Чанъани. ...*стрелы разят гордецов* — то есть племена гуннов. *Злые звезды померкли.* — Выражение идет от предания о том, что когда стране грозила военная опасность, на небе появлялись лучи зловеще сиявших планет. Кончалось сражение — и лучи исчезали. *Хо Пяояо* — генерал, портрет которого по приказу ханьского императора Сюань-ди был помещен первым в башне Цилинь. За ним следовали портреты других сановников.

Стр. 115. На западной башне...— У и Юэ — древние названия провинций Цзянсу и Чжэцзян. «*Прозрачной белого шелка*» — строка из стихотворения поэта Се Тяо (464—499) «Вечером, поднявшись на гору Саншань, гляжу вдаль на столицу».

Стр. 116. Два стихотворения в жанре цы.— Цы — жанр китайской классической поэзии, возник в VIII в. на основе песенно-романсовый текст на определенные мелодии, могли исполняться в музыкальном сопровождении. Мелодия определяла поэтический размер, число строк и количество слов (иероглифов) в каждой строке произведения, а также наличие в нем зачинов и повторов. Цы делятся, как правило, на строфы и в большинстве своем имеют рифму. Стали ведущим жанром в поэзии эпохи Сун (X—XIII вв.). *Циньской деве не спится...* — Знатная женщина в разлуке с любимым поет о своем одиночестве. Название мелодии связано с ее именем. *Балинь* — восточная окраина Чанъани, где через реку Башуй был перекинут мост. На берегу росли плакучие ивы. Здесь провожали путников. *Ляююань* — холм на южной окраине Чанъани, место отдыха и прогулок. *Санъян* — столица династии Цинь (246—207 гг. до н. э.) в нынешней Шэньси. *Могил и храмов грустная вереница.* — Поэт имеет в виду усыпальницы императоров династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.).

Стр. 119. Стихи о Чистой реке.— *Чистая река* (Цинси) и река *Синьань* славилась чистотой и прозрачностью вод. *Крик обезьян* в китайской поэзии является символом глубокой тоски.

Стр. 119. Рано утром выезжаю из города Боди.— *Боди* — город на высоком берегу Янцзы в Сычуани. Поэт воспеваает быстроту течения в верховьях реки.

Стр. 120. Осенью поднимаюсь...— *Се Тяо* — поэт времен Южной династии Цзинь (см. коммент. к с. 283); был губернатором в городе Сюаньчэне (в нынешней провинции Аньхуэй).

Стр. 123. Слушаю, как монах Цзюнь из Шу играет на лютне.— *Эмэй* — гора на территории нынешней Сычуани. На ней были расположены храмы и скиты отшельников. ...*дальних деревьев томительный стон.* — Намек на предание о Юй Боя, древнем мастере игры на лютне, жившем в эпоху «Борющихся царств» (481—221 гг. до н. э.). Юй Боя играл для своего друга Чжун Цзыци, который прекрасно понимал музыку и всегда узнавал, что именно хотел лютнист выразить звуками, — будь то шум леса в горах или журчание струй. Когда Чжун Цзыци умер,

Юй Боя разбил свою лютню, считая, что теперь уже не для кого играть, и навсегда забросил свое высокое искусство. *Покрытые инеем колокола*.— Согласно легенде, на горе Фыншань было девять колоколов, которые сами начинали звучать, когда на них оседал иней.

Стр. 123. Б е з н а з в а н и я.— *Гора Пэнлай* — даосский рай; по поверьям древних китайцев, находится на одном из островов, расположенных в Восточном море.

Стр. 124. З а в и н о м.— *Великая терраса* — терраса Гусу, построенная для торжественных пиров в эпоху «Борющихся царств» У-ваном, правителем царства У, после победы над царством Юэ.

Стр. 127. С в и н о м в р у к е в о п р о ш а ю л у н у.— *Белый заяц*.— По китайским поверьям, белый заяц на луне толчет в ступе эликсир бессмертия. *Чанъэ* — жена мифического Хоуи, стрелка из лука. Украл у мужа лекарство бессмертия, она бежала с ним на луну. Став бессмертной, Чанъэ тосковала на луне в одиночестве.

Стр. 128. П р о в о ж а ю д р у г а...— *Ущелья* — три знаменитых ущелья в верхнем течении Янцзы. *Сосна* — символ вечности.

Стр. 128. П р о в о ж а ю г о с т я , в о з в р а щ а ю щ е г о с я в У.— Ли Бо имеет в виду место, где за много веков до его рождения находилось древнее царство У (территория нынешних провинций Цзянсу и Аньхуэй).

Стр. 129. Б е с е д к а Л а о л а о.— «Беседка удрученных», традиционное место расставания; было принято уезжающих друзей провожать до этой беседки. ...*не дает зазеленеть ветвям*.— Подразумеваются ветви ивы: если бы ивы зазеленели, то от них, расставаясь, друзья, по обычаю, отламывали бы на память ветви, и тогда горечь расставания была бы еще острее.

Стр. 129. П о с в я щ а ю М э н Х а о ж а н ю.— *Среди сосен спит и среди облаков* — то есть ведет жизнь отшельника.

Стр. 130. Ш у т я п р е п о д н о ш у м о е м у д р у г у Д у Ф у.— *Ду Фу* — великий китайский поэт, современник и друг Ли Бо. Поэты, хорошо зная творчество и высоко ценя талант одного другого, впервые встретились и сблизились в 745 г. в Лояне. Они воспели свою дружбу в ряде стихотворных посланий друг к другу.

Стр. 130. П р о в о ж а ю Д у Ф у...— Поэт описывает горы и реку Сышуй в провинции Шаньдун.

Стр. 131. П о с ы л а ю Д у Ф у и з Ш а ц ю.— *Шацю* — местность в Шаньдуне. *Луское вино* — вино шаньдунских виноделов. *Вэнь* — река в Шаньдуне.

Стр. 132. В С ю а н ь ч э н е л ю б у ю с ь ц в е т а м и.— «*Кукушкин цветок*» — рододендрон, напоминающий поэту родные места.

Стр. 132. Н а з а к а т е с о л н ц а...— *Шаньчжун* — дословно: Междугорье, родные места поэта в гористой Сычуани. *Философский камень* — киноварь. Даосские алхимики считали, что из нее можно добывать золото, изготавливать пилюли бессмертия и прочее.

Стр. 133. С осеннего берега посылаю жене. — *Осенний берег* — местность у реки Янцзы в провинции Аньхуэй. «*Пятицветная рыбка*» — образное название письма.

Стр. 134. Поднявшись на Фениксовую террасу у Цзиньлина. — *Фениксовая терраса* была построена на берегу Янцзы у Цзиньлина (ныне Нанкина) в эпоху Южных и Северных династий (386—589). *Остров Белой Цанли* расположен на Янцзы западнее Цзиньлина. *Солнце могут закрыть плывущие облака.* — То есть злонамеренные чиновники окружают императора, как облака солнце. Поэтому, говорит поэт, мне не видать Чанъани, где живет император, окруженный ненавидящими меня придворными.

Стр. 135. Посвящаю Сыма Пэю. — Описывая брошенную фаворитку, поэт рассказывает о себе: он тоже пользовался благоволением государя, но потом, оклеветанный врагами, отправился в ссылку, где перенес много бедствий.

Стр. 137. Су У. — В 100 г. до н. э. Су У был послан ханьским императором У-ди послом к племени сюнну. Там его предательски схватили, бросили в темницу, морили голодом и жаждой, склоняя к измене родине. Когда же шаньюй (вождь сюнну) убедился, что Су У верен отчизне, его сослали навечно — «пока бараны не станут ягниться» — далеко на север, где он много лет пас овец. При ханьском императоре Чжао-ди (87—74 г. до н. э.) отношения Китая с сюнну наладились, и новый китайский посол потребовал освобождения Су У, но ему ответили, что тот умер. Через несколько лет в те места прибыл другой китайский посол. К нему ночью тайно пробрался человек из бывшей свиты Су У и рассказал о судьбе последнего. Посол заявил шаньюю, что китайцам известно все о Су У из письма, которое тот якобы переслал с перелетным гусем, сбитым стрелой самого китайского императора. Пораженный шаньюй признался, что сообщение о смерти Су У было ложью, и распорядился освободить его и отпустить в Китай. Когда Су У уезжал, его провожал старый друг Ли Лин, в свое время командовавший китайскими войсками в походе против сюнну и после проигранного сражения оказавшийся у них в плену. Ли Лин дал прощальный обед Су У, на котором восхвалял непреклонную верность последнего и горевал, что сам не может вернуться вместе с ним на родину, о чем и написал стихи, частично использованные Ли Бо.

Стр. 138. Бой южнее Великой стены. — *Бой, отгремевший за Саньган-рекой.* — Поэт говорит о бое, который вел с племенами кочевников в местности у реки Саньган (территория нынешней Шэньси) танский полководец Ван Чжунсы в 742 г. ...*драться в русле высохшей реки.* — В 747 г. танский полководец Гао Сяньчжи шел с боями по руслу реки Цунхэ (территория нынешнего Синьцзяна). *Морской простор.* — Видимо, речь идет об озере Кукунор. *Ли* — мера длины, приблизительно равная 0,5 км. *Эпохи циньской дни* — эпоха царствования Циньской династии (246—207 г. до н. э.). В эту эпоху была начата постройка Великой стены для защиты Китая от набегов с севера.

Стр. 141. Весенние думы.— *Весенний ветер* — ветер, навевающий любовные грезы.

Стр. 142. Ветка ивы.— *Лунтин* — местность на территории нынешней Внутренней Монголии, где находилась ставка хана сюнну.

Стр. 142. Осенние мысли.— *Яньчжи* — гора в окрестностях Чанъани. *Над морем* — то есть над озером Цинхай (Кукунор). *Ханьские бойцы* — китайские воины. Ханьцами китайцы называли себя по династии Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.). ...*жалеть о том, что сорван был цветок* — то есть о том, что вышла за тебя замуж.

Стр. 143. Путешествие при северном ветре.— *За воротами Холода царствует грозный дракон*.— Речь идет о воротах, якобы отделяющих Китай от места пребывания священного дракона, жившего, согласно древней легенде, на крайнем севере, куда не достигают лучи солнца. Тело его было длиной в тысячу ли, ног не было, но имел он человеческое лицо. Во рту у дракона вместо зубов были свечи. Когда он раскрывал пасть и глаза, становилось светло; когда закрывал — наступал полный мрак.

Стр. 145. Песня обиженной красавицы.— *Ханьский дворец* — дворец императоров династии Хань. Ли Бо переносит современные ему события в древность. *Чжао Фэйянь* — знаменитая красавица, танцовщица и гетера (I в. до н. э.). Фэйянь — дословно: «летающая ласточка» — ее прозвище, которое она получила за бесподобное изящество. Будучи столичной гетерой, Фэйянь привлекла внимание императора Чэн-ди, взявшего ее в наложницы. Постепенно оттеснив всех других обитательниц императорского гарема, она наконец стала императрицей. После смерти Чэн-ди в 6 г. до н. э. Чжао Фэйянь покончила жизнь самоубийством из-за интриг жены нового императора Ай-ди.

Стр. 147. Горечь.— *Царица Чэнь* — любимая жена ханьского императора У-ди (140—87 гг. до н. э.); покинутая им ради нового увлечения, она была переселена из покоев Золотого дворца во дворец Чанмэн-гун.

Стр. 148. Чанганьские мотивы.— *Чангань* — деревня на территории нынешней Цзянсу. *Делить... и пепел и прах* — то есть делить все трудности и горести жизни. ...*завет «обнимающего устою»* — обет верности до самой смерти. По преданию, в древности некто Бэй Шэн назначил возлюбленной свидание у моста через реку. Женщина все не приходила, а вода в реке стала внезапно прибывать. Но Бэй Шэн оставался на месте и, верный своему слову, погиб, ухватившись за один из устоев моста. *На башне стоять одной*.— В древности жена человека, уехавшего в дальние края, взшла на башню и стала там ожидать возвращения мужа. Она проглядела все глаза, но муж не возвращался, и в конце концов женщина окаменела. *Ущелье Цюйтан* находится в верхнем течении Янцзы. В узком месте во время разлива плыть против течения невозможно. *Чанфынса* — местность на Янцзы на территории нынешней провинции Аньхуэй.

Стр. 150. Девушка из Сычуани.— Возлюбленный девушки, торговец, разъезжает в джонке по Янцзы.

Стр. 150. Стихи о большой плотине.— *Сянъян* — город на реке Хань на территории нынешней провинции Хубэй.

Стр. 151. Ночной крик ворона.— По поверью, ворон каркает ночью, когда потеряет свою пару.

Стр. 154. Яньский напев.— Песня древнего царства Янь на севере Китая. В яньских песнях воспевались войны, ушедшие в далекий поход и не вернувшиеся на родину. *26-й год Кайюань* — 738 год. *Гун* — титул чиновника в Древнем Китае. *Цзеши* — горы на побережье залива Бохай в Хэбэе. *Письмо с пером* — срочное военное донесение. *На юг от города*. — Имеется в виду Чанъянь. *Цзи* — древнее название территорий, где расположены ныне Хэнань и Хэбэй. ...*холодный звук котлов в тиши ночной*. — Ночью котлы для варки пищи употреблялись в армии для сигнализации и отбивания страж. *Полководец Ли* — Ли Гуан (см. коммент. к с. 63 «В военном походе»).

Стр. 156. Инчжоуская песня.— *Инчжоу* — местность в Хэбэе, к северу от Великой стены, на восток от реки Ляохэ, где обитали северные пограничные племена киданей. Стихотворение проникнуто дружелюбием: с киданями не всегда воевали, а порою жили мирно вместе с ними и наблюдали их обычаи.

Стр. 159. Слышится флейта.— Стихотворение написано во время осады кочевниками города Суйян. Чжан Сюнь командовал обороной города.

Стр. 160. Снова провожаю Пэя...— *Цзычжоу* — современный Цзиань в нынешней провинции Цзянси. *Цзян* — река.

Стр. 161. Радуюсь приходу сановника-шиюя Хуанфу...— *Хуанфу* — танский поэт Хуанфу Цзэн, современник и друг Лю Чанцина. Стихотворение обращает на себя внимание истинно китайской живописностью, вертикально рисующей движение картины, представленной взору.

Стр. 162. К северу от Мулинской заставы...— Поэт с состраданием рассказывает путнику о боли, ожидающей его в родных местах, разоренных мятежом Ань Лушаня. *Мулинская застава* находилась на территории нынешней провинции Хубэй (в древнем Чу); город *Юйян* и река *Сангань* — в Хэбэе.

Стр. 164. Взирая на священную вершину.— Поэт любуется горой Тайшань, одной из пяти священных гор Китая (в нынешнем Шаньдуне). На нее, по преданию, подымался Конфуций. *Ци* и *Лу* — древние княжества (в нынешнем Шаньдуне).

Стр. 165. Весенним днем вспоминаю Ли Бо.— *Юй Синь* (513—581) — поэт, автор знаменитой оды «О засохшем дереве». *Бао Чжао* (405?—466) — поэт, будивший своим творчеством сочувствие к бедным людям, сетовавший на царящую в мире несправедливость.

Стр. 166. Восемь бессмертных за вином.— В даосском пантеоне имеется группа из восьми бессмертных гениев, пользующихся особой популярностью в народе. Ду Фу в шутливой оде назвал восемью бессмертными известную в Чанъани его времени бесшабашную компанию любителей вина, состоявшую из талантливых и интересных людей, среди которых был Ли Бо. *Сын Неба* — китайский император.

Стр. 166. Стихи в пятьсот слов...— *Фэнсян* и *Дулин* — названия местностей в столичном округе (нынешняя Шэньси). *Человек в пеньковом платье* — простолюдин. *Цзи* и *Се* — мудрые министры легендарного императора *Шуня*, проявлявшие заботу о простом народе. *Сюй Ю* и *Чао Фу* — знаменитые отшельники времен легендарного императора Яо. *Лишань* — гора к востоку от Чанъани. На ней находился Хуацзингун — летний дворец танского императора Сюань-цзуна. *Яочи* — дословно: яшмовый пруд. Так называется в китайских мифах озеро в райских садах богини Сиванму. Поэт имеет в виду теплый источник на горе Лишань. ...золотые блюда увезены из алого дворца.— Ходили слухи, что семья Ян-гуйфэй, фаворитки императора, обкрадывает дворец. *Три небесных феи* — Ян-гуйфэй и две ее сестры. *Суп из верблюжьего копыта* — изысканное кушанье. *Цин* и *Вэй* — реки в столичной области. *Кунтун* — гора в нынешней Ганьсу. *Небесный столб* — мифический медный столб у горы Бучжоу, якобы поддерживающий небеса. *Плавучий мост* — понтонный мост через Хуанхэ у города Хэяна. *Я был свободен от налогов*.— Ду Фу принадлежал к сословию чиновников и поэтому был освобожден от налогов и военной службы.

Стр. 173. Л у н н а я н о ч ь.— В деревне Цянцунь, что в окрестностях *Фуцжоу*, Ду Фу скрывал свою семью от мятежников Ань Лушаня.

Стр. 173. В е с е н н и й п е й з а ж.— Стихотворение написано в дни, когда Ду Фу был задержан отрядами мятежников в Чанъани.

Стр. 174. Д е р е в н я Ц я н ц у н ь.— Бежав из захваченной мятежниками Чанъани, Ду Фу около года служил новому императору Суцзуну, затем с большим трудом вернулся к семье в деревню Цянцунь. *Чайники*.— В Китае пьют подогретое вино из сосудов, похожих на чайники.

Стр. 178. П о с в я щ а ю Г а о Ш и я н ю.— *Гао Шиянь* — племянник поэта Гао Ши, друг молодости Ду Фу.

Стр. 178. П о с в я щ а ю В э й Б а...— *Шан* и *Шэнь* — звезды, которые очень редко появляются на небосводе одновременно.

Стр. 180. Ч и н о в н и к в С и н ь а н и.— Ду Фу сделал примечание к стихотворению: «Хотя обе столицы опять в наших руках, но мятежников еще много». *Синьань* — город в нынешней Хэнани. *Ечэн* — город в Хэнани, где стояла армия Ань Цзинсюя, сына Ань Лушаня. Здесь мятежники в 759 г. разбили правительственные войска. *Го Цзыи* — командующий императорской армией, участник подавления восстания Ань Лушаня.

Стр. 188. П р о щ а н ь е н о в о б р а ч н о й.— *У повилики усики... слабы*.— То есть она не может еще ими крепко прицепиться к другому

растению. ...*жена твоя иль не жена.*— Только навестив могилы предков мужа, помолвившись перед таблицами их душ, новобрачная по-настоящему становится женой. Все эти обряды остаются невыполненными, так как муж уходит на поле боя.

Стр. 188. Первый день осени.— *Вчерашняя ночь разделила нам осень и лето.*— По китайскому народному календарю сельскохозяйственных работ ночь с девятнадцатого на двадцатый день шестого лунного месяца (приблизительно 6 августа) отделяет лето от осени.

Стр. 192. В и жу в о с не Л и Б о.— До Ду Фу, бывшего в отставке, дошло известие, что Ли Бо за службу у мятежников сослан в Елан, в область *Цзяннань* (дословно: к югу от реки Янцзы). В стихотворении поэт тревожится о дальнейшей судьбе друга. *Дракон*, по древним поверьям, владел водной стихией.

Стр. 198. День «холодной пищи».— См. коммент. к стихотворению Ван Вэя «Пишу в дни «холодной пищи» на реке Сышуй» и стихотворению Бо Цзюйи «Ночь «холодной пищи».

Стр. 200. Не годные деревья.— *Цзиси* — рожковое дерево.

Стр. 203. Скопление сотен забот.— *Чиновник явится сюда.*— Ду Фу имеет в виду Цуй Гуаньюаня, градоправителя Чэнду, навещавшего поэта в его «крытой травой хижине».

Стр. 208. Больное мандариновое дерево.— *Пэнлайский дворец* — императорский дворец в Чанъани. Пэнлай — мифическая обитель бессмертных. *Гонец от далекого Южного моря.*— Гонец из Наньха привез ханьскому императору Хэ-ди (89—105 гг.) плоды личжи. Этим фактом Ду Фу намекает на то обстоятельство, что по приказу танского императора Сюань-цзуна от столицы до берегов Южно-Китайского моря были учреждены почтовые станции, и гонцы, загоняя коней, день и ночь скакали по тракту, доставляя к столу его возлюбленной Ян-гуйфэй любимые ею плоды личжи.

Стр. 212. Отправляюсь из Ланчжуна.— *Ланчжун* — город на реке Цзялинцзян в Сычуани. ...*скорей домой прийти.*— После трехмесячного пребывания в Ланчжуне поэт торопился домой, к семье, в Цзычжоу, городу на реке Янцзы в Сычуани.

Стр. 213. В конце года.— *Город у Реки* — Цзычжоу (см. выше). *Кто ж во дворце веревку попросит...*— Веревку некогда попросил у ханьского императора некто Чжун Цзюнь, чтобы привести на ней пленного вождя бесчинствовавших на границе Китая варваров. Поэт вопрошает: «Найдется ли наконец человек, который оградит страну от набегов туфаней и других кочевников?»

Стр. 214. Покидаю Шу.— *Пять лет в Чэнду я нищим гостем прожил.*— Спасаясь от бушевавших на севере мятежей, Ду Фу с семьей перебрался в Шу (Сычуань), где жил в Чэнду и его окрестностях, укрывался от набегов туфаней в Цзичжоу, в деревнях, «среди застав». Таким образом, он прожил на юге с зимы 759 по 765 г., когда наконец собрался к дальним рекам — Сянцзян и Сяошуй (в Хэнань).

Стр. 214. Записал свои мысли...— *Великая река* — Янцзы, вниз по которой из Чэнду плыл на джонке Ду Фу с семьей.

Стр. 215. Крепость Боди.— *Боди* — крепость на высоком берегу Янцзы. *Кони тут работать не хотят.*— Поэт имеет в виду лошадей, пригнанных сюда из разных мест для военных нужд.

Стр. 216. Полночь.— *На башне...*— Поэт имеет в виду башню в городе Куйчжоу, на берегу Янцзы, в восточной Сычуани, где он прожил около двух лет (766—768 гг.). Это был период последнего мощного прилива творческих сил поэта, еще не старого, но больного и надломленного жизнью. В Куйчжоу Ду Фу написал около четырехсот тридцати стихотворений, в том числе знаменитые «Восемь стансов об осени».

Стр. 218. Восемь стансов об осени.— В произведении прихотливо перемешивается реальное с иллюзорным. Вместе с тем в нем четко звучит тема личной жизни и судьбы поэта в переплетении с темой жизни и судьбы его родины.

I. *Ущелье Уся* — одно из трех ущелий на Янцзы, *горы Ушань* — там же, в нынешней Сычуани. *У крепости.*— Имеется в виду крепость Боди на горе над Янцзы вблизи Куйчжоу. *Вторично цветут хризантем кусты.*— Поэт застаёт здесь вторую осень. *Привязан... челн.*— Ду Фу не в силах продолжить путь на родину.

II. *Третий крик — я слезы проливаю.*— В старинной книге «О воде» («Шуйцзин») сказано: «Длинно ущелье Уся. Кричат обезьяны. И при третьем их крике слезы уже льются у меня на одежду». *Я скиталец на плоту.*— В старинных сказаньях люди на плотах всегда добирались до цели, поэт же не имеет надежды попасть на своем плоту домой. *Расписная палата* — правительственное учреждение в Чанъани, где стены были расписаны изображениями «мудрых и доблестных мужей» и где ставились курильницы с благовониями.

III. *Куан Хэн* — государственный деятель, *Лю Сян* — историк; об этих достойных людях не желают помнить те, кто ныне ходит в «одежде легкой» и разъезжает на «тучных конях», заботясь лишь о своем благополучии. *Улин* — аристократический пригород Чанъани.

IV. *За столицю слежу я, как за шахматной доскою.*— Поэт сравнивает Чанъань с шахматной доскою, клетки которой занимали то мятежники, то императорские войска, то орды туфаней. *«Приказ крылатый»* — срочное донесение (письмо с пером). *В реке уснули рыбы.*— Воспринимая приближение зимы как наступление ночи, все засыпает до весны, не успокаивается одно лишь сердце поэта.

V. *Дворец Пэнлай* — то есть дворец Дамин на горе Луншоуган в окрестностях Чанъани. *Росу собирает столб золотой.*— Ханьский У-ди (140—84 гг. до н. э.) приказал построить столб высотой в 20 чжанов (чжан равен 3,2 м). На столбе находился сосуд для накопления росы, которую император пил по утрам, чтобы продлить свою жизнь. В танское время такого столба уже не было. *На яшмовый пруд нисходит богиня фей.*— Изображая мифическую Сиванму, Ду Фу имеет в виду теплый

источник на горе Лишань, в котором любила купаться Ян-гуйфэй. *Драконовая чешуя* — вышивка на парадном одеянии императора.

VI. *От... ущелья до... Цзюйцзяна* — ущелье Цюйтан на Янцзы и система прудов в Чанъани, где находились летний императорский дворец и парк.

VII. Воображение поэта рисует ему пруд *Кунминчи*, искусственный водоем, выкопанный при ханьском У-ди, *боевые штандарты* на двухъярусных джонках, ведущих учебные сражения. На восточном и западном берегах пруда стояли тогда статуи *Ткачихи* и Пастуха — скульптурное воплощение легенды о деве-звезде Ткачихе, обитавшей на одной стороне Небесной Реки (Млечного Пути), и о ее возлюбленном Пастухе, юноше-звезде — на другой. Эти небесные любовники могли встречаться один раз в году, в седьмую ночь седьмой луны, когда сороки строили для них мост через Небесную Реку... Во времена поэта не было ни боевых джонок (были разукрашенные прогулочные барки для императора и его двора), ни статуй, ни *каменного кита*, сделанного при создании озера из нефрита. *Водяной рис* — цицания, водяное растение из рода тростниковых, от черных зерен которого осенью кажется черной и вода.

VIII. Местность *Куньу*, речка *Юйсу*, озеро *Мэйли* — достопримечательности окрестностей Чанъани. *Фениксов нет давно*. — Феникс — сказочная птица, ее появление — признак мудрого правления, преобладания добрых нравов, благополучия в народе. Опустевшие гнезда фениксов — суровая оценка поэтом того состояния, до которого правители довели страну. *Волшебники* — друзья поэта прошлых дней. В ханьские времена о катавшихся по озеру Кунминчи говорили: «Вот плывут бессмертные, небожители!»

Стр. 223. *Ночь ю*. — Весной 767 г. Китай подвергся новому набегу туфаней, которые захватили обширные области Линчжоу и Бинчжоу. Ду Фу встречает опасность в *коротком платье* простолюдина и готов взять в руки оружие, чтобы защитить родину.

Стр. 225. *Давно на чужбине*. — *Ван Цань* (177—217) — известный поэт. *Цзя И* (179—157 гг. до н. э.) — ученый, сановник при дворе ханьского Вэнь-ди.

Стр. 226. *На рассвете отправляюсь из Гунъаня*. — *Гунъань* — город (в нынешнем Хубэе), где Ду Фу, спустившись через знаменитые ущелья по Янцзы, жил осенью 768 г. Оттуда поэт отправился в Юэян.

Стр. 227. *Поднимаясь против течения*... — *Сяншуй* (Сянцзян) — река в Хунани, впадает в озеро Дунтинху. *Между четырьмя морями* — то есть по всему Китаю. *Могилы государя*. — На горе Цзюншань, по преданию, находится могила Яо, легендарного китайского императора (2356—2258 гг. до н. э.), считавшегося конфуцианской исторической традицией образцом мудрого правления. *Цзя И и Цюй Юань... себя убили сами*. — Цзя И (см. выше) умер от тоски по своему безвременно погибшему воспитаннику — царевичу Ляну, наследнику Вэнь-

ди. Цюй Юань — великий поэт древности (340—278 гг. до н. э.), патриот и государственный деятель. Оклеветанный завистниками, покончил жизнь самоубийством, бросившись в реку Мило (в нынешней Хунани).

Стр. 232. Дикие гуси возвращаются на север.— *Рассказ о письме, что они принесут.*— См. коммент. к стихотворению Ли Бо «Су У» (с. 137).

Стр. 234. Белый конь.— *Нашего сразили полководца.*— Имеется в виду Цуй Гуань, начальник области Тяньчжоу и одновременно инспектор по подготовке войск в провинции Хунань, убитый в 770 г. во время мятежа генерала Цан Цзэ. Стихотворение, как и два предыдущих, написано в 770 г., за несколько месяцев до смерти поэта.

Стр. 235. Провожая помощника наместника Ли...— *Хошань* — огненная гора у западных границ Китая; по-видимому, действовавший в то время вулкан. *Читин* — гора в нынешней Ганьсу. *Цилян* — горный хребет на границе нынешних Ганьсу и Цинхая; вдоль него были расположены пограничные крепости. *Луньтай* — ханская ставка кочевых племен (в нынешнем Синьцзяне).

Стр. 236. Весною в доме в горах.— *Лянский княжеский сад* — сад лянского князя, второго сына ханьского государя Вэнь-ди.

Стр. 238. В лодке на юге Ба.— Поэт написал это стихотворение в последний год жизни, после ухода с должности правителя Цзячжоу (в нынешней Сычуани) по дороге в Чанъань.

Стр. 239. Праздник «холодной пищи».— Праздник приходится на весну. По преданию, в начале годов Чуньцю — «Весен и Осеней» (770—476 гг. до н. э.) — некий Цзе Цзытуй верой и правдой в продолжение девятнадцати лет служил цзиньскому князю в его изгнании. Когда князь вернулся и стал цзиньским правителем Вэнь-гуном, он захотел вознаградить тех, кто не покинул его в трудные годы. Но Цзе Цзытуй отказался от почестей и вместе с матерью удалился на гору Мяншань (в нынешней Шаньси). Вэнь-гун не мог его дозваться и повелел зажечь лес на горе, в надежде, что Цзе Цзытуй, спасаясь от огня, придет, но тот обнял дерево и сгорел. Праздник «холодной пищи», когда запрещено разводить огонь, был установлен в честь Цзе Цзытуя. Поэт Мэн Юньцин, сам человек несчастливой судьбы, воспользовался этой темой для того, чтобы выразить сочувствие бедному человеку.

Стр. 240. Ночью причалил...— *Ханьшаньсы* — буддийский храм в Гусу (Сучжоу); построен в VI в. и назван по имени жившего при нем в начале танского времени поэта Ханьшаня.

Стр. 241. Ранние цветы мэйхуа.— *Холодного дерева*...— Дикая слива мэйхуа расцветает ранней весной на безлиственных ветвях.

Стр. 242. Поднявшись в дождь...— *Плоды побед* — монастырь, выстроенный при династии Суй (581—618) на горе Фэнхуан в Чжэцзяне.

Стр. 243. Духи реки Сян играют на сэ.— У реки Сян дочери легендарного императора Яо оплакивали своего покойного му-

жа — легендарного императора Шуня. Они утонули в реке и стали духами Сян. Славилась искусной игрой на музыкальных инструментах. *Сэ* — китайские гусли. *Пин И* — речной дух. *Гость в Чу* — поэт Цюй Юань, изгнанник, чья тоска по родине усиливалась, когда он слышал звуки струн. *Сяо* — приток реки Сян, впадающей в озеро *Дунтин*.

Стр. 244. В уезде Чжоучжи...— *Цянь Старший* — поэт Цянь Ци. *Хризантемы начальника Тао*.— Намекая на поэта Тао Юаньмина, начальника уезда Пэнцзэ, что «хризантему сорвал у восточной ограды в саду», Лан Шиюань возвеличивает почетным сравнением Чжэн И, хозяина дома.

Стр. 246. «Трава на заставе...».— Стихотворение в жанре *цы*. *Ху* — кочевое племя в северных приграничных областях.

Стр. 249. Даосуотшельнику...— *Цюаньцзяо* — горы в нынешней провинции Аньхуэй. *Белые камни варят...*— В китайских легендах рассказывается об отшельниках, которые варят белые камни и употребляют их в пищу. Здесь камни упоминаются для усиления образа отшельника.

Стр. 251. В Чанъани повстречал Фэн Чжу.— *Фэн Чжу* — поэт, современник Вэй Инъю. *Рубить на горе* — уединиться, стать отшельником.

Стр. 255. *Цзяожань* — монашеское имя («фахао») поэта-буддиста Се Чжоу, потомка выдающегося поэта Се Линъюня (385—433) в десятом поколении.

Придя к Лу Хунцзяню...— *Лу Хунцзянь* — поэт Лу Юй.

Стр. 257. Песня рыбака.— *Сисайшань* — гора в Чжэцзяне. Здесь Чжан Чжихэ жил на лоне природы, оставив службу.

Стр. 260. Гуляю в горах Чжуцзянь.— *Пик высочайший* — Тайбодин. Когда у подножья густеют сумерки, пик все еще освещен солнцем.

Стр. 261. Женское целомудрие.— *Уточка юань-ян* — мандаринские утки-неразлучницы, поэтический символ супружеской пары.

Стр. 262. Пристук вальков.— Стихотворение представляет собой проповедь сочувствия, действовавшего на умы общества. Поэт возмущен теми, кто в осенний холод заставляет бедняков стирать в студенной воде шелковые одежды богачей.

Стр. 263. Песня о землешах.— К концу династии Тан налоги и обложения в стране выросли до непомерной величины. ...*тянутся нити к конькам*.— Нити от шелкомотальных станков тянулись к конькам крыш. *К воротам уезда*.— У ворот уездного управления взимались недоимки.

Стр. 264. «Круглый веср...».— *Сянь и гуань* — струнный и духовой музыкальные инструменты.

Стр. 266. Свирепые тигры.— *Улинские молодцы* — аристократическая молодежь из окрестностей Чанъани.

Стр. 270. В пятнадцатый день восьмой луны...—

В этот день отмечался Праздник середины осени и почитания луны, а на юге Китая еще и Праздник фонарей. *Чжан Гунцао* — друг поэта Чжан Шу, переживший вместе с Хань Юем опалу и ссылку на юг. *...нет Реки среди небес* — то есть не видно Млечного Пути. *Ямынь* — чиновничья управа. *Новый государь...* — В 805 г. на престол вступил император Сяньцзун. *Не везло мне...* — Поэт говорит, что амнистия в связи с воцарением нового императора не коснулась его, — изменилось лишь место ссылки. *Судебный исполнитель* — должность, которую занимал Чжан Гунцао. Здесь поэт говорит о себе. *Тяжко подыматься в высоту* — то есть достичь успеха в чиновничьей карьере столь же трудно, как взобраться на небо.

Стр. 274. *Посетив храмы...* — *Хэнъюэ* — одна из пяти священных гор Китая. *Сун* (Суншань) — срединная из пяти священных вершин. *Дух инь* — здесь: символ осени. *Цыгай, Тяньчжу, Шилинь, Чжунюн* — горы, окружающие Хэнъюэ. *...во дворец* — то есть в храм на горе Юйсы.

Стр. 273. *Песнь о каменных барабанах.* — Считается, что каменные барабаны были созданы при династии Чжоу в правление Сюань-вана (IX в. до н. э.): на десяти барабанах выгравировали стихотворные надписи. *Почтенный Чжан* — поэт Чжан Цзи. *Шаолин* — второе имя Ду Фу. *Ссылный отшельник* — Ли Бо. *Недостойным Хань Юй* называет себя. *Лишу, кэдоуэнь* — древние формы письма. *Оды малые, Оды большие* — разделы «Шицзина». *Взял он звезды и взял планеты...* — то есть триста песен «Шицзина», по преданию, отобранных Конфуцием; надписи на барабанах уподобляются *Си* и *Э* — солнцу и луне. *Годы Юаньхэ* — 806—820. *Юфу* — местность, где в VII в. были найдены барабаны. *...головастиков ямы.* — Надписи на барабанах по форме напоминают головастиков. *Гао-дин* — треножник правителя Гао; был найден в 710 г. и внесен в главный храм. *Высшая школа* — конфуцианская академия. *Лебединый двор* — одна из конфуцианских школ. *Сичжи* — Ван Сичжи (321—379), знаменитый каллиграф.

Стр. 277. *Ранняя весна в Линлине.* — *Линлин* в Юнчжоу (нынешняя Хунань) — место ссылки поэта на юге Китая. *Цинъюань* в Хэдуне (нынешняя Шаньси) — родина поэта на севере страны.

Стр. 278. *Утром в храме...* — *Книга из пальмовых листов.* — Так обычно называли буддийские сочинения, некогда записанные в Индии на пальмовых листьях. *Словам оставленным...* — Речь идет об учениях древних мудрецов, в первую очередь Будды. *Просветление* — одно из основных понятий буддизма. Просветление, согласно буддизму, приходит после того, как человек подчиняет все свои помыслы достижению определенной цели, отрешившись от иных устремлений.

Стр. 279. *У ручья.* — *...с людьми, носящими шпильки* — то есть с чиновниками, прикреплявшими шляпу к волосам особой шпилькой. *Гость гор и лесов* — отшельник.

Стр. 283. *Волны омывают песок.* — *...дома Ткачихи и Пастуха.* — См. коммент. к с. 218 (Ду Фу, «Восемь стансов об осени» (VII)).

Стр. 283. Город Шитоу.— *Шитоу* — дословно: «Каменный город». Некогда укрепленный пункт, защищавший Нанкин у впадения реки *Хуай* в Янцзы. Впоследствии укрепления были разрушены, и название Шитоу нередко употреблялось как синоним Нанкина.

Стр. 283. Улица Черных Одежд.— Поэт описывает улицу в Нанкине, получившую название в память двух аристократических родов — Дао и Янь, живших при династии Цзинь (265—420) и носивших черные одежды. *Знатные Ван и Се* — представители родов Дао и Янь.

Стр. 284. Весенние стихи.— *Красный дворец* — покои придворных дам.

Стр. 284. Храм первого государя страны Шу.— Имеется в виду храм *Лю Бэя*, основателя царства *Шу* (уезд Фэнцзе нынешней Сычуани). *Было царство одно, стало три...* — Поэт вспоминает период Троецарствия, наступивший после падения династии Хань, когда существовали три царства — *Шу, Вэй и У*, — их он и сравнивает с тремя ножками ритуального треножника — *дина*. *...сыну его не хватило царственной мощи.* — Традиция признает Лю Бэя законным преемником Ханьской династии, но при его сыне Лю Чане (правил в 223—263 гг.) основанное Лю Бэем царство Шу было завоевано войсками государства Вэй.

Стр. 284. В горах Сисай думаю о былом.— Когда *Ван Цзюнь* (206—285), полководец государства Цзинь, плыл на кораблях к *Цзиньлину*, столице государства, подле гор *Сисай* (в нынешнем Хэбэе) через реку с берега на берег были переброшены цепи, чтобы преградить путь кораблям. Однако Цзиньлин пал. *Четыре моря вернулись к единому дому...* — Земля среди четырех морей — Китай. Поэт говорит, что Китай вновь объединен под властью династии Тан.

Стр. 285. Песни о ветке бамбука.— Написаны в подражание одному из видов песни юэфу. *Шуская Река* — Янцзы, протекающая по территории древнего царства Шу.

Стр. 286. «Цвет этих ив...».— «Светло и не светло».— Здесь игра слов (иероглифов) «светло» и «любить», имеющих одинаковое звучание, но различных по начертанию; выражение близко по значению словам: «любит — не любит».

Стр. 287. «Канал Бяньшуй. Заброшенный дворец...».— *Ян-ди* — император династии Суй (589—617 гг.), правил в 605—617 гг. Во время своих выездов останавливался на отдых во дворце на берегу канала *Бяньшуй*. Прорытый в годы царствования Ян-ди, этот канал тянулся на две тысячи ли. Вдоль его берегов по приказанию императора были посажены ивы.

Стр. 295. Из «Циньских напевов».— *Годы Чжэнюань* — 785—804. *Годы Юаньхэ* — 806—820.

Стр. 296. Песни и пляски.— *Циньская столица* — Чанъань. *Красные ворота* — богатый и знатный дом. *Вэньсян* — в нынешней Хунани.

Стр. 302. Ранней осенью ночью один.— *Валек... разносит осенние стук.*— Осенью стиралось платье к зиме.

Стр. 302. В запретном государевом дворце.— *Лучше всего воспитывать сердце здесь...*— Имея в виду деление отшельничества на великое, срединное и малое, поэт утверждал: великий отшельник живет при дворе и в городе, а малый отшельник уходит в далекие горы.

Стр. 303. Навещаю старое жилище почтенного Тао.— *Лушань, Чайсан, Лили* — места в нынешней Цзянси, связанные с рождением и жизнью Тао Юаньмина. *Цзинцзе* — «спокойный и чистый» — посмертное имя Тао Юаньмина. *...гибель Цзинь и восшествие Сун.*— Время правления династии Восточная Цзинь — 317—420, династии Сун — 420—479 гг. *...ты хранил благородную мысль...*— Бо Цзюйи, по-видимому, считает, что Тао Юаньмин, пережив династию Цзинь, не захотел служить узурпировавшему трон основателю династии Сун — полководцу Лю Юю. «Благородная мысль» Тао была шире: он не хотел служить и «своей» династии. *...сыновей государя Гучжу...*— Бои и Шуци — сыновья государя Гучжу (XII в. до н. э.) — не захотели служить новой династии Чжоу и ушли на гору Шоюан, где умерли от голода, но не подчинились завоевателям. *Очистить одежду* — то же, что отряхнуть прах — уединиться, уйти от суетного мира. *«Жизнь под сенью пяти ив»* — сочинение Тао Юаньмина о своей жизни. *...на цине бесструнном играл.*— В жизнеописаниях Тао Юаньмина рассказывается, что за вином он всегда играл на цине, лишенном струн. *Я еще не увидел под оградой твоих хризантем, // Но еще задержался в деревьях расстилавшийся дым.*— В стихах Тао Юаньмина: «Хризантему сорвал под восточной оградой в саду...» и «Темной мягкой завесой расстилается дым деревень».

Стр. 306. Мои чувства...— *Юань Девятый* — поэт Юань Чжэнь (Юань Вэйчжи); девятый в роду (779—831).

Стр. 310. Вместе с сановником-шиланом Ханем...— *Хань* — один из великих танских поэтов Хань Юй (768—824), возглавивший движение за простоту стиля, «возврат к древности».

Стр. 311. Вечная печаль.— В поэме в соединении с фантазией описана действительная любовь танского императора Сюань-цзуна (правил с 712 по 765 г.) к приближенной его Ян-гуйфэй и трагический конец этой любви во время мятежа полководца Ань Лушаня. *...красавиц любя, «покорявшую страны» искал.*— То есть такую небывалую красавицу, как жена ханьского императора У-ди, о которой брат ее Ли Яньнянь сказал в стихах государю: «Раз взглянет — и сокрушит город, взглянет второй раз — и покорит страну». *...юйянский* — из местности Юйян, захваченной Ань Лушанем. *«Из радуги яркий наряд...»*— название песни и танца. *Драконы... знамен* — императорские знамена. *Дракон-государь* — одно из наименований императора. *Мавэй* — местность в нынешней Шэньси, где разыгралась трагедия убийства Ян-гуйфэй. *Фуцун* — разновидность лотоса. *Тайи* — название озера. *Перечный дом* — женская часть дворца. *Желтые ключи* — подземные ключи; могила. *Тайчжэнь* — одно из имен

Ян-гуйфэй. Сяюн — дочь Фуча, князя страны У (V в. до н. э.). Шуанчэн — служанка Сиванму, мифической царицы Запада.

Стр. 318. П е в и ц а (П и п á).— В десятый год времени Юаньхэ — то есть в 815 г. Сымá — помощник правителя области. Пипá — старинный струнный щипковый инструмент, напоминающий лютню. *Всего в стихах шестьсот двенадцать слов.*— Это, по-видимому, ошибка давнего переписчика, так как в поэме «Пипа» 616 иероглифов. Сюньян — местное (цзянсийское) название реки Янцзы. Улинские юноши.— См. коммент. к с. 266 (Чжан Цзи, «Свирепые тигры»).

Стр. 324. В тор ю стих а м д р у г а...—...в Цзиньгуском саду — в саду поэта Ши Чуна (249—300) в «Золотой долине» (Цзиньгу) к западу от Лояна, где собирались его друзья — стихотворцы. Тяньцзиньский мост через реку Ло вблизи Лояна был построен при суйском Ян-ди.

Стр. 325. Р а с с т а ю с ь с В э е м...— Вэй — знаменитый танский поэт Вэй Инъу (737—790?).

Стр. 326. Н а п и с а л п р и р а с с т а в а н и и...— Проводы знатного юноши в путь, буйство травы — нарочитое заимствование из «Чуских строф», поэзии IV—III вв. до н. э.

Стр. 327. Н о ч ь «х о л о д н о й п и щ и».— См. коммент. к с. 239. (Мэн Юньцин, «Праздник «холодной пищи»).

Стр. 328. П и ш у в в о с т о ч н о й б е с е д к е...— Ли Одинадцатый — Ли Цзянь (764—821), танский сановник и литератор. Фучжоу — местность в нынешней Шэньси.

Стр. 329. В а н ь и т а й.— В том доме цзинъаньском.— Цзинъань — улица в Чанъани.

Стр. 331. В х р а м е Г а н ь х у а...— Лю Тридцать второй — поэт Лю Дуньжи, или Лю Тайбо, близкий друг Бо Цзюйи.

Стр. 333. В а н Ч ж а о ц з ю н ь.— Ван Чжаоцзюнь — одна из дворцовых красавиц ханьского государя Юань-ди (I в. до н. э.), пожелавшая выйти замуж за вождя сюнну и в 33 г. до н. э. уехавшая с ним в страну варваров — ху. По-иному изображает это событие народная версия, окружившая жизнь Ван Чжаоцзюнь легендами. Государь будто бы повелел художнику нарисовать портреты всех дворцовых красавиц. Одна лишь Ван Чжаоцзюнь, уверенная в своей красоте, не пожелала от себя платить художнику, и он отомстил ей тем, что изобразил уродливой. Когда пришла необходимость породниться с сюнну, государь по портретам выбрал худшую из своих женщин — Ван Чжаоцзюнь. Призвав ее к себе, он восхитился ее красотой и ужаснулся своему выбору, но было уже поздно. Эта версия легла в основу многих стихотворений и пьес.

Стр. 334. С о с н а.— Юань Восьмой — сосед Бо Цзюйи. Шум сосны под ветром был излюбленной темой многих китайских поэтов. См. с. 256 (Цзяожань, «Сосна»).

Стр. 339. Н а Ц з я н ь ч а н ц з я н е.— Цзяньчанцзян — река, начинающаяся в Цзянси и втекающая в озеро Поянху. Переправа Цайду — через реку Вэйхэ (в Шэньси).

Стр. 341. М о г и л а Л и Б о.— *Цайши* — находится на северном склоне горы Нючжушань, в нынешней провинции Аньхуэй.

Стр. 343. Р а д о с т ь м и р н о й ж и з н и.— *Яо и Шунь* — легендарные государи глубокой древности, чьи имена, по конфуцианскому преданию, — символ мудрого правления и всеобщего благоденствия.

Стр. 344. П а р к Ч а н ч ж о у.— Место охоты князя страны У (V в. до н. э.), находившейся на территории нынешней Цзянсу, ...где дворец был прелестной Сиши. — Сиши — наложница князя страны У, для которой князь построил в парке Чанчжоу роскошный дворец.

Стр. 344. В с п о м и н а ю и в у н а р е к е.— *Ива* — символ расставания. См. коммент. к с. 71 (Ван Вэй, «Волны под ивами»).

Стр. 347. С т а р а я и в а...— *Годов Кайюань одна-одинокая ива.* // *Чанцинская нынче вторая по счету весна.* — Годы Кайюань правления Сюань-цзуна — 713—741. Годы Чанцин правления Му-цзуна — 821—824. Старой иве сто лет.

Стр. 347. В о т в е т н а п о л у ч е н н ы е... с т и х и...— *Хань* — поэт Хань Юй (768—824). *Чжан* — поэт Чжан Цзи (768—830). *Цюй-цзян* — озеро в Чанъани, место прогулок.

Стр. 350. В х р а м е Ц з и с я н...— *Цянь* — поэт Цянь Хуэй (755—829).

Стр. 350. З а у ж и н о м...— *Вэйчжи* — второе имя поэта Юань Чжэня.

Стр. 353. О б р а т н а я л о д к а.— *Сиху* (Западное озеро) — прославленное поэтами озеро в Ханчжоу.

Стр. 354. С п р а ш и в а ю Д у н л и н ь с к о г о у ч и т е л я Ю а н я.— *Старец из Дунлиня* — монах Юань из монастыря в Дунлине на горе Лушань. Возможно, что поэт называет монаха Юанем, намекая на Хуэйюаня, некогда жившего на этой горе и бывшего в дружбе с великим поэтом Тао Юаньмином. Это прием, нередкий в танской поэтической практике.

Стр. 356. И ч ж о у.— Название песни *Вот и учу я мою Сяююй...* — Поэт называет девушку именем Сяююй — дочери князя Фуча из страны У.

Стр. 358. И з с т и х о в «К в и н у».— Это стихотворение содержит два намека на книгу даосского мыслителя Чжуан-цзы (IV в. до н. э.): В первой строке стихотворения поэт говорит о «живущих на рожках улитки». Чжуан-цзы, для того чтобы показать, как ничтожны по сравнению с огромным миром мелкие людские страсти, в главе 25-й («Цзэян») вкладывает в уста мудреца Дай Цзинжэня, предостерегающего князя от войны, которую тот хочет затеять из мести, рассказ о двух государствах — «Заносчивости» и «Безрассудстве», расположенных на рожках улитки и в вечных войнах оспаривающих одно у другого эти «пространства». Из «Чжуан-цзы» взята и первая часть последней строки. В главе 29-й («Разбойник Чжэ») Чжуан-цзы рассказывает о том, как Конфуций поехал к разбойнику Чжэ, чтобы усювестить его. Тот выгнал Конфуция, предварительно произнеся большую речь, в которой были такие слова:

«Верхний предел долголетия — сто лет, среднее долголетие — восемьдесят лет и нижний предел долголетия — шестьдесят лет. Если исключить изнуряющие муки болезней, траур при утрате, заботы и тревожения, то в жизни человеческой дней, когда открываешь рот для смеха, найдется в одном месяце не больше четырех или пяти. И это все».

Стр. 359. Вспоминаю Хуэйшу.— *Хуэйшу* — второе имя поэта Цуй Юаньляна (ум. в 883 г.).

Стр. 362. Я увидел Лю Двадцать восьмого...— Речь идет о друге и единомышленнике Бо, поэте Лю Юйси. *Пилин* — место службы поэта Юань Чжэня в 20-х годах IX в. (в нынешней Цзянсу). *Сякоу* — место смерти Юань Чжэня (в нынешнем Хубэе).

Стр. 362. За вином...— Бо Цзюйи провожает Лю Юйси, назначенного на должность правителя в Сучжоу. *Мэндэ* — второе имя Лю Юйси.

Стр. 364. Читая Лао-цзы.— У даосского мыслителя Лао-цзы (VI в. до н. э.) в 56-й главе книги «Даодэцзин» сказано: «Тот, кто знает, — не говорит, говорящий — не знает». «Даодэцзин» содержит пять тысяч иероглифов.

Стр. 365. На озере Цзисяньчи...— *Сановник-шичжун* — поэт Пэй Ду (765—839).

Стр. 366. Мой маленький домик.— *Юй Синь* (513—581) — поэт.

Стр. 367. Я огорчен...— *Ли Двадцатый* — друг и последователь Бо Цзюйи, поэт Ли Шэнь (ум. в 846 г.).

Стр. 368. Провожая начальника...— *Сюнь-начальник* — сановник и поэт Пэй Ду.

Стр. 369. Сучжоуский чиновник.— *Хуатинский журавль*.— Хуатин — уезд в провинции Цзянсу, вблизи Сучжоу. Поэт приехал в Сучжоу, где он ранее служил правителем области и держал при себе хуатинских журавлей. Не только он постарел, но исчезли и бывшие при нем хуатинский журавль и белый лотос.

Стр. 372. На озере.— *Столица* — восточная столица Лоян. *Тайху* — озеро на территории нынешних провинций Цзянсу и Чжэцзян, знаменитое красотой пейзажей и причудливыми камнями. *Тяньчжу* — гора в нынешнем Чжэцзяне. *Инчуань* — местность в Хэнани. *Хуннун* — там же. *Третий год Тайхэ* — 829 г. *Агуй* — племянник поэта.

Стр. 376. Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло.— Стихотворение написано поэтом, когда он на склоне лет вернулся в Лоян.

Стр. 380. На смерть жены.— *Цянь-лоу* — ученый, живший во времена Конфуция. Имя его стало нарицательным для характеристики бедного, честного и принципиального человека. *Дэн Ю* — губернатор в Хэдуне, жил в IV в. н. э. Во время беспорядков принужден был бежать вместе с семьей. По дороге разбойники ограбили его и забрали даже телегу и быка. Дэн Ю пошел дальше пешком, ведя жену и неся на плечах

сына и племянника. Когда он выбился из сил и не мог больше нести двух мальчиков, он сказал жене: «Мой брат умер, и если я брошу его сына, то некому будет продолжать его род, а мы с тобой еще можем иметь других детей», — и оставил своего сына на дороге. Но Дэн Ю вскоре овдовел и остался бездетным. *Пань Юэ* — поэт IV в. н. э. Когда у Пань Юэ умерла жена, он написал трогательные стихи, в которых оплакивал покойную.

Стр. 389. Ю ж н ы й п а р к.— Имеется в виду парк на родине поэта. *Ли Хэ* — один из потомков танского императорского рода. Неудачник, он не смог сдать государственные экзамены на степень цзиньши, поэзия его печальна и мечтательна. *Щеки юэских дам* — то есть красавиц: жительницы древнего царства Юэ отличались легендарной красотой.

Стр. 389. П о б е г и б а м б у к а...— *Чуские строфы* — сборник древних стихов, куда кроме стихов Цюй Юаня — первого китайского поэта включались стихи Сун Юя и других поэтов.

Стр. 390. С о н в н е б е с а х.— *Грустная жаба*.— В древних мифах рассказывается, что Чанъэ превратилась на луне в жабу, которая вечно плачет. *Яшмовое колесо* — луна. *Желтый прах и прозрачная влага*//*Молчат под Тремя горами*.— Три горы, плавающие в море, — будто бы обитель бессмертных, где бессильны мирская тщета (желтая пыль) и вода Девяти источников — то есть смерть. *Равные области* — девять областей Китая, вся страна.

Стр. 390. К в и н у.— *Чжуфу за счастьем ходил в столицу*...— Имеется в виду ученый Чжуфу Янь (ум. в 127 г. до н. э.), отправившийся в столицу и казненный там. *Ма Чжоу* (601—648) — известный ученый, которого на пути в столицу выбрал трактирщик. В столице Ма Чжоу преуспел, достиг высоких чинов. ...*перед лицом Дракона* — перед императором.

Стр. 391. К д о р о г е.— *Сяо и Сян* — соединяющиеся реки в нынешней провинции Хунань на родине поэта.

Стр. 392. В д а р о т ц у-р ы б а к у.— Отец-рыбак — герой одноименного произведения древнего поэта Цюй Юаня.

Стр. 392. П о д п л ы в а ю к н а б е р е ж н о й Ц и н ь х у а й.— *Циньхуай* — приток Янцзы вблизи Шитоу. «*Цветы на заднем дворе*» — то есть поют легкомысленную песню на этот мотив.

Стр. 392. Д у м а ю о п р е ж н е м п у т е ш е с т в и и.— *На храме к западу от Реки*.— Поэт имеет в виду храм в Сюньчжоу к западу от Янцзы.

Стр. 393. В е с н а в Ц з я н н а н и.—*Винные флаги* — флаги-вывески, которые на высоких шестах водружались над крышами винных лавок. *Четыреста восемьдесят вокруг храмов Южных династий*.— Время правления Южных династий (IV—VI вв.) — время распространения буддизма, строительства буддийских храмов.

Стр. 393. П о е з д к а в г о р ы.— *Второй месяц года* — середина весны.

Стр. 393. О с е н н и й в е ч е р.— *Небесная лестница* — созвездие.

Стр. 393. Проезжаю мимо дворца Хуацин.— См. коммент: к с. 166 (Ду Фу, «Стихи в пятьсот слов...») и к с. 208 («Большое мандариновое дерево»).

Стр. 394. Сожаление.— *Танцовщица чуская* — фаворитка ханьского императора Чэн-ди — Чжао Фэйянь («Летящая ласточка»). *Синие дома* — увеселительные заведения.

Стр. 394. Сад Цзиньгу.— Сад сановника Ши Чуна (249—300) в Лояне. *...как девушка из окна.*— Люйчжу («Зеленая жемчужина»), наложница Ши Чуна, выбросилась из окна, когда Ши Чун был обвинен в предательстве в отместку за то, что не отдал Люйчжу влюбившемуся в нее полководцу Сунь Тоу.

Стр. 396. Лэюянь (Гухуань).— Парк в окрестностях Чанъани.

Стр. 396. Драгоценная цитра.— *Ван-ди* (Шу-ди) — древний император, душа которого после его смерти превратилась якобы в кукушку. *Текут жемчуга по щеке.*— По поверью, слезы жителей южных морей в лунном свете превращаются в жемчужины. *Синие поля* — горы в нынешней Шэньси, где добывалась превосходная яшма.

Стр. 397. Пишу о думях.— *Верхний лес* — местность к западу от Чанъани. *Тун* — горный поток, *Цзян* — Янцзы; через них пролегал путь в столицу, о которой мечтал поэт. *Юйлэй* — горы в Сычуани, где жил поэт.

Стр. 398. Без названия (I).— *Лишь когда шелкопряд умрет...*— Поэтическое сравнение тоски с шелковыми нитями и догорающей свечой (II). *Волшебная жаба* — здесь изображение Чанъэ на курильнице. *Яшмовый тигр.*— Изображением тигра украшали колодезный ворот. *Цзя Гуна дочь...*— Дочь некоего Цзя Гуна подглядывала из-за занавески за помощником отца, который приходил к ним в гости. Потом они поженились. *Ми-фэй* — по преданию, дочь мифического государя, утопившаяся в реке Ло и ставшая феей этой реки. Ей посвящена ода поэта Сун Юя «Бессмертная фея» и произведение Цао Чжи (192—232) «Фея реки Ло», где описана внезапно вспыхнувшая между ним и феей любовь (III). *...сердце, вещь, как носорог.*— По старым поверьям, рог носорога отвращал злых духов. *К себе по очереди вино...*— Поэт перечисляет настольные игры.

Стр. 399. Опавшие цветы.— *Благовонное сердце* — сердце женщины.

Стр. 399. Чанъэ.— *За ширмой из Матери Облаков* — за слюдяной ширмой.

Стр. 409. Цзинлинский пейзаж.— Цзинлин — Нанкин. *Шесть династий* — V—VI вв. *Тайгэн* — место, где находились императорские дворцы.

Стр. 409. Ночные мысли в Чжантае.— *Чжантай* — башня, построенная в Чанъани в III в. до н. э. Во времена Вэй Чжуана так называлась улица и квартал Чанъани.

Стр. 413. *Сыкун Ту* оставил завещание поэтов периода Тан поэтам

грядущих веков. Поэт — это творец; еле заметное впечатление в одиночестве или пышный цвет жизни зовет его к искусству, природа подавляет его своей мощью, и он погружается в тяжелые раздумья, но живая нежность природы пробьется и через эти думы, вернет его к деятельности, дружба подскажет ему, что бытие есть блаженство. Древняя народная поэзия, источник всякого искусства, приходит к нему на помощь; снова он обретает эту материнскую мягкость природы, и тогда ему становится ясно, что искусство — это жизнь. Поэт проникается гордостью, но тут же его чувство падает, он боится, что из-под кисти его выйдут одни слова вместо живого искусства, но, как бы он ни падал духом, поэзия живет в нем сама по себе, природа идет к нему на помощь во всей своей утешительной красе — и вот рождается поэзия. Поэт смиренно и благоговейно встречает ее, наступает миг разрешения, живительного облегчения и грустно-блаженного отдыха. Но ведь поэт — человек, его думы изменчивы, как бы ни дарил его поэзия очарованием; он видит — все в мире обречено на гибель, на уничтожение. Но тут сама поэзия подсказывает ему, что ведь в этой-то брэнности и заключено счастье мира, суть живого, которая и есть вечная тема искусства. Да, все на свете — и поэт тоже — все обречено гибели, но впереди бесчисленные людские поколения, и в их устах будет жить его искусство. (Перевод поэмы и примечания переводчика печатаются по тексту, опубликованному в журнале «Народы Азии и Африки», 1969, № 1.)

Стр. 426. *Ли Юй* — последний император династии Южная Тан. Был лишен трона и сослан на север, где до конца жизни тосковал по родным местам. После трех лет унижений и лишений пленник был отравлен.

Стр. 431. «Осталось мне одно — скорбеть о прошлом...». — В стихотворении плененный Ли Юй скорбит о родине, утратив веру в возможность оказать сопротивление сунским завоевателям. *Цинхуай* — река на юге Китая; протекает через Нанкин. При жизни Ли Юя этот город назывался Цзиньлином и был столицей Южной Тан.

Стр. 432. «Страна моя, что от меня вдали...». — Имеется в виду государство Южная Тан, насильственно присоединенное в 975 г. к Сунскому государству. *Да разве можно было в годы те подумать о копье и о щите!* — В годы, когда Южная Тан переживала период относительной стабилизации и процветания, автор стихотворения не мог и думать о том, чтобы готовиться к войне. *Как Шэнь и Пань, я от невзгод угас...* — Шэнь Юэ — поэт, живший при династии Лян (502—565); в письме другу сетовал: «Я состарился, часто болею и хуюеу с каждым днем». Пань Юэ — поэт времен династии Цзинь (265—420); в одном из стихотворений он писал: «На моих висках уже зацвела седина...»

В настоящих комментариях использованы ранее публиковавшиеся примечания к переводам произведений танских классиков, написанные В. М. Алексеевым, С. П. Бобровым, Г. О. Монзелером, Л. З. Эйдлиным, М. И. Басмановым, Б. Л. Рифтиным, В. Т. Сухоруковым.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Эйдлин. Танская поэзия . . . . .</i>	5
--	---

ПОЭЗИЯ ЭПОХИ ТАН

В а н Б о

Во дворце тэнского князя. <i>Перевод В. Алексеева . . . . .</i>	27
Провожая Ду, уезжающего в Шучжоу... <i>Перевод Л. Эйдлина . . . . .</i>	28

Л у Ч ж а о л и н ь

Провожая Второго старшего брата, уезжающего в Шу. <i>Перевод Л. Эйдлина . . . . .</i>	29
---	----

Л о Б и н ь в а н

Провожая на рске Ишуй. <i>Перевод Л. Эйдлина . . . . .</i>	30
В тюрьме воспеваю цикаду. <i>Перевод Л. Черкасского . . . . .</i>	30

Я н Ц з ю н

В походе. <i>Перевод Л. Эйдлина . . . . .</i>	32
---	----

Ч э н ь Ц з ы а н

Вечером останавливаюсь в Лэсяне. <i>Перевод В. Алексеева . . . . .</i>	33
Потрясен встречей (I—III). <i>Перевод В. Рогова . . . . .</i>	33
Песня о восхождении на Юйчжоускую башню. <i>Перевод В. Рогова . . . . .</i>	35

Х а н ь ш а н ь

Переводы Л. Бежина.

«Старушка живет на восток от лацуги моей...»	36
«В полях урожай...»	37
«Когда-то старик...»	37
«Обманщик, который морочит достойных людей...»	38
«Мои стихи ругал один знаток...»	38

Хэ Чжичжан

Пишу на даче. <i>Перевод В. Алексеева</i>	39
При возвращении домой. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	39
Воспеваю иву. <i>Перевод В. Рогова</i>	40
Отправляюсь в путь на заре. <i>Перевод В. Рогова</i>	40

Чжан Юэ

Опаздываю на Шуской дороге. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	41
---	----

Чжан Цзюлин

Отвечаю Лу Ли. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	42
--	----

Цуй Гофу

В походе. <i>Перевод А. Адалис</i>	43
--	----

Ван Чжихуань

Поднимаюсь на башню Хуаньцяо. <i>Перевод А. Адалис</i>	44
--	----

Мэн Хаожань

Переводы Л. Эйдлина.

Провожу ночь в горной келье учителя Е...	45
Осенью поднимаюсь на Ланьшань...	46
Летом в южной беседке думаю о Синь Старшем	46
Ночью возвращаюсь в Лумэнь	47
На горе Сишань навещаю Синь Э	48
К вечеру года возвращаюсь на гору Наньшань	48
На прощанье с Ван Вэем	49
Пишу на стене кельи учителя И	49
Возвращаюсь из даосского храма...	50
Ночью в Тунлу на реке...	50
Ночью переправляюсь через реку Сян	51
На пути в столицу застигнут снегом	51
В деревне у друга	52
В ранние холода на реке...	52
Мои чувства в последнюю ночь года	53
Поднялся на Ваньсуйлоу — башню Вечных Лет	53
Ночью на реке Цзяньдэ	54
Весеннее утро	54
Провожая Чжу Старшего, уезжающего в Цинь	55
Провожая друга, направляющегося в столицу	55
Вану Девятому	55
Переправляюсь через реку, спрашиваю у лодочника	56
Начало осени	56
Приходил в обитель праведного Жуна	56
Провожая Ду Четырнадцатого...	57

Чжан Сюй

Переводы Л. Эйдлица.

Плыву в лодке по Цинси — Чистой Реке	58
Персиковый поток	58
В горах не отпускаю гостя	59
Весенняя прогулка. В ожидании дождя	59
Весенняя трава	59
Ива	60

Ван Вань

Доезжаю до подножия горы Бэйгушань. Перевод Л. Эйдлица	61
--	----

Цуй Хао

На башне Желтого Аиста. Перевод В. Алексеева	62
--	----

Ван Чанлин

В военном походе (I—IV). Перевод Г. Ярославцева	63
Из «Пограничных напевов». Перевод Л. Эйдлица	64

Ван Вэй

Переводы Арк. Штейнберга.

Четверостишия

Отвечаю Пэй Ди	66
Из стихов «Дом Хуанфу Юэ в долине облаков».	
1. Поток, где поют птицы	66
2. Заводь, где цветут лотосы	67
3. Затон, где охотится баклан	67
4. Пруд, заросший ряской	67
Река Ванчуань	
1. Мэнчэнская падь	68
2. Холм Хуацзы	68
3. Беседка из узорного абрикоса	68
4. Бамбуковый перевал	68
5. Оленья засека	69
6. Изгородь из магнолий	69
7. Берег, где растет кизил	69
8. Тропинка между софор	70
9. Беседка у озера	70
10. Южный холм	70
11. Озеро И	70
12. Волны под ивами	71
13. Быстрина у дома в деревьях	71
14. Ручей с золотыми песчинками	71
15. Отмель у белых камней	71
16. Северный холм	72
17. Беседка в бамбуковой роще	72
18. Пригорок в магнолиях	72

19. Сад лаковых деревьев	72
20. Сад перечных деревьев	73
У высокой башни проводил чиновника Ли	73
Прощание	73
Прощаюсь с Ванчуаньским домом	73
Когда Цуй Девятый отправлялся в Южные горы...	74
Вдова князя Си	74
Из стихов «Наложница Бань» (I, II)	74
Пишу на слюдяной ширме друга	75
Красный пион	75
Лестки грушевых цветов...	75
Сочинил стихи и показал их Пэй Ди	76
Из «Стихов о разном» (I, II)	76
Портрет Цуй Синцзуна	77
Горный кизил	77
Оплакиваю Мэн Хаожаня	77
В снегопад вспоминаю о Ли И	77
Из стихов «Радости полей и садов» (I—III)	78
В девятый день девятой луны вспоминаю о братьях...	78
В шутку пишу на гладком камне	79
Вместе с чиновником Лу Сяном посетил лесную обитель...	79
Провожая Юаня Второго, отправившегося в Аньси	79
Провожая Шэнь Цзыфу, возвращающегося в Цзяндун	80
Пишу в дни «холодной пищи» на реке Сышуй	80
Меня, пребывавшего в заключении в храме Путисы...	80
Оплакиваю Инь Яо	81
Вздыхаю о седых волосах	81
В горах	81
Весенние прогулки (I, II)	81
Красные бобы, или Память о друге	82
Провожая весну	82
Пишу с натуры	83
Поход	83
Из стихов «Жена тоскует о далеком муже» (I—IV)	83
Осеннее (I, II)	84
Напевы осенней ночи (I, II)	85
Сложил во сне	85

Восьмистишия

Отвечаю чиновнику Чжану	86
Дом в горах Чжуннань	86
После ненастья гляжу на поля	87
Отвечаю на стихи чиновника Су...	87
Радуюсь приезду Цзу Третьего...	88
В зимнюю ночь пишу о том, что на душе	88
Осенней ночью сижу один	89
Осенний вечер в горах	89
Написал, возвращаясь к горе Суншань	89
Горы Чжуннань	90
Поля и сады на реке Ци	90
Поздней весной меня навещает чиновник Янь с друзьями	91
Посетил горную обитель почтенного Тань Сина в храме Ганьхуа	91
Посещаю обитель Сянцзи	92
Пишу, поднявшись на башенку в доме сюэца Пэй Ди	92

Пишу в деревне у реки Ванчуань...	93
В горах попал под дождь	93
Провожая Чжана Пятого, возвращающегося в горы	94
Провожая чиновника Цяня...	94
Дарю Цю Вэю на прощание	95
В Цичжоу провожаю Цзу Третьего	95
По Желтой реке плыву в Цинхэ	96
Ночью проплываю Цзинкоудай	96
Хозяин тысячи пагод	96

Разные стихотворения

Весенней ночью в бамбуковой беседке...	97
Проводы	97
Вэйчуаньские крестьяне	98
Зеленый ручей	98
Обитель Каменных Ворот в горах Ланьтянь	99
Чжэн и Хо, жители гор	100
Ночью в Чжэнчжоу	101
Утром приплыл в Синъян	102
Вторю стихам Ши Пятого...	103
Преподношу губернатору Вэй Чжи	103
На границе	104
Жена телохранителя	104
Из стихов на случай (I, II)	105
В ответ на посещение	107
Изымаю от жары	108
«Стихи сочинять ленюсь на старости лет...»	109

Л и Б о

Переводы В. Алексеева.

Думы в тихую ночь	110
Из цикла «Осенняя заводь»	110
Осенние думы	111
Провожая друга	111
Из цикла «Переправа в Хэнцзян»	111
Песнь о купце	112

Ван Луню. Перевод Л. Эйдлина	112
--	-----

Переводы А. Ахматовой.

Поднося вино	112
Песня о восходе и заходе солнца	114
Луна над пограничными горами	114
Песни на границе	115
На западной башне в городе Цзиньлин...	115

Перевод М. Басманова.

Два стихотворения в жанре цы.

«Флейты печальные звуки...»	116
«Словно затканый в пряди тумана...»	116

Смотрю на водопад в горах Лушань	117
В горах Лушань смотрю на юго-восток...	117
Струящиеся воды	118
Сосна у южной веранды	118
Стихи о Чистой реке	119
Рано утром выезжаю из города Боди	119
Осенью поднимаюсь на северную башню...	120
Белая цапля	120
Храм на вершине горы	121
Летним днем в горах	121
О том, как Юань Даньцю жил отшельником в горах	121
Навещаю отшельника на горе Дайтянь...	122
Слушаю, как монах Цзюнь из Шу играет на лютне	123
Без названия	123
За вином	124
Провожу ночь с другом	125
Под луной одиноко пью	126
С вином в руке вопрошаю луну	127
Провожая друга, отправляющегося путешествовать в ущелье	128
Провожая гостя, возвращающегося в У	128
Беседка Лаолао	129
Посвящаю Мэн Хаожаню	129
Шутя преподношу моему другу Ду Фу	130
Провожая Ду Фу на востоке округа Лу у горы Шимэнь	130
Псылаю Ду Фу из Шяцю	131
Оплакиваю славного сюаньчэнского винодела, старика Цзи	131
Весенней ночью в Лояне слышу флейту	132
В Сюаньчэне люблюсь цветами	132
На закате солнца вспоминаю Шаньчжун	132
Вспоминаю горы Востока	133
С осеннего берега посылаю жене	133
Поднявшись на Фениксовую террасу у Цзиньлина	134
Посвящаю Сыма Пэю	135
Среди чужих	136
Су У	137
Солдаты сражаются к югу от стены	138
Бой южнее Великой стены	138
Думы о муже, ушедшем воевать далеко на границу	140
Тоска о муже	141
Весенние думы	141
Ветка ивы	142
Осенние мысли	142
Путешествие при северном ветре	143
Осенние чувства	144
Песня обиженной красавицы	145
Тоска у яшмовых ступеней	146
Горечь	147
Печаль	147
Чанганьские мотивы (I—IV)	148
Девушка из Сычуани	150
Стихи о большой плотине	150
Ночной крик ворона	151
Воспеваю гранатовое дерево...	151

Гао Ши

Переводы В. Алексеева.

Провожая младшего префекта Ли...	153
Ночью прощаюсь со столоначальником Вэем	154
Яньский напев. <i>Перевод Л. Меньшикова</i>	154

Переводы Л. Эйдлина.

Провожая Дуна Старшего	155
Написал в канун Нового года	156
Инчжоуская песня	156

Чан Цзянь

Западные горы. <i>Перевод А. Адалис</i>	157
Написано в монастыре за храмом Пошаньсы. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	158

Чжан Сюнь

Слышится флейта. <i>Перевод А. Адалис</i>	159
---	-----

Лю Чанцин

Снова провожаю Пэя... <i>Перевод В. Алексеева</i>	160
В снег ночью у хозяина дома на горе Фужуншань. <i>Перевод Л. Эйд-</i> <i>лина</i>	160
Радуюсь приходу сановника-шиюя Хуанфу... <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	161
Провожая судью Ли... <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	161
К северу от Мулинской заставы встретил человека... <i>Перевод</i> <i>Л. Эйдлина</i>	162

Ду Фу

Переводы В. Алексеева.

Пишу над жилищем-скитом господина Чжана	163
Усеченные строфы	163
«Обман в словах...» <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	164

Переводы А. Гитовича.

Взирая на священную вершину	164
Картина, изображающая сокола	165
Весенним днем вспоминаю Ли Бо	165
Восемь бессмертных за вином (<i>Отрывок</i>)	166
Стихи в пятьсот слов о том, что у меня было на душе...	166
Лунная ночь	173
Весенний пейзаж	173
Деревня Цянцунь (I—III)	174
В одиночестве	177
Посвящаю Гао Шияню	178
Посвящаю Вэй Ба, живущему на покое	178
Чиновник в Синьани	180

Чиновник в Шихао	182
Прощанье старика	183
Прощанье бездомного	186
Прощанье новобрачной	188
Первый день осени	190
Больной конь	191
Сверчок	191
Вижу во сне Ли Бо	192
Ночью в деревне	193
Отдаюсь своим мыслям	193
Беседка на берегу реки	194
Рано встаю	195
В единении с природой (I, II)	195
Заходящее солнце	197
Жаль	197
День «холодной пищи»	198
Подъем весенних вод (I, II)	198
Негодные деревья	200
Стихи о том, как осенний ветер разломал камышовую крышу моей хижины	200
Скопление сотен забот	203
Больной кипарис	205
Засохшие пальмы	206
Больное мандариновое дерево	208
Изображаю то, что вижу из своего шалаша...	210
Меня навещает помощник градоправителя Чэнду...	210
Боясь людей	211
Весенней ночью радуюсь дождю	211
Отправляюсь из Ланчжуна	212
В конце года	213
Покидаю Шу	214
Записал свои мысли во время путешествия ночью	214
Крепость Боди	215
Полночь	216
Попугай	217
Одинокий дикий гусь	217
Восемь стансов об осени (I—VIII)	218
Ночью	223
Сокол с широко раскрытым клювом	223
Давно на чужбине	225
На рассвете отправляюсь из Гунъяня	226
Лунной ночью с лодки смотрю на храм...	227
Поднимаясь против течения по реке Сяншуй, выражаю свои чувства	227
Между Янцзыцзяном и рекой Хань	230
Песня о хлебе и шелковичных червях	231
Дикие гуси возвращаются на север	232
Написано в лодке в последний день «холодной пищи»	233
Белый конь	234

Ц э н ь Ш э н ь

Переводы Л. Эйдлина.

На западе, проезжая Вэйчжоу...	236
Осенние думы	236
Весною в доме в горах	236
Встретил чиновника...	237
Написал в пустыне	237
Напившись вина, проводил учителя Пэя	237
Весенний сон	238
В лодке на юге Ба	238

Мэ н Ю н ь ц и н

Праздник «холодной пищи». <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	239
---	-----

Ч ж а н Ц з и (Ч ж а н И с у н ь)

Ночью причалил к Фэнцяо — Мосту у Кленов. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	240
---	-----

Ч ж а н В э й

Ранние цветы мэйхуа. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	241
--	-----

Ц я н ь Ц и

Переводы Л. Меньшикова.

Поднявшись в дождь на южную башню...	242
Духи реки Сян играют на сэ	243

Л а н Ш и ю а н ь

В уезде Чжоучжи в доме Чжэн И... <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	244
--	-----

Г у К у а н

Слушаю рог горниста, думаю о возвращении домой. <i>Перевод В. Алексеева</i>	245
---	-----

Д а й Ш у л у н ь

Ночью выезжаю из реки Юань... <i>Перевод В. Алексеева</i>	246
«Трава на заставе...» <i>Перевод М. Басманова</i>	246
Женщины работают в поле. <i>Перевод А. Адалис</i>	247

В э й И н ь у

Переводы Л. Меньшикова.

Даосу-отшельнику в горах Цюаньцзяо	249
Поднялся на башню	250
Горная речка к западу от Чучжоу	250

Переводы Л. Эйдлина.

Услышал гусей	250
В Чанъани повстречал Фэн Чжу	251
Осенней ночью посылаю сановнику Цю Двадцать второму	251
Посылаю Ли Даню (Ли Юаньси)	251
Глядя на крестьянина...	252

Переводы М. Басманова.

Два стихотворения в жанре цы.	
«Млечный Путь...»	253
«Хуский скакун...»	253

Ц з я о ж а н ь

Переводы Л. Эйдлина.

Придя к Лу Хунцзяню, не застаю его дома	255
Сосна	256

Ч ж а н Ч ж и х э

Песня рыбака. <i>Перевод Л. Меньшикова</i>	257
--	-----

Л у Л у н ь

Переводы Л. Эйдлина.

Горная гостиница	258
Встреча с заболевшим воином	258

М э н Ц з я о

На древний мотив разлуки. <i>Перевод В. Алексеева</i>	260
Гуляю в горах Чжуннань. <i>Перевод Л. Меньшикова</i>	260
Путник. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	261
Женское целомудрие. <i>Перевод В. Рогова</i>	261

Л ю й В э н ь

При стуке вальков. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	262
--	-----

В а н Ц з я н ь

Песня о землепашцах. <i>Перевод Л. Меньшикова</i>	263
---	-----

Переводы М. Басманова.

Два стихотворения в жанре цы.	
«Ива ты, ива...»	264
«Круглый веер...»	264

Чжан Цзи (Чжан Цзычан)

Переводы Л. Эйдлина.

Песня о старом крестьянине	265
Осенние думы	266
Ночью в доме рыбака	266

Переводы А. Сергеева.

Свирепые тигры	266
Песня честной женщины	267
Другу, пропавшему без вести в Тибете	268

Хань Юй

Переводы В. Рогова.

Камни горы	269
В пятнадцатый день восьмой луны дарю Чжан Гунцао	270
Посетив храмы Хэпьюэ...	272
Песнь о каменных барабанах	273

Лю Цзунъюань

Переводы Л. Эйдлина.

Ранняя весна в Линлине	277
Въезжая в Хуанци, слушаю обезьян	277

Переводы В. Рогова.

Снег над рекой	278
Старый рыбак	278
Утром в храме наставника Чжао...	278
У ручья	279

Лю Юйси

Переводы Л. Эйдлина.

Провожая весну	280
Осенний ветер	281
Осень (I, II)	281
Скорблю о Потоке Глупца (I—III)	282

Переводы А. Сергеева.

Волны омывают песок	283
Город Шитоу	283
Улица Черных Одежд	283
Весенние стихи	284
Храм первого государя страны Шу	284
В горах Сисай думаю о былом	284
Песни о ветке бамбука (I, II)	285

Переводы М. Басманова.

Стихотворения в жанре цы.

«Весна ушла...»	286
«Видны повсюду персика цветы...»	286
«Цвет этих ив лазоревый такой...»	286
«Канал Бяньшуй...»	287

Бо Цзюйи

Переводы Л. Эйлина.

Я смотрю, как убирают пшеницу	288
Я остановился на ночь в деревне...	290
Спрашиваю у друга	291
Собираю траву дихуан	292
Я впервые на Тайханской дороге	292
В жестокую стужу в деревне	293
Я сшил себе теплый халат	294

Из «Циньских напевов».

В тонких одеждах на сытых конях	295
Песни и пляски	296
Покупаем цветы	297

Из «Новых народных песен»

Дулинский старик	299
Старый угольщик	300
Во дворе прохладной ночью	301
Ранней осенью ночью один	302
В запретном государевом дворце	302
Снежной ночью в деревне	302
Навещаю старое жилище почтенного Тао	303
В северной беседке провожу ночь	305
Зову восточного соседа	305
Цинь	305
Мои чувства после прощания с Юанем Девятым	306
На дороге за старой заставой	307
Смотрюсь в зеркало	307
Перед ночным дождем	307
Осенней ночью	308
Провожая весну	308
Иду ночью под редким дождем	309
Ночной снег	309
Вместе с саповником-шиланом Ханем гуляем на озере семьи Чжэнов...	310
Луна на чужбине	311
Вечная печаль	311
Певница (Пипа)	318
В осенний дождь дарю Юаню Девятому	324
В храме Хуаянгуань во время цветения персика приглашаю Ли Шестого выпить вина	324
Вторю стихам друга о весенних чувствах в Лояне	324

Расстаюсь с Взем, правителем Сучжоу	325
Ночую в доме Янов	325
Снова по служебным делам приехал на станцию Локоу	325
Написал при расставании о траве на древней равнине	326
Поздней осенью живу беззаботно	326
За Сюэ Тая скорблю о смерти его жены	326
Ночь «холодной пищи»	327
Холодная ночь на женской половине	327
Пишу в восточной беседке Ли Одиннадцатого	328
День «холодной пищи» в пути	328
Осенние цикады	328
Стихи, давно написанные мною на стене станции Локоу	329
Ванъитай	329
Вспоминаю Юаня Девятого	329
Посылаю старшему брату	330
Жене	330
В храме Ганьхуа я увидел стену...	331
Больной, получил я письмо от Фаня	331
Днем лежу в постели	331
В деревне ночью	332
Слушая цикад	332
Получил от дворцового чиновника Цянтя письмо...	332
Ранняя весна	333
Ван Чжаоцзюнь (I, II)	333
Сосна	334
В дождь, со стихами Юаня Девятого, навещаю Юаня Восьмого	334
В первый раз, сосланный на низшую должность...	334
На стене почтовой станции Ланьцяо я увидел стихи Юаня Девятого	335
Красный попугай	335
Довольно лекарств!	335
Красный тэновый посох	336
Ночь в лодке. Жене	336
В лодке читаю стихи Юаня Девятого	336
Услышав игру на чжэне девушки Цуя Седьмого	337
Ночую в Силянском храме	337
Навигаю Чжэна, удалившегося от дел	337
Взбираюсь на вершину Сянлу	338
Персиковые цветы в храме Далинь	338
Озеро к востоку от «Бамбукового холма»	338
На Цзяньчанцзяне	339
В храме Иай	339
Спрашиваю у Лю Девятнадцатого	339
Ранняя весна на Южном озере	340
В опьянении перед красной листвой	340
Могила Ли Бо	341
Посвящаю печальному страннику	341
Лotosовое озеро в Лунчанском храме	341
Третий день третьего месяца	342
Покидаю цветы	342
Чувства мои на Шаншаньской дороге	342
Радость мирной жизни (I, II)	343
Весна в Чанъани	343
На холме Долгая радость...	344
Парк Чанчжоу	344
Вспоминаю иву на реке	344

Расстаемся на Южном заливе	345
В женской половине дворца	345
В первый день осени поднимаюсь в парк Лэйююань	345
В старом доме	346
Посылаю чиновнику Вану после чтения его стихов	346
Спрашиваю себя	346
Старая ива к западу от Циньчжэнлоу	347
Расставанье у ивы	347
В ответ на полученные от сановников — шилана Ханя и боши Чжана стихи...	347
Ива у Цинских ворот	348
На вечерней реке	348
Тоскливо в холодной спальне	348
Песня «Рву лотосы»	349
Ночью слушая чжэн	349
У горного ручья готовлю чай. Мои чувства	349
В храме Цзисян увидел подпись Цяня	350
За ужином отвечаю Вэйчи	350
При взгляде на давний портрет	350
Брожу один	351
Пью ночью на озере	351
Провожу ночь в бамбуковом домике	351
Потерял журавля	352
Ивовый пух	352
Объяснение к стихам	353
Обратная лодка	353
Спрашиваю Дунлиньского учителя Юаня	354
В беседе на запад от пруда	354
Навещаю Хуанфу Седьмого	354
В дальнем зале дворцового книгохранилища	355
В Тушаньском храме гуляю один	355
На Цюйцзяне	355
Ичжоу	356
Столичные пути	356
Встретились со старым другом	356
Весной	357
Южная беседка в саду у Янов	357
Зимней ночью слушаю цикад	357
Слушая песню певицы Тянь Шуньэр	358
Из стихов «К вину»	358
Ночью в лодке	358
Вспоминаю Хуэйшу	359
На смерть Юаня. Поминальная песня (I, II)	359
Обращение к Цзечжи	360
Слушаю певицу, запевшую стихи Вэйчжи	360
У меня побывал Сяо — наставник наследника государя	360
Отвечая Юйчи на вопрос о том, в чем я нуждаюсь	361
Осенняя прогулка	361
Ночью пишу в храме Юйцюань	361
Я увидел Лю Двадцать восьмого в первый раз после раз- луки	362
За вином я снова задерживаю Мэндэ	362
Весна в Лояне	362
С досадой думаю о прошлом годе	363
Дамба Вэйского князя	363
Ранняя смерть и старость	363

Пробуя молодое вино, вспоминаю Хуэйшу (I, II)	364
Читая Лао-цзы	364
На озере Цзисяньчи — Собрания талантов отвечаю на вопрос сановника-шичжуна	365
В зимний день возвращаюсь домой по Пинцюаньской дороге У озера (I, II)	365
Мой маленький домик	366
Навещаю весну	367
Я огорчен весенним ветром. Посылаю два четверостишия Ли Двадцатому (I, II)	367
Провожая начальника отделения Лу, отправляющегося в Хэ- дун...	368
Благодарю за присланное мне платье	368
Возвращаюсь вечером в восточный город	368
Сучжоуский чиновник	369
Один стою на западной башне	369
Ранней весной поднимаюсь на Тяньгунгэ — Башню Небесного Дворца	369
Под горой расстаюсь с проводившим меня буддийским монахом Горечь разлуки	370
Проезжий, оставленный в холодной станции	370
После поста радуюсь раннему приходу Хуанфу Ланчжи	371
Приглашаю монаха, живущего в горах	371
Гуляю в Чжаоцунь среди абрикосовых цветов	372
На озере	372
Проезжая через древний Лоян	375
Храм на горе Линъянь	376
Мне жаль цветов	376
Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Лю	376
Ночная прохлада	377
Мне жаль пионов	377
До чего же разумен Лэтянь	377

Ю а н ь Ч ж э н ь

Переводы Л. Черкасского.

На смерть жены (I—III)	380
Песня крестьянина	383

Переводы А. Сергеева.

Песня ткачихи	384
При известии, что поэт Бо Цзюйи назначен...	385
Старый походный дворец	385

Ц з я Д а о

Ищу отшельника, не застаю. <i>Перевод В. Алексеева</i>	387
--	-----

Л и Ш э н ь

Печалюсь о крестьянине. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	388
---	-----

Л и Х э

Переводы А. Сергеева.

Южный парк	389
Побеги бамбука в парке Чангу	389
Сон в небесах	390
К вину	390

Д у М у

К дороге. <i>Перевод Л. Эйдлина</i>	391
---	-----

Переводы А. Сергеева.

Возвращение домой	392
В дар отцу-рыбаку	392
Подплываю к набережной Циньхуай	392
Думаю о прежнем путешествии	392
Весна в Цзяннани	393
Поездка в горы	393
Осенний вечер	393
Презжаю мимо дворца Хуацзин	393
Разлука (I, II)	394
Сожаление	394
Сад Цзиньгу	394
В гостинице	395

Л и Ш а н ъ и н ь

Переводы А. Ахматовой.

Лэююань	396
Ночью в дождь пишу на север	396
Драгоценная цитра	396
Цзя И. <i>Перевод А. Гитовича</i>	397

Переводы А. Сергеева.

Пишу о думах	397
Без названия	398
Без названия	398
Без названия	399
Опавшие цветы	399
Чанъэ	399

В э н ь Т и н ь ю н ь

Переводы М. Басманова.

Утро в горах Шаншань	401
Стихотворения в жанре цы.	
«Я причесалась...»	401
«Встрепенулся в испуге...»	402

«В наплывах воска красная свеча...»	402
«Луна бледнеет...»	403
«Ложа блеск...»	403
«В башне яшмовой, в свете луны...»	404

П и Ж и с ю

Сочувствую луншаньским жителям. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	405
---	-----

Л о И н ь

Переводы Г. Ярославцева.

Вернувшись в Мянгю, посылаю стихи братьям Цай	407
Сиши	408

В э й Ч ж у а н

Переводы А. Сергеева.

Цзинлинский пейзаж	409
Ночные мысли в Чжантае	409

Переводы М. Басманова.

Стихотворения в жанре цы.

«Инея блеск...»	410
«Всю ночь я грежу о тебе одной...»	410
«Хороша Цзяннань...»	411
«Днем весенним...»	411
«Как раз в этот день...»	412

С ы к у н Т у

Поэма о поэте. <i>Перевод С. Боброва</i>	413
--	-----

Л и Ю й

Переводы М. Басманова.

Стихотворения в жанре цы.

«Тусклый месяц. Туман на цветы...»	426
«С рассветом...»	427
«Маленький сад опустел...»	427
«Опали цветы, сменился...»	428
«Один на западной башне...»	428
«Гор гряда...»	429
«Безмерна скорбь...»	429

«Мечты меня уносят далеко...»	429
«Мечты меня уносят далеко. Теперь на юге...»	430
«Год и еще полгода в разлуке!...»	430
«Шумит за шторой дождь, не умолкая...»	431
«Осталось мне одно — скорбеть о прошлом!...»	431
«Страна моя, что от меня вдали...»	432
«То весна с цветами...»	432

Комментарии	434
-----------------------	-----

Поэзия эпохи Тан (VII—X вв.): Пер. с кит./Ред. П 67 кол. Л. Делюсин, Т. Редько, В. Сорокин и др.; Сост. и вступ. статья Л. Эйдлина.— М.: Худож. лит., 1987.— 479 с.

Поэзия эпохи Тан в Китае — огромный мир высоких человеческих чувств и мыслей, художественных откровений и философских обобщений. Жизнь природы и ее восприятие человеком, радости и печали земного существования, любовь к родине, дружба, счастье общения и грусть при разлуке, сплетение «пейзажной» и «пограничной» темы, гражданские мотивы, верность идеалам и долгу — в этом поэзия танских лириков. В томе представлено творчество Мэн Хаожаня и Ван Вэя, Ли Бо и Ду Фу, Бо Цзюйи и Сыкун Ту, чьи творения навсегда вошли в сокровищницу мировой культуры, а также стихотворения еще пятидесяти наиболее известных танских поэтов.

П 4703000000-198
028(01)-87 208-87

ББК 84. 5Кит

ПОЭЗИЯ ЭПОХИ ТАН

Составитель

Лев Залманович Эйдлин

Редактор Г. Ярославцев

Художественный редактор А. Моисеев

Технические редакторы

Л. Вецкувене, Г. Моисеева

Корректор Г. Асланянц

ИБ № 4582

Сдано в набор 23.07.86. Подписано в печать 07.04.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. имп. Гарнитура «Литературная»; Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,2. Уч. изд. л. 20,55. Изд. № VIII-1978. Заказ № 516. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

